

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



26 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (629) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Александра Сергеевна Дубровина* (1986), кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Федерального научного центра биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Александра Сергеевна родилась в селе Черноручье Лазовского района Приморского края. В 2008 году она окончила Дальневосточный государственный университет по специальности «биохимия», а в 2010 году защитила диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук по специальности «биотехнология».

Область научных интересов Александры Дубровиной — биотехнология. Ее работа посвящена разработке новых подходов для направленной регуляции свойств растений, ведущих к изменению их продукционных свойств, стрессоустойчивости и других характеристик в желаемом направлении.

В настоящее время разработка новых подходов для изменения различных характеристик растений — чрезвычайно актуальная задача, поскольку получение высокопродуктивных и высокоустойчивых растений с помощью экологически чистых и генетически безопасных подходов до сих пор остается нерешенной проблемой, которая приводит к многомиллионным потерям вследствие снижения или потери урожайности сельскохозяйственных культур в нашей стране.

Александра Сергеевна показала, что с помощью обработки поверхности растения экзогенными дцРНК

и киРНК можно вызвать замолкание генов, активная экспрессия которых препятствует повышению качества определенных характеристик растений, и определила возможность влияния на экспрессию генов растений и направленного изменения исследуемых свойств растений с помощью внешней обработки поверхности растения водными растворами двухцепочечных РНК.

Дубровина — лауреат премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых за 2021 год. Премия присуждена за развитие новых подходов для индукции РНК-интерференции и направленной регуляции работы генов растений. Показана возможность регулировать экспрессию генов растений и целенаправленно изменять их свойства путем внешней обработки поверхности растения растворами двухцепочечных РНК.

Александра Сергеевна также удостоена медали РАН с премией для студентов высших учебных заведений (2008); является победителем российского конкурса «Для женщин в науке» L'Oreal (2013); удостоена премии имени академика ВАСХНИЛ Б. А. Неунылова по направлению «физико-химическая биология» за цикл работ «Изучение механизмов устойчивости к стрессам и старения у растений с помощью молекулярно-биологических методов» (2015).

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Оковитая П. П., Веников А. А.

Причины и детерминанты морской преступности..... 139

Павлова Д. А.

Отступное и новация как способы прекращения обязательств: вопросы разграничения..... 141

Панарина С. Е.

Административная ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации: проблемы квалификации и процессуального доказывания 143

Пасынкова Д. А.

Уголовно-правовые средства предупреждения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 147

Плотникова Е. Т.

Ювенальная юстиция в Российской Федерации 150

Полуэктова Е. И.

Криминологическая характеристика преступлений, связанных с недоброкачественным ремонтом транспортных средств..... 153

Понкратенко С. В.

Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве в России: теоретические основы и правоприменительные проблемы ... 155

Priytenko V. V.

Personnel Records as a tool of internal communication in the Administration of Pavlovsky Municipal District of Voronezh Region 157

Рязова Д. А.

Цифровизация адвокатской деятельности. Комплексная информационная система адвокатуры России..... 159

Савченко Е. Ю.

К вопросу о разграничении предъявления для опознания от других следственных действий..... 162

Саркитова В. Б.

Методология выявления и преодоления противодействия расследованию контрабанды наркотических средств: проблемы, технологии и организационные механизмы 163

Скаков В. В.

Обеспечение баланса публичных и частных интересов в риск-ориентированном подходе в условиях цифровизации 166

Сороколет А. С.

Особенности выемки электронных носителей информации в уголовном процессе в Российской Федерации..... 168

Степаненко З. И.

Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве: проблемы правоприменительной оценки 170

Тимушев М. С.

Конституционно-правовые основы и проблемы реализации обеспечения жильем детей-сирот 172

Толпыгина А. И.

Взаимодействие Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации 175

Украинская Ю. В.

Обеспечение законности в досудебном производстве: роль прокурора в устранении следственных ошибок..... 182

Фадеев И. Д.

Понятие и значение единой системы публичной власти в Российской Федерации... 183

Федченко Д. Е., Борец А. Е.

Преступность в исключительной экономической зоне 186

Фейцех А. М.

Анализ привлечения к ответственности государственных служащих 188

Хакимов П. Е.

Обязательность международных договоров и пределы дискреции 190

Хакимов П. Е.

Имитационный конституционализм:
правовой конфликт международных актов
и Конституции Российской Федерации 193

**Цыцова А. А., Ручкина Д. С., Говарунова К. Д.,
Рослякова В. А., Чередниченко А. В.**

Проблемы отграничения разбоя от смежных
составов преступления 196

Шагиров А. А.

Проблемы защиты прав потребителей
рекламы в условиях цифровизации 198

Шалаганова В. А.

Законный состав суда как элемент права
на справедливое правосудие: проблемы
теории и правоприменения 199

Шалаганова В. А.

Институт состава суда в уголовном процессе:
проблемы определения и критерии
формирования 201

Шалаганова В. А.

Суд с участием присяжных заседателей:
достаточно ли у председательствующего
полномочий для обеспечения законности
процесса 203

Шаньгина А. И.

Проблемы определения специального
субъекта преступления, предусмотренного
статьей 156 УК РФ, и пути их разрешения 205

Ширепов А. Ю.

Организационно-тактические особенности
преодоления «заговора молчания»
на первоначальном этапе расследования
убийств, совершенных по мотиву кровной
мести 207

Щербакова М. В.

Криминалистическая характеристика
расследования преступлений против жизни
и здоровья, совершаемых при оказании
медицинской помощи 210

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Причины и детерминанты морской преступности

Оковитая Полина Павловна, студент;

Беников Артём Александрович, студент

Научный руководитель: Хомик Элла Владимировна, старший преподаватель

Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток)

В статье рассматриваются основные детерминанты морской преступности: социально-экономические, организационно-правовые и географические факторы. Анализируются проблемы государственного контроля, пробелы законодательства и сложности международного взаимодействия. Подчеркивается комплексный характер морской преступности.

Ключевые слова: морская преступность, морской транспорт, пиратство, государственный контроль, детерминанты.

Морской транспорт играет важную роль в мировой экономике, обеспечивая значительную часть международных перевозок грузов и пассажиров. Вместе с тем развитие морского судоходства сопровождается распространением различных видов преступной деятельности, представляющих угрозу безопасности мореплавания, экономическим интересам государств и жизни членов экипажей судов. В связи с этим изучение причин и детерминант морской преступности является актуальной задачей криминологической науки.

Актуальность темы подтверждается современными статистическими данными. Согласно сведениям Международного морского бюро (ИМБ), в 2025 году в мире зарегистрировано 137 случаев пиратства и вооружённых нападений на суда, что на 18 % больше, чем в 2024 году. Наиболее опасным районом признан Сингапурский пролив, на который пришлось более половины всех зафиксированных инцидентов. Данные обстоятельства свидетельствуют о сохранении высокого уровня криминальных угроз в морском пространстве.

Целью настоящей статьи является выявление основных причин и детерминант морской преступности. Для достижения данной цели рассматриваются основные факторы, способствующие совершению преступлений на море, а также направления повышения эффективности их предупреждения [1].

Морская деятельность исторически связана с обеспечением жизненно важных интересов государств, включая развитие судоходства, использование природных ресурсов, обеспечение безопасности морских пространств и международной торговли. Вместе с тем морская среда

традиционно выступает пространством совершения разнообразных преступлений, представляющих угрозу как национальным интересам прибрежных государств, так и международному судоходству.

Под морской преступностью в криминологическом смысле следует понимать совокупность противоправных деяний, совершаемых в морских пространствах либо с использованием морского транспорта и инфраструктуры, направленных против безопасности мореплавания, экономических интересов и общественной безопасности.

К числу ключевых признаков морской преступности относятся:

- транснациональный характер значительной части деяний;
- высокая латентность и сложность выявления;
- совершение преступлений в специфической среде (открытое море, исключительная экономическая зона, порты);
- сочетание корыстной и насильственной мотивации;
- значительная роль организованных преступных групп, действующих по типу транснациональных структур.

Отдельной особенностью является то, что морская преступность не ограничивается рамками национального права и в значительной степени регулируется нормами международного права, что усложняет её криминологическую оценку и противодействие [4].

К основным видам морской преступности относятся:

- пиратство и вооружённые нападения на морские суда;
- морской терроризм как форма воздействия на органы власти и население;

- незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ с использованием морского транспорта;
- незаконная перевозка оружия и взрывчатых веществ;
- незаконная миграция и торговля людьми по морским маршрутам;
- контрабанда объектов флоры и фауны, включая редкие и охраняемые виды;
- незаконный, нерегулируемый и несообщаемый рыбный промысел;
- экологические преступления, связанные с эксплуатацией морской среды.

Особенностью данных деяний является их высокая взаимосвязь: одни и те же преступные структуры могут одновременно осуществлять наркотрафик, пиратство, незаконную миграцию и торговлю оружием, формируя устойчивые транснациональные криминальные сети.

Одной из ключевых групп факторов, обуславливающих существование морской преступности, являются социально-экономические условия. В прибрежных регионах ряда государств сохраняются высокий уровень безработицы и низкие стандарты жизни населения, что формирует устойчивую криминогенную среду и способствует вовлечению лиц в противоправную деятельность.

Социально-экономические причины морской преступности формируются под влиянием ряда взаимосвязанных факторов, связанных с состоянием экономики, уровнем занятости населения и особенностями рынка водных биологических ресурсов.

Одним из основных факторов является недостаточное развитие аквакультуры. При крайне низкой доле России в мировом производстве (около 0,4 %) и ее небольшой доле в общем объеме добычи и производства водных биоресурсов (около 6,9 %) возникает дефицит легальной рыбной продукции. Это приводит к несоответствию спроса и предложения и усиливает нагрузку на природные популяции водных биоресурсов, что, в свою очередь, способствует распространению незаконного вылова.

Значительное влияние оказывают и социально-экономические условия в прибрежных и удаленных регионах. Ограниченные возможности легального трудоустройства, безработица и низкий уровень доходов населения приводят к тому, что для части местных жителей незаконная добыча водных биоресурсов становится основным либо наиболее доступным способом получения дохода. В таких условиях браконьерство приобретает характер устойчивого неформального промысла.

Важным фактором также является высокая доходность незаконного оборота водных биоресурсов. Постоянный спрос на рыбную продукцию, особенно на ценные и деликатесные виды, формирует устойчивый теневой рынок. Высокая стоимость отдельных видов продукции, включая черную икру и ценные виды рыбы, делает незаконный промысел экономически выгодным даже при наличии риска уголовной ответственности. Это способствует во-

влечению как отдельных лиц, так и организованных групп в систематическую противоправную деятельность [2].

Организационно-управленческие и правовые причины морской преступности обусловлены комплексом проблем, связанных с недостаточной эффективностью контроля в морской сфере, несовершенством правового регулирования и слабой координацией между государствами и их компетентными органами.

Одним из ключевых факторов выступает недостаточная результативность государственного контроля в морской среде. Практика показывает, что значительная часть противоправных действий на море остается вне системного учета и надлежащего реагирования, что снижает общую эффективность противодействия морской преступности.

Существенное значение имеют пробелы как международного, так и национального законодательства. Отсутствие единых подходов к правовому регулированию и недостаточная разработанность правовой базы в сфере борьбы с морской преступностью приводят к снижению эффективности мер реагирования. В нормативных актах различных государств и международных соглашениях по-разному трактуются меры противодействия, при этом реальные механизмы координации часто остаются недостаточно определенными и носят преимущественно декларативный характер.

Отдельной проблемой является недостаточный уровень взаимодействия между правоохранительными органами различных государств. Несмотря на наличие соглашений о сотрудничестве и обмене информацией, на практике отсутствует единая система координации, а также единые механизмы оперативного реагирования на транснациональные преступления в морской среде. Это приводит к затруднениям в расследовании и пресечении преступлений, совершаемых в международных водах и удаленных морских районах [3].

Географические и инфраструктурные детерминанты морской преступности обусловлены, прежде всего, значительной протяженностью морских границ, что объективно затрудняет их надлежащий контроль и создаёт устойчивые предпосылки для совершения противоправных деяний в морских пространствах.

Важным фактором также выступает сложность контроля морских акваторий и удаленных районов, поскольку значительная часть морских перевозок и операций осуществляется на значительном расстоянии от береговой инфраструктуры и контролирующих органов, что осложняет выявление и пресечение преступлений «по горячим следам».

Отдельное значение имеет использование морской транспортной инфраструктуры для совершения преступлений, поскольку морской транспорт, обладая высокой экономической значимостью и обеспечивая основную часть международных перевозок, одновременно становится удобной средой для противоправной деятельности, включая перемещение товаров, использование судов как

орудия преступлений и совершение различных видов нарушений в процессе эксплуатации морских судов [5].

В заключение следует отметить, что морская преступность формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов, включающих социально-экономические, организационно-правовые и географические детерминанты, которые в совокупности создают устойчивые условия для её распространения.

Социально-экономические условия, выражающиеся в уровне жизни населения прибрежных регионов и высокой доходности незаконного оборота водных биоресурсов, формируют мотивационную основу для совершения преступлений на море. Одновременно организационно-правовые проблемы, связанные с недо-

статочной эффективностью государственного контроля, пробелами в законодательстве и слабым взаимодействием между компетентными органами различных государств, существенно снижают результативность противодействия. Географические и инфраструктурные особенности морской среды, включая значительную протяжённость морских границ и сложность контроля удалённых акваторий, дополнительно осложняют выявление и пресечение противоправных деяний.

В результате указанные группы факторов не действуют изолированно, а взаимно усиливают друг друга, что обуславливает устойчивый характер морской преступности и необходимость комплексного подхода к её предупреждению и пресечению.

Литература:

1. ИМВ: Число пиратских инцидентов в мире выросло в 2025 году, Сингапурский пролив стал самым опасным районом // КОРАБЕЛ.РУ. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/imb_chislo_piratskih_incidentov_v_mire_vyroslo_v_2025_godu_singapurskiy_proliv_stal_samym_opasnym_rayonom.html (дата обращения: 20.06.2026).
2. Криминологический анализ морского браконьерства в России: актуальные проблемы, причины, последствия и стратегии противодействия, Уголовное право — Реферат // Referat Books. URL: <https://referatbooks.ru/referat/kriminologicheskaya-harakteristika-morskogo-brakonerstva/> (дата обращения: 20.06.2026).
3. Михеев Валерий Леонидович Борьба с преступностью на море в системе обеспечения национальной безопасности России // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-prestupnostyu-na-more-v-sisteme-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 21.06.2026).
4. Михеев Валерий Леонидович Преступность на море как криминологическая проблема // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-na-more-kak-kriminologicheskaya-problema> (дата обращения: 21.06.2026).
5. Федорова, Е. А. Морской транспорт как место совершения преступления и проблемы профилактики преступных деяний / Е. А. Федорова // Наука и общество — 2021: Материалы международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 09 апреля 2021 года / Под редакцией Н. Б. Осипян, И. В. Макаровой, М. И. Жбанниковой. — Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2021. — С. 325–332. — EDN ZEMQYV.

Отступное и новация как способы прекращения обязательств: вопросы разграничения

Павлова Дарья Алексеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Современный гражданский оборот требует гибких механизмов прекращения обязательств, позволяющих сторонам учитывать меняющиеся обстоятельства. К числу таких механизмов относятся отступное и новация. Оба института предполагают замену первоначального исполнения иным предоставлением, однако их правовая природа и последствия для сторон существенно различаются. Отсутствие единых подходов к разграничению отступного и новации как в доктрине, так и в судебной практике обуславливает актуальность их сравнительного исследования. Цель настоящей статьи — выявить критерии, позволяющие отграничить отступное от новации.

Согласно статье 409 Гражданского кодекса РФ, стороны могут прекратить обязательство, предоставив взамен исполнения отступное — уплату денег или передачу иного имущества. Как поясняет Е. А. Суханов, смысл отступного состоит в том, что должник с согласия кредитора «откупается» от долга, передавая иной предмет [1, с. 104]. Ключевой чертой отступного является его реальный характер: обязательство прекращается не в момент подписания соглашения, а с момента фактической передачи отступного. До этого момента кредитор вправе требовать первоначального исполнения. В доктрине отмечается, что соглашение об отступном создаёт факультативное обязатель-

ство: должник может, но не обязан заменять исполнение, кредитор же обязан принять отступное, если должник его предоставил.

Как разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 6, отступное может предоставляться не только в виде денег или имущества, но и в виде выполнения работ, оказания услуг [3]. Однако в литературе высказывается опасение, что такое широкое толкование стирает грань между отступным и новацией, смешивая замену исполнения с заменой самого обязательства.

Так, Н. В. Кузнецова обращает внимание на допущение судебной практикой использование в качестве отступного работ и услуг, что, по её мнению, противоречит прямому указанию ст. 409 ГК РФ и фактически превращает соглашение об отступном в новацию, поскольку вместо замены предмета исполнения происходит возникновение нового обязательства. Автор критикует ссылки на свободу договора в данном случае, полагая, что они не могут преодолеть императивное ограничение, установленное законом [4, с. 1055]. Эта позиция показывает, что даже после разъяснений Пленума Верховного Суда РФ дискуссия о пределах применения отступного сохраняет свою актуальность.

М. И. Брагинский и В. В. Витрянский подчеркивают, что отступное обычно предоставляется после того, как обязательство уже нарушено, и прекращает его без возникновения нового [5, с. 453–454]. Этим оно принципиально отличается от новации, где возникает новое обязательство.

Новация (ст. 414 ГК РФ) представляет собой прекращение обязательства путём замены его другим обязательством между теми же лицами. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский определяют новацию как «любое изменение договора», при котором стороны продолжают занимать свои места в правоотношении [5, с. 457–458]. Квалифицирующим признаком новации признается явно выраженное намерение сторон заменить первоначальное обязательство новым. Такое намерение не предполагается, оно должно быть прямо указано в соглашении.

В отличие от отступного, новация является консенсуальной сделкой: обязательство прекращается в момент заключения соглашения, независимо от того, будет ли исполнено новое обязательство. По общему правилу п. 2 ст. 414 ГК РФ новация прекращает и дополнительные обязательства (неустойку, поручительство, залог), если стороны не оговорят иное.

В современной цивилистической науке отсутствует единство подходов к разграничению отступного и новации. Как отмечается в юридической литературе, наличие у этих институтов как внешних, так и внутренних общих черт предопределяет сложность и неоднозначность решения вопроса об их разграничении как в теории, так и на практике [6, с. 220]. Отдельные авторы рассматривают отступное как разновидность новации либо, напротив, новацию как частный случай отступного, что свидетельствует о разнообразии доктринальных позиций.

В связи с этим для практического применения наиболее значимыми представляются три критерия, позволяющие разграничить данные институты.

Первое различие — характер сделки. Отступное реально (прекращает обязательство с момента передачи), новация консенсуальна (прекращает с момента подписания). Если должник не предоставит отступное, кредитор может требовать первоначального исполнения. Второе различие — юридический результат. При отступном обязательство прекращается без возникновения нового. При новации обязательство заменяется новым, которое стороны должны исполнить. Как указывает О. Ю. Шилов, ключевое отличие новации — замена обязательства новым, тогда как отступное просто прекращает обязательство без создания нового [7]. Третье различие — судьба дополнительных обязательств. По общему правилу при отступном прекращаются все обязательства по договору, включая неустойку, но стороны могут сохранить их соглашением. При новации неустойка и обеспечительные обязательства прекращаются вместе с основным долгом (п. 2 ст. 414 ГК РФ), если стороны не оговорят иное.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 6 обратил внимание на следующие аспекты разграничения. Во-первых, если моменты заключения соглашения об отступном и предоставления отступного не совпадают, возникает факультативное обязательство: должник вправе либо исполнить первоначальное обязательство, либо предоставить отступное, а кредитор обязан принять выбранный вариант. Во-вторых, при сомнении в том, какой институт имели в виду стороны (отступное или новация), соглашение толкуется в пользу отступного [3]. Это разъяснение важно для практики: оно позволяет квалифицировать сомнительные соглашения в пользу сохранения за кредитором права требовать первоначального исполнения, если отступное не будет предоставлено.

Показательным является дело, рассмотренное Верховным Судом РФ. Между сторонами был заключён договор займа, а затем соглашение об отступном, по которому должник обязался передать кредитору долю в праве собственности на жилой дом. Суд первой инстанции отказал кредитору в иске о регистрации перехода права собственности, апелляция требование удовлетворила. Верховный Суд отменил апелляционное определение, указав, что при отступном первоначальное обязательство прекращается только с момента фактической передачи имущества. Поскольку передача не состоялась, кредитор не вправе требовать исполнения соглашения об отступном; он может лишь требовать возврата суммы займа по первоначальному договору [8].

Таким образом, отступное и новация представляют собой самостоятельные способы прекращения обязательств, каждый из которых имеет свою правовую природу и сферу применения. Отступное ориентировано на фактическую замену исполнения, а новация — на замену содержания обязательства, перенося отношения сторон в новое правовое русло. Правильное разграничение этих

институтов позволяет сторонам осознанно выбирать наиболее подходящий способ прекращения обязательства и минимизировать риски, связанные с неверной квалификацией их соглашения.

Литература:

1. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. — М.: Статут, 2023. — Т. 3. — 524 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств». — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355061/ (дата обращения: 18.06.2026).
4. Кузнецова Н. В. Договорные основания прекращения гражданско-правовых обязательств: проблемы теории и практики применения // Вестник Удмуртского университета. 2021. № 6. С. 1054–1058.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. — М.: Статут, 2020. — 847 с.
6. Аминов Е. Р. Новация и отступное в гражданском праве России: постановка проблемы сравнительного исследования // Молодой ученый. 2010. № 4 (15). С. 217–221.
7. Шиловост О. Ю. Прекращение обязательства новацией / О. Ю. Шиловост. — Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/3540530/> (дата обращения: 18.06.2026).
8. Определение Верховного Суда РФ от 19 сентября 2017 г. № 117-КГ17–8. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=513584> (дата обращения: 18.06.2026).

Административная ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации: проблемы квалификации и процессуального доказывания

Панарина София Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Верещагин Сергей Григорьевич, доктор политических наук,
кандидат юридических наук, профессор
Владивостокский государственный университет

В статье автор исследует актуальные вопросы административно-правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в Российской Федерации. На основе анализа норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, гражданского законодательства и судебной практики рассматриваются особенности квалификации правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, специфика доказывания по делам о незаконном использовании товарных знаков, авторских и патентных прав, а также проблемы разграничения административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности. Особое внимание уделено процессуальным аспектам возбуждения дел, роли уполномоченных органов и прокуратуры, а также сложностям фиксации нарушений в цифровой среде. Автором сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики, направленные на повышение эффективности защиты интеллектуальных прав публично-правовыми средствами.

Ключевые слова: административная ответственность, интеллектуальная собственность, товарный знак, контрафактная продукция, доказывание, процессуальная форма, КоАП РФ, Суд по интеллектуальным правам.

Интеллектуальная собственность занимает устойчивое место в современном гражданском обороте, предпринимательской деятельности и цифровой экономике. Произведения науки и искусства, программы для ЭВМ, товарные знаки, изобретения и иные охраняемые объекты активно используются в производстве, торговле, рекламе и сфере услуг. Рост электронного коммер-

ческого оборота, развитие маркетплейсов и расширение каналов распространения продукции объективно усиливают риски незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности. В этих условиях административная ответственность остается одним из наиболее востребованных публично-правовых инструментов реагирования на нарушения, поскольку она позволяет не

только восстановить нарушенное право конкретного лица, но и дать публичную оценку противоправному поведению, пресечь незаконный оборот и защитить интересы потребителей и добросовестных участников рынка.

Актуальность исследования обусловлена тем, что эффективность административной защиты напрямую зависит от качества квалификации деяний и соблюдения процессуальной формы. Нарушение интеллектуального права может получить гражданско-правовую, административную или уголовно-правовую оценку, и ошибка в определении вида ответственности неизбежно влияет на подведомственность дела, круг доказательств, сроки производства и итоговое решение. Практическая сложность заключается в том, что составы административных правонарушений в данной сфере носят бланкетный характер и требуют обращения к гражданскому законодательству для установления самого факта наличия охраняемого права и объема его защиты [2]. Кроме того, цифровая трансформация торговли создает новые вызовы для правоприменителей, требуя адаптации процедур доказывания к особенностям онлайн-среды.

Теоретико-правовую основу административной ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности составляет совокупность конституционных положений, норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Часть 1 статьи 44 Конституции РФ гарантирует каждому свободу творчества и устанавливает, что интеллектуальная собственность охраняется законом [1]. Это конституционное положение связывает частный интерес правообладателя с публичной обязанностью государства поддерживать законный порядок в сфере использования охраняемых объектов. Административная ответственность вступает в действие тогда, когда нарушение приобретает признаки административного деликта, то есть выходит за рамки частного спора и затрагивает общественные отношения в области установленного порядка управления и экономического оборота.

Нормативное регулирование в рассматриваемой сфере характеризуется комплексностью. Специальные составы административных правонарушений распределены в КоАП РФ по объекту посягательства [3]. Статья 7.12 охватывает нарушения авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, объединяя в одной норме различные группы объектов, что создает определенные сложности при квалификации [8, с. 24]. Статья 14.10 предусматривает ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ и услуг, являясь наиболее распространенной нормой в правоприменительной практике. Статья 14.33 регулирует ответственность за недобросовестную конкуренцию, связанную с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности. При этом применение указанных норм невозможно без обращения к положениям части четвертой ГК РФ, которые определяют содержание

исключительных прав, способы их использования и пределы правовой охраны.

Одной из ключевых проблем правоприменения является четкое разграничение административной ответственности со смежными видами юридической ответственности. Граница с гражданско-правовой ответственностью проходит через наличие публичного состава правонарушения. Если спор касается исключительно восстановления субъективного права правообладателя, взыскания компенсации или убытков, он подлежит разрешению в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства [7, с. 30]. Административное производство ориентировано на фиксацию противоправного поведения, установление вины и назначение наказания в интересах государства и общества [6]. Однако на практике эти плоскости часто пересекаются, поскольку одно и то же деяние может служить основанием как для иска о защите интеллектуальных прав, так и для возбуждения административного дела. Важно подчеркнуть, что административная ответственность не подменяет собой гражданско-правовую защиту, а дополняет ее, обеспечивая превентивное и карательное воздействие на нарушителей [7, с. 30].

Разграничение административной и уголовной ответственности представляет собой еще более сложную задачу, особенно в делах о незаконном использовании товарных знаков. Уголовная ответственность по статье 180 Уголовного кодекса РФ наступает при наличии признаков неоднократности либо причинения крупного ущерба, размер которого превышает четыреста тысяч рублей [4]. При отсутствии этих квалифицирующих признаков деяние оценивается как административное правонарушение. Ошибка в оценке степени общественной опасности и размера ущерба может привести к необоснованному отказу в возбуждении уголовного дела или, напротив, к незаконному привлечению лица к уголовной ответственности вместо административной. Критерии разграничения должны применяться последовательно, с учетом всех обстоятельств дела, включая масштаб незаконного оборота, способ совершения правонарушения и последствия для правообладателя и рынка [5].

Процессуальный порядок привлечения к административной ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности имеет существенную специфику, обусловленную характером объекта посягательства. Возбуждение дела требует наличия не только повода, но и достаточных данных, указывающих на признаки правонарушения. В отличие от многих других категорий дел, где достаточно зафиксировать сам факт противоправного поведения, в сфере интеллектуальной собственности необходимо предварительно подтвердить существование охраняемого объекта и принадлежность исключительного права конкретному лицу. Без такой правовой привязки протокол об административном правонарушении превращается в описание подозрительной продукции без полноценной юридической оценки, что делает дальнейшее производство бесперспективным [11, с. 88].

Компетенция органов, уполномоченных возбуждать дела и составлять протоколы, определяется местом выявления нарушения и характером незаконного оборота. Полиция осуществляет первичную фиксацию нарушений при реализации контрафактной продукции в розничной торговле, на рынках и складах [12, с. 117]. Таможенные органы пресекают перемещение товаров с признаками нарушения интеллектуальных прав через границу, используя механизмы приостановления выпуска и таможенные реестры объектов интеллектуальной собственности [12, с. 119]. Антимонопольная служба реагирует на случаи недобросовестной конкуренции, связанные с использованием чужих средств индивидуализации [9, с. 58]. Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законности и вправе самостоятельно возбуждать дела при выявлении массовых нарушений или бездействии иных органов [10]. Качество первичной фиксации, выполненной компетентным органом, определяет устойчивость всей последующей доказательственной базы.

Доказывание по делам о нарушении интеллектуальных прав строится по особой логике. Предмет доказывания включает несколько обязательных блоков: наличие действующей правовой охраны, принадлежность права заявителю, факт незаконного использования объекта конкретным лицом, отсутствие разрешения правообладателя и виновные действия привлекаемого лица. По делам о товарных знаках центральное значение имеют доказательства сходства обозначения до степени смешения и однородности товаров. Простого визуального сравнения часто бывает недостаточно, поэтому ключевую роль играют заключения специалистов и экспертов, которые оценивают фонетическое, графическое и смысловое восприятие обозначений обычным потребителем. Однако экспертное заключение не может подменять правовую квалификацию, которая остается исключительной прерогативой суда или должностного лица, рассматривающего дело.

По делам о нарушении авторских и смежных прав предмет доказывания смещается в сторону подтверждения контрафактности экземпляров произведений или фонограмм, а также цели извлечения дохода. Правообладатель должен предоставить сведения о легальных способах распространения, лицензионных договорах и отличительных признаках оригинальной продукции. Ответ правообладателя является важным, но не единственным доказательством; он должен быть оценен в совокупности с протоколом осмотра, изъятыми вещественными доказательствами, объяснениями продавца и документами о происхождении товара. Административная ответственность не может основываться исключительно на заинтересованной позиции правообладателя без независимой проверки обстоятельств дела уполномоченным органом.

Наиболее сложный блок доказывания связан с патентными правами. Установление нарушения прав на изобретение, полезную модель или промышленный образец требует специальных технических знаний и сопоставления признаков охраняемого решения, закрепленных в фор-

муле изобретения или описании, с фактическими характеристиками спорного изделия или технологии. Внешнее сходство продукции само по себе не свидетельствует о нарушении патентных прав. В таких делах незаменимыми являются патентная документация, технические заключения специалистов, образцы продукции и пояснения патентообладателя. Отсутствие специального исследования, как правило, делает невозможным обоснованный вывод о наличии состава административного правонарушения.

Цифровая среда существенно трансформирует процедуры доказывания. Незаконное использование объектов интеллектуальной собственности все чаще происходит через интернет-сайты, маркетплейсы, социальные сети и мессенджеры. Фиксация таких нарушений требует особого внимания к процессуальной форме сбора электронных доказательств. Скриншот страницы без указания адреса ресурса, даты и времени фиксации, сведений о продавце и условиях заказа редко признается судом допустимым доказательством. Необходимо использовать протоколы осмотра сайтов, нотариальное обеспечение доказательств, запросы владельцам площадок, данные о доменных именах и электронную переписку. При рассмотрении дел, связанных с продажей контрафакта на маркетплейсах, судам предстоит устанавливать лицо, контролирующее карточку товара, связь между предложением и реальным поставщиком, а также факт введения продукции в оборот через цифровую платформу.

Допустимость доказательств является критически важным условием законности привлечения к ответственности. Согласно части 3 статьи 26.2 КоАП РФ, не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона [3]. В делах об интеллектуальной собственности это требование приобретает особое значение, поскольку один и тот же предмет — например, партия контрафактного товара — одновременно подтверждает событие правонарушения, является предметом административного правонарушения и может быть подвергнут конфискации. Нарушения при изъятии, хранении, упаковке или передаче на исследование могут привести к утрате доказательственной силы материалов и прекращению производства по делу. Суды все чаще применяют строгий подход к оценке допустимости доказательств, исключая материалы, полученные вне установленной процессуальной формы.

Сроки давности привлечения к административной ответственности остаются одним из наиболее чувствительных элементов практики. Специфика дел об интеллектуальной собственности, требующая проведения экспертиз, направления запросов правообладателям и проверки регистрационных данных, объективно удлиняет время производства. Пропуск срока давности, установленного статьей 4.5 КоАП РФ, влечет безусловное прекращение дела независимо от объема собранных материалов и очевидности нарушения. Риск пропуска сроков особенно высок в таможенных делах и при расследовании нарушений в цифровой среде, где установление личности

нарушителя может занять значительное время. Своевременное оформление процессуальных документов и контроль за движением материалов являются обязательными условиями эффективного правоприменения.

Рассмотрение дел судами и уполномоченными органами требует тщательной проверки всех элементов состава правонарушения. Суд не связан квалификацией, данной должностным лицом, составившим протокол, и вправе изменить ее при условии, что это не ухудшает положение привлекаемого лица и не выходит за пределы фактических обстоятельств, изложенных в протоколе [3]. Мотивировочная часть постановления по делу должна содержать развернутое обоснование вывода о наличии состава, включая анализ правовой охраны объекта, оценку сходства обозначений или контрафактности продукции, проверку связи товара с субъектом и оценку допустимости доказательств. Качественное судебное решение формирует единые стандарты правоприменения и служит ориентиром для уполномоченных органов, правообладателей и участников оборота.

Анализ правоприменительной практики, в том числе решений Арбитражного суда Приморского края, позволяет выделить типичные ошибки, приводящие к прекращению дел или отмене постановлений. К ним относятся общее указание на нарушение без описания конкретного способа использования объекта, отсутствие сведений о действующей регистрации товарного знака или полномочиях представителя правообладателя, формальный характер ответов правообладателей, недостаточная индивидуализация изъятого товара в протоколах, а также выводы экспертов о сходстве без развернутого сравнительного анализа. Устранение этих недостатков на стадии возбуждения дела и административного расследования является залогом успешного рассмотрения дела в суде [9, с. 58].

Конфискация предметов административного правонарушения выступает важным практическим результатом применения административной ответственности. Для правообладателя вывод контрафактной продукции из оборота имеет самостоятельную экономическую ценность, сопоставимую с взысканием компенсации. Однако применение конфискации возможно только при условии надлежащего описания изъятых предметов, подтверждения их связи с правонарушением и соблюдения процедуры изъятия. Расхождения между протоколом и актом

изъятия, отсутствие фотографий или утрата образцов создают риски отказа в применении данной меры наказания [4].

Совершенствование механизма административной ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности должно идти по нескольким направлениям. Во-первых, необходима более детальная регламентация процедур фиксации нарушений в цифровой среде, включая стандартизацию требований к электронным доказательствам. Во-вторых, следует повышать качество первичного сбора материалов уполномоченными органами, обеспечивая полноту описания события правонарушения и своевременное получение заключений специалистов [5]. В-третьих, важно обеспечить четкое разграничение компетенции между полицией, таможенными органами, антимонопольной службой и прокуратурой, чтобы материалы изначально формировались субъектом, обладающим необходимыми полномочиями и специальными знаниями. В-четвертых, требуется дальнейшее развитие единообразной судебной практики по вопросам оценки сходства обозначений, контрафактности продукции и допустимости доказательств, что будет способствовать предсказуемости правоприменения и защите законных интересов всех участников оборота.

Таким образом, административная ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации представляет собой самостоятельный и необходимый публично-правовой институт, занимающий промежуточное положение между гражданско-правовой защитой и уголовным преследованием. Ее эффективность определяется не только наличием материальных норм, но и качеством процессуальной работы на всех стадиях производства. Точное установление охраняемого объекта, корректная фиксация нарушения, соблюдение требований допустимости доказательств, контроль за сроками давности и мотивированное судебное решение образуют единую систему, обеспечивающую реальную защиту интеллектуальных прав и поддержание правопорядка в сфере экономического оборота. Дальнейшее развитие данного института должно быть связано с адаптацией процессуальных механизмов к вызовам цифровой экономики и повышением профессионального уровня правоприменителей, работающих в этой сложной и динамично развивающейся области права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. — 2020. — 4 июля. — № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Российская газета. — 2019. — 6 мая. — № 96.
6. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — № 6.
7. Агамагомедова С. А. Административная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров: проблемы правоприменения / С. А. Агамагомедова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2025. — № 4. — С. 28–36.
8. Гончаренко А. В. Разграничение полномочий по возбуждению дел об административных правонарушениях по ст. 14.10 КоАП РФ между государственными органами / А. В. Гончаренко // Таможенное дело. — 2023. — № 1. — С. 23–25.
9. Денисенко В. В. Конструкция санкции статьи, предусматривающей защиту результатов интеллектуальной деятельности (ст. 7.12 КоАП РФ), требует корректировки / В. В. Денисенко, В. М. Шевченко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2024. — № 4 (43). — С. 56–59.
10. Машавец П. А. К вопросу о разграничении административного правонарушения по ст. 14.10 КоАП РФ и преступления по ст. 180 УК РФ / П. А. Машавец // CyberLeninka. — 2023. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-administrativnogo-pravonarusheniya-po-st-14-10-koap-rf-i-prestupleniya-po-st-180-uk-rf> (дата обращения: 30.05.2026).
11. Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / под ред. Л. А. Новоселовой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2022. — 300 с.
12. Пулин А. О. Разграничение административной и уголовной ответственности за нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности / А. О. Пулин // Вестник Российской таможенной академии. — 2022. — № 1 (58). — С. 116–128.

Уголовно-правовые средства предупреждения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью

Пасынкова Дарья Алексеевна, студент

Научный руководитель: Штефан Алена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В данной статье анализируются уголовно-правовые средства предупреждения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ). Рассматриваются механизмы общей и специальной превенции, а также проблемы их реализации на практике. Также на основе анализа предлагаются пути совершенствования законодательства для повышения эффективности защиты и здоровья граждан.

Ключевые слова: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, предупреждение преступности, превенция, эффективность наказаний.

Criminal Law Measures to Prevent the Intentional Causing of Serious Bodily Harm

Pasynkova Darya Alekseevna, student

Scientific advisor: Shtefan Alena Vladimirovna, candidate of legal sciences, associate professor
Chelyabinsk State University

This article analyzes the criminal law means of preventing intentional infliction of serious bodily harm (Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation). It examines the mechanisms of general and special prevention, as well as the problems of their implementation in practice. Based on the analysis, the article also proposes ways to improve legislation in order to enhance the effectiveness of protecting citizens' health.

Keywords: intentional infliction of serious harm to health, crime prevention, and the effectiveness of punishments.

Проблемы предупреждения и профилактики преступности были, есть и остаются актуальными для изучения социальных и гуманитарных наук.

Российский криминолог А. И. Долгова полагает, что «предупреждение преступности — это целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юри-

дических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [3].

Предупреждение преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью, с помощью уголовно-правовых средств, включает комплекс мер, которые направлены на предотвращение таких деяний, а также на пресечение и наказание уже совершенных преступлений [4].

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью посягает на одно из важнейших благ человека — здоровье. Эффективное предупреждение таких преступлений — задача не только правоохранительных органов, но и правовой системы в целом.

Согласно статье 111 Уголовного Кодекса Российской Федерации, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью представляет собой противоправные действия (или бездействие), направленные на причинение вреда здоровью другого человека, которые повлекли тяжкие последствия, то есть угрожающие жизни [2].

Несмотря на общую тенденцию к снижению числа зарегистрированных преступлений, количество деяний, квалифицируемых по ст. 111 УК РФ, остается стабильно высоким. При этом значительная доля этих деяний совершается в условиях алкогольного или наркотического опьянения, а также с применением предметов, используемых в качестве оружия. Высокая латентность бытовой преступности и тяжесть последствий (вплоть до пожизненной утраты трудоспособности или смерти потерпевшего) делают проблему предупреждения данного преступления одной из ключевых в современной уголовно-правовой политике.

Проблематика уголовно-правовой охраны здоровья личности и предупреждения преступлений против личности глубоко исследована в трудах таких ученых, как И. М. Мацкевич, А. И. Рарог, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев, С. В. Бородин и других. Вместе с тем, в условиях динамично меняющихся социальных реалий, вопросы эффективности существующих превентивных мер и направлений их совершенствования требуют постоянного научного осмысления и анализа правоприменительной практики.

Предупреждение преступлений (превенция) в уголовном праве реализуется через систему норм Общей и Особенной частей УК РФ. Можно выделить следующие уровни реализации.

1. Общая превенция.

Цель Общей превенции — удерживать от преступления людей, которые потенциально способны на него, но пока воздерживаются из-за страха перед возможным наказанием. Основным инструментом общего предупреждения выступает сам факт криминализации деяния и установление за него сурового наказания. Санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет. Наличие такой строгой меры ответственности призвано удерживать неустойчивых членов

общества от совершения подобных действий. Эффективность этого механизма напрямую зависит от неотвратимости наказания [5].

2. Специальная превенция.

Этот вид предупреждения направлен на недопущение совершения новых преступлений, как самим осужденным, так и другими лицами со схожими характеристиками [7]. Специальная превенция предусматривает:

— Наказание. Лишение свободы, предусмотренное санкцией статьи, физически изолирует преступника от общества, лишая его возможности совершать новые преступления. Однако пенитенциарная система не всегда достигает цели исправления осужденного.

— Конфискация орудия преступления. В соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации. Это средство эффективно в случаях использования холодного или огнестрельного оружия.

— Административно-правовой надзор. После освобождения из мест лишения свободы в отношении лиц, отбывших наказание за тяжкие преступления, может быть установлен административный надзор (ФЗ № 64-ФЗ). Однако его эффективность ограничена и требует более тесного взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел [1].

Эффективность уголовно-правового предупреждения зависит от качества правоприменения. На практике возникают следующие проблемы:

1. Квалификация деяния. Одной из сложнейших задач является разграничение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) и покушения на убийство (ч. 3 ст. 30, ст. 105 УК РФ). Ошибка в квалификации не только нарушает принцип справедливости, но и снижает превентивный эффект. Если умысел был направлен на убийство, а суд квалифицирует действия по ст. 111 УК РФ, преступник получает несопоставимо мягкое наказание, что подрывает авторитет закона [6].

2. Установление степени тяжести вреда. Определение степени тяжести вреда здоровью является компетенцией судебно-медицинской экспертизы. Разночтения между медицинскими критериями и юридическими признаками состава преступления могут приводить к ошибкам в квалификации (например, неверная оценка опасности для жизни).

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить ряд мер, направленных на повышение эффективности предупреждения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, которые выражаются в следующих предложениях по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики:

1. Целесообразно рассмотреть вопрос об усилении ответственности за отдельные виды тяжкого вреда здоровью (например, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего — ч. 4 ст. 111 УК РФ) путем введения более строгих минимальных пределов наказания.

2. Думается, что в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 111 УК РФ можно предусмотреть совершение преступления в отношении лица в связи с выполнением им общественного или служебного долга.

3. Необходимо обеспечить более тесное взаимодействие следователей с судебно-медицинскими экспертами еще на стадии проверки сообщения о преступлении для правильной постановки вопросов перед экспертизой.

4. Предлагается использование современных технологий для анализа данных о бытовой преступности позволит выявлять «горячие точки» и группы риска (например, семьи в социально опасном положении), что даст возможность органам системы профилактики работать на опережение.

5. С целью восстановления института принудительных мер медицинского характера, предполагается для лиц, совершивших преступление в состоянии временного психического расстройства или страдающих алкоголизмом или наркоманией, необходимо шире применять принудительное лечение наряду с наказанием как специальную превентивную меру.

Итак, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью остается одним из наиболее опасных преступлений против личности. Уголовно-правовые средства его предупреждения реализуются через механизмы общей и специальной превенции, закрепленные в нормах Общей и Особенной частей УК РФ.

Анализ эффективности существующих средств показывает их двойственный характер: с одной стороны, суровость наказания и его неотвратимость служат сдерживающим фактором для большинства граждан, с другой — высокий уровень рецидива и проблемы в правоприменении (особенно при квалификации деяния) снижают общий превентивный эффект.

Для повышения эффективности предупреждения данного вида преступлений необходимо комплексное сотрудничество как законодательства, так и правоприменительной деятельности (повышение качества экспертиз, внедрение цифровых технологий в профилактику). Только системный подход к решению этой проблемы позволит обеспечить надежную уголовно-правовую охрану здоровья граждан как фундаментальной ценности.

Литература:

1. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 34-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 02.07.2013 N 185-ФЗ, от 28.12.2013 N 432-ФЗ, от 28.05.2017 N 102-ФЗ, от 29.07.2017 N 252-ФЗ, от 01.10.2019 N 331-ФЗ, от 13.06.2023 N 232-ФЗ, от 25.12.2023 N 639-ФЗ, от 06.04.2024 N 69-ФЗ) — Текст: электронный // URL: <https://base.garant.ru/12184517/> // (дата обращения: 24.06.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026) — Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ // (дата обращения: 24.06.2026).
3. Долгова А. И. Криминология Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. С. 435. Текст: электронный // URL: [https://dl.libcats.org/genesis/192000/793e4363be888deb17061b868492c0c1/_as/\[Pod_red._Dolgovoi_A.I.\]_Kriminologiya\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/192000/793e4363be888deb17061b868492c0c1/_as/[Pod_red._Dolgovoi_A.I.]_Kriminologiya(libcats.org).pdf) (дата обращения: 23.06.2026).
4. Легенькая М. В. Особенности предупреждений преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью уголовно-правовыми средствами // Вестник науки. — 2026. — № 5 (98) Том 3. — С. 573–578. — Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-preduprezhdeniy-prestupleniy-svyazannyh-s-umyshlennym-prichineniem-tyazhkogo-vreda-zdorovyu-ugolovno-pravovymi> (дата обращения: 23.06.2026).
5. Мицкевич А. Ф. Механизмы реализации общего предупреждения преступлений средствами уголовного наказания // Вестник Томского государственного университета. — 2004. — С. 75–79. — Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanizmy-realizatsii-obshchego-preduprezhdeniya-prestupleniy-sredstvami-ugolovnogo-nakazaniya/viewer> (дата обращения: 23.06.2026).
6. Рапог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. — М.: Проспект, 2016. — 232 с. — Текст: электронный // URL: <https://books.yandex.ru/books/RsJR8K6Y/read-online> (дата обращения: 24.06.2026).
7. Темирганов М. А. Специальная превенция как цель уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 4 (83). — С. 74–76. Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-preventsia-kak-tsel-ugolovnogo-nakazaniya/viewer> (дата обращения: 23.06.2026).

Ювенальная юстиция в Российской Федерации

Плотникова Екатерина Тимофеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Действующее законодательство закрепляет положение о том, что граждане обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами общества. Забота о воспитании молодежи, в особенности несовершеннолетних, рассматривается как конституционная обязанность всех граждан, всех государственных органов и общественных организаций.

Законодательные акты Российской Федерации, прежде всего, Конституция, Семейный кодекс, Уголовный и Уголовно-процессуальный, Гражданский и Гражданский процессуальный, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Трудовой кодекс и другие законы, специально выделяют разделы и статьи, регламентирующие особое положение детей и несовершеннолетних, специальную защиту их прав и интересов при расследовании и судебном рассмотрении дел с их участием либо затрагивающих их интересы, а также при рассмотрении семейных, наследственных, жилищных и трудовых вопросов взаимоотношений в семье с несовершеннолетними детьми.

До настоящего времени нет четкого определения понятия ювенальной юстиции и ее элементного состава, а также не определено место этой юстиции в системе противодействия преступности несовершеннолетних. Данный вопрос практически не рассмотрен, а между тем он, на наш взгляд, имеет большое значение.

Рассматривая элементы ювенальной юстиции, важно определить, что же именно следует понимать под самой ювенальной юстицией. Среди ученых и практиков до сих пор нет единого мнения о том, какое место занимает ювенальная юстиция в системе противодействия преступности несовершеннолетних. Одни авторы считают, что ювенальная юстиция — элемент системы профилактики. Другие полагают, что профилактика входит в ювенальную юстицию. Так, С. Н. Апатенко считает, что «ювенальная юстиция — это специальная система взаимодействующих институтов, занимающихся защитой прав и интересов несовершеннолетних, профилактикой детской беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Некоторые авторы отождествляют понятие ювенальной юстиции с ювенальным судом. В частности, А. В. Лихтенштейн полагает, что «ювенальная юстиция представляет собой судебную систему, осуществляющую правосудие по делам о несовершеннолетних и имеющую задачи: судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и судебного разбирательства дел о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних».

И все-таки следует различать понятие ювенальной юстиции и ювенального судопроизводства. Судопро-

изводство — это все производство по уголовному делу, в том числе досудебное производство (дознание, предварительное следствие) и рассмотрение дела в суде. В то же время термин «ювенальная юстиция» в нашем понимании предусматривает участие не только государственных, но и негосударственных структур, а также влияние других государственных и негосударственных институтов и обязанность осуществления ими определенных социально-правовых процедур.

Используемые определения недостаточно обоснованы. Система противодействия преступности несовершеннолетних с учетом действия современного законодательства состоит из двух подсистем: профилактики и ювенальной юстиции. Они различаются по функциональному предназначению. Профилактика направлена непосредственно на предупреждение конфликтных ситуаций. Конфликтная ситуация — это особое состояние межличностных отношений двух или более участников уголовного судопроизводства, имеющих противоположные интересы и стремящихся к достижению различных целей в условиях информационной неопределенности относительно планов и намерений, по крайней мере, одной из соперничающих сторон; «...профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних — это система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении...». В отличие от профилактики юстиция разрешает конфликты на основе закона и других норм права. Но вместе с тем эти подсистемы тесно взаимосвязаны.

Исходя и вышеизложенного, ювенальная юстиция — это система защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, включающая в себя уполномоченные государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, должностных лиц, с гарантией судебной защиты специализированным судом. Рассматривая систему элементов ювенальной юстиции, следует учесть, что проект Федерального закона «О внесении дополнений в ФЗ «О судебной системе РФ» в части введения ювенальных судов», выстраивающий весь комплекс необходимых институтов, государственных и общественных, обеспечивающих построение и функционирование системы ювенальной юстиции, не был принят. Исходя из этого, необходимо обратиться к опыту некоторых регионов. Опыт неко-

торых регионов России, в частности Ростовской, Саратовской, Иркутской и Пермской областей, Санкт-Петербурга и Москвы, ряда других регионов, в которых отработывались элементы ювенальной юстиции, показал, что к числу перспективных и эффективных ювенальных технологий могут быть отнесены:

- институт ювенальных судей;
- ювенальная прокуратура;
- ювенальная адвокатура;
- агентства уполномоченных по правам ребенка;
- инфраструктура социальных учреждений и институт социальных работников.

Все это в целом позволяет рассмотреть некоторые элементы подробнее. Во-первых, в условиях отсутствия в Российской Федерации системы ювенальных судов, в рамках новых проектов на практике отработывался механизм взаимодействия судьи, специализирующегося на рассмотрении уголовных дел о преступлениях и материалов о правонарушениях несовершеннолетних, с органами и службами государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В частности, данный механизм успешно апробировался в ювенальном суде Таганрога (Таганрогский городской суд по делам несовершеннолетних) и ювенальном суде Ростова-на-Дону.

Во-вторых, была усилена социальная защита подростков, представших перед судом, приняты воспитательные и реабилитационные меры в отношении несовершеннолетних правонарушителей вместо карательного и репрессивного подхода, по предупреждению рецидивной преступности несовершеннолетних.

В-третьих, в системе общих судов, судов общей юрисдикции создать обособленные ювенальные суды пока не представляется возможным, так как в соответствии со статьей 26 Федерального Конституционного Закона «О судебной системе РФ» специализированные суды могут учреждаться только для рассмотрения гражданских и административных дел. Поэтому создание реально работающей системы ювенальной юстиции возможно через развитие специализации судей, но не судов.

Также судьи в Санкт-Петербурге высказывались за такую реформу, которая бы затрагивала не столько структуру самого суда и изменение его функций, сколько способствовала бы образованию дополнительных социальных служб в создании и развитии подобной инфраструктуры, нежели в трансформации самого суда. Для судей — участников проекта ювенальное правосудие было связано, скорее, с необходимостью усовершенствовать социальную инфраструктуру профилактики правонарушений и реабилитации осужденных, нежели с созданием самостоятельных ювенальных судов.

25 марта 2004 года в Таганроге был открыт первый в России ювенальный суд (специальный судебный состав по делам несовершеннолетних Таганрогского городского суда).

Эффективность ювенального правосудия достигается путем специализации и оптимизации деятельности

на всех стадиях уголовного судопроизводства, а также назначения и исполнения уголовно-правовых и профилактических мер. В результате уголовно-правовые меры дополняет профилактическое воздействие на социальную среду нарушителя, направленное на его дальнейшую реабилитацию. Необходимо отметить большое влияние общенадзорной деятельности прокуратуры, одним из видов которого является надзор за исполнением законов о несовершеннолетних. Данный вид надзора достаточно универсален и распространяется на все учреждения, органы и ведомства, законодательное регулирование деятельности которых так или иначе связано с проблемами граждан в возрасте до 18 лет.

Прокуратура обязана регулярно проводить координационные совещания правоохранительных органов, на которых определяется механизм межведомственного взаимодействия различных органов и служб по работе с детьми. По закону, поводом к прокурорской проверке являются любые сообщения о нарушении прав детей. Это могут быть заявления и жалобы граждан; сообщения различных организаций и учреждений, в том числе и общественных организаций; материалы конкретных уголовных и гражданских дел, попадающих к нам на изучение; сообщения в средствах массовой информации. Прокуратура обязана их проверить и принять меры в соответствии со своими полномочиями. Также одной из функций прокуратуры является координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в частности, преступностью среди несовершеннолетних.

Интересно, что в Камчатской области проявила заинтересованность в введении элементов ювенальной юстиции и специализации судей на рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних. Это способствовало налаживанию более тесного взаимодействия прокуратуры с судом, обеспечило участие «специального» прокурора в рассмотрении уголовных и гражданских дел, как в первой, так и в кассационной и надзорной инстанциях Камчатского областного суда. В Камчатской области в июне 2006 года на заседании Комитета народных депутатов Камчатской области был создан Координационный совет, куда вошли представители прокуратуры области. Были приняты законодательные и организационные меры, обеспечившие введение с 1 января 2007 года элементов ювенальной юстиции с целью обеспечения эффективного взаимодействия суда, прокуратуры, органов и учреждений в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Прокуратура в ходе проверок устанавливает различные факты ненадлежащего исполнения законодательства.

Например, закон предусматривает временное помещение безнадзорного ребенка в приют. До внесения изменений в действующее законодательство все дети, как безнадзорные, так и правонарушители, помещались в приемники-распределители органов внутренних дел. В соответствии с новым законодательством безнадзорные дети должны помещаться только в приюты органов со-

циальной защиты населения. Однако прокуратура в ходе проверок сталкивалась со случаями незаконных помещений таких детей в приемники-распределители органов внутренних дел (сейчас у них новое название — Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей).

Выясняя причины таких нарушений, органы прокуратуры установили, что на территории области недостаточно развита сеть социальных приютов. Именно органы прокуратуры выдвинули перед органами исполнительной власти предложение о расширении сети таких учреждений.

При изучении конкретных уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, попадающих в поле нашего зрения, прежде всего мы обращаем внимание на личность подростка и причины, побудившие его совершить преступление. Если несовершеннолетний ранее привлекался к уголовной либо административной ответственности, состоял на профилактическом учёте в соответствующих органах и службах системы профилактики, то первопричины совершения им повторных противоправных деяний, на наш взгляд, необходимо искать в неудовлетворительной работе этих органов и служб (подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их

прав органов местного самоуправления, органов образования, соцзащиты, уголовно-исполнительных инспекций и т. д.). В каждом конкретном случае районным и городским прокурорам поручается провести соответствующую проверку с принятием мер реагирования в отношении должностных лиц перечисленных структур. При необходимости (если речь идёт о неудовлетворительной работе руководителей этих служб либо о системном характере выявленных нарушений) принимаются меры реагирования на уровне руководства прокуратуры области и соответствующих областных структурных подразделений и ведомств.

Точно так же не оставляя без внимания подростков, совершивших преступления и правонарушения по причине социальной неустроенности, семейного неблагополучия, безнадзорности и ненадлежащего исполнения обязанностей родителями либо заменяющими их лицами.

Практика показывает, что при устранении указанных причин, «подключении» к судьбе этих детей органов опеки и попечительства и других служб, решении вопросов, связанных с их социальным статусом, трудоустройством либо обеспечением получения ими образования, работе с семьёй (вплоть до лишения либо ограничения родительских прав в случае необходимости) криминальная активность таких подростков существенно снижается.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 09.04.2026) «О судебной системе Российской Федерации». — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1. — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
3. Ювенальная юстиция: за и против. «Основные направления развития и перспективы использования ювенальных технологий в судопроизводстве по уголовным делам в Тульской области». — Текст: электронный // ssrf.ru: [сайт]. — URL: <https://tul.ssrf.ru/news/publikatsii/7995>
4. Ювенальная юстиция в системе государственной молодежной политики. — Текст: электронный // narodnoe.org: [сайт]. — URL: <https://narodnoe.org/journals/socialnaya-pedagogika/2006-2/yuvenalnaya-yusticiya-v-s-sisteme-gosudarstvennoiy-molodejnoiy-politiki>
5. Головизнина, М. В. Ювенальная юстиция: социологический анализ реформы правосудия в отношении несовершеннолетних / М. В. Головизнина. — Текст: электронный // jourssa.ru: [сайт]. — URL: https://www.jourssa.ru/files/volumes/2006_4/Goloviznina_Likhtenshtein_Danilova_2006_4.pdf
6. Ювенальная юстиция или прокурорский надзор. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuvenalnaya-yustitsiya-ili-prokurorskiy-nadzor>
7. В ЮФО создан первый в России суд для подростков. — Текст: электронный // yuga.ru: [сайт]. — URL: <https://www.yuga.ru/news/31652/>
8. Роль прокурора в обеспечении прав несовершеннолетних в уголовном процессе. — Текст: электронный // CyberLeninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prokurora-v-obespechenii-prav-nesovershennoletnih-v-ugolovnom-protseesse>

Криминологическая характеристика преступлений, связанных с недоброкачественным ремонтом транспортных средств

Полуэктова Екатерина Игоревна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Для привлечения к ответственности за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями в Уголовном кодексе РФ предусмотрена статья 266 «Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями». Необходимость выделения отдельной статьи связана с общественной опасностью неисправных транспортных средств, особенно если речь идет об общественном транспорте. В фокусе криминологического анализа в зоне внимания находятся объективные и субъективные элементы состава, включая предмет посягательства, объективную сторону, круг возможных субъектов и форму вины. В данной статье рассмотрена криминологическая характеристика преступлений, связанных с недоброкачественным ремонтом транспортных средств.

Ключевые слова: недоброкачественный ремонт транспортных средств, транспортная безопасность, криминологическая характеристика, субъект преступления, квалификация, общественная опасность.

Вопросы безаварийной эксплуатации автомобильного, железнодорожного, воздушного и водного транспорта неизменно сохраняют высокую актуальность для общества. Увеличение парка подвижного состава — процесс, сопряженный с ростом вероятности дорожно-транспортных происшествий, травматизма и летальных исходов. В структуре уголовно-правовых средств, призванных противодействовать правонарушениям на транспорте, ст. 266 УК РФ занимает специфическое место, поскольку предусматривает санкции за некачественные восстановительные работы и допуск к эксплуатации неисправных машин.

Степень опасности деяний, подпадающих под действие ст. 266 УК РФ, не всегда коррелирует с частотой их официальной регистрации. Будучи немногочисленными в статистических отчетах, они способны порождать разрушительные последствия — аварии с многочисленными жертвами, уничтожение дорогостоящего имущества и масштабные транспортные коллапсы.

Родовым объектом посягательства выступает безопасность общества в процессе использования транспорта как источника повышенной опасности для окружающих. Непосредственный объект — состояние правовой защищенности граждан, институтов государства и социума в целом от рисков, порожденных некачественными ремонтными работами и эксплуатацией неисправной техники. Дополнительным объектом закон признает жизнь и физическое здоровье человека.

Сложность предмета преступления, закрепленного в ст. 266 УК РФ, очевидна. В диспозиции уголовно-правовой нормы перечислены следующие его разновидности:

— «Транспортные средства» наземного, воздушного или водного транспорта;

— «Пути сообщения» — комплекс сооружений и устройств, образующих дорогу с направляющей рельсовой колеи, включая верхнее строение пути, земляное полотно, искусственные сооружения;

— «Средства сигнализации и связи» — совокупность устройств, обеспечивающих передачу сигналов и информации;

— «Иное транспортное оборудование» — технические устройства, обеспечивающие безопасную эксплуатацию транспортного средства.

В доктрине не утихают споры по поводу смыслового наполнения последней категории — «иное транспортное оборудование». Отдельные авторы настаивают на замене этого термина конструкцией «иные элементы транспортной инфраструктуры», что позволило бы распространить действие нормы на более широкий перечень технических устройств. Подобное предложение заслуживает поддержки, поскольку научно-технический прогресс приводит к появлению новых узлов и агрегатов, которые законодатель не в состоянии заранее поименовать.

Объективная сторона состава, закрепленного в ст. 266 УК РФ, сконструирована как альтернативная и предполагает совершение одного из двух деяний. В качестве деяния может выступать «недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования» [2]. Под ремонтом традиционно понимается комплекс операций по устранению неисправностей, замене изношенных деталей, восстановлению работоспособности. «Недоброкачественным считается ремонт, при проведении которого были нарушены установленные технические условия и стандарты» [3]. Другая форма — выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств. В отличие от ремонта, выпуск не предполагает физического воздействия на предмет, а состоит в принятии решения о допуске транспортного средства к использованию по назначению после проверки его технического состояния.

Наступление общественно опасных последствий является обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности. Закон называет варианты последствий, в числе которых причинение по неосторож-

ности тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1), смерть человека (ч. 2) либо смерть двух или более лиц (ч. 3). «Состав преступления является материальным — деяние считается оконченным с момента наступления указанных в законе последствий» [4]. Решающее значение для квалификации приобретает причинно-следственная связь: необходимо доказать, что именно допущенные нарушения при ремонте либо выпуске в эксплуатацию повлекли за собой указанные вредные последствия.

Что касается субъективной стороны и субъекта преступления, то в отношении психического отношения лица к наступившим последствиям закон указывает на неосторожную форму вины. Легкомыслие предполагает, что виновный предвидел абстрактную возможность вреда, однако самонадеянно рассчитывал на его предотвращение. Небрежность имеет место в тех случаях, когда субъект не предвидел наступления общественно опасных последствий, хотя по роду своей деятельности или в силу обычной предусмотрительности должен был и мог их предвидеть. Умышленное причинение вреда при указанных обстоятельствах требует квалификации по иным статьям Уголовного кодекса.

Наиболее острая дискуссия в уголовно-правовой науке разворачивается вокруг трактовки признаков субъекта. Буквальное толкование диспозиции отсылает к лицу, ответственному за техническое состояние транспортного средства. Доктринальные подходы к расшифровке этого признака разнятся: «Одни исследователи полагают, что «субъектом может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, фактически выполняющее работу по ремонту транспортных средств» [1]. Другие указывают на «возможность привлечения к ответственности любого лица, фактически осуществлявшего некачественный ремонт, ставший причиной ДТП» [1].

Судебная практика, обобщенная в решениях Верховного Суда РФ, тяготеет к тому, что субъектом следует признавать лиц, для которых ремонтная деятельность является профессиональной (работники СТО, индивидуальные предприниматели). Вместе с тем отсутствие официального разъяснения Пленума Верховного Суда по этому вопросу порождает неопределенность и разноречивость в судебных решениях.

Значительные затруднения возникают при оценке действий лиц, выполнивших некачественный ремонт, но не обладающих статусом специального субъекта по ст. 266 УК РФ. Речь идет о ситуациях, когда ремонт осуществляется знакомыми, соседями, коллегами без оформления предпринимательской деятельности, возмездно либо безвозмездно.

В подобных случаях правоприменители вынуждены обращаться к иным составам Уголовного кодекса: «Ст. 267 УК РФ — приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения, если деяния создали угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан либо угрозу уничтожения или повреждения имущества»; «Ст. 238 УК РФ — выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих

требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (при осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации)»; «Ст. 171 УК РФ — незаконное предпринимательство». При этом санкции ст. 267 УК РФ за аналогичные по тяжести последствия являются более строгими, чем санкции ст. 266 УК РФ, что порождает обоснованные сомнения в соблюдении принципа справедливости наказания. Кроме того, ст. 267 УК РФ охватывает более широкий перечень последствий, включая легкий и средней тяжести вред здоровью, а также угрозу их наступления без фактического причинения вреда.

Лица, привлекаемые к ответственности по ст. 266 УК РФ, преимущественно относятся к категории профессионалов, чья трудовая деятельность связана с техническим обслуживанием, эксплуатацией и восстановлением транспортных средств. Среди них преобладают работники станций технического обслуживания и специализированных ремонтных мастерских, механики, слесари, электрики, наладчики оборудования, а также лица, отвечающие за техническое состояние транспорта на предприятиях, и индивидуальные предприниматели, оказывающие соответствующие услуги.

Криминологический портрет таких субъектов включает в качестве характерной черты наличие специальных познаний в устройстве машин и технологии их ремонта. Осознание возможных последствий отступления от технологических регламентов предполагается в силу профессиональной компетенции. Вместе с тем нередко фиксируется легкомысленное отношение к соблюдению стандартов, экономия на материалах и времени, пренебрежение обязательными контрольными операциями.

Совокупность факторов, провоцирующих совершение рассматриваемых преступлений, не сводится к единичной причине. Коммерческий интерес ремонтных организаций, толкающий их на использование дешевых и некачественных запасных частей, нередко выступает первостепенным мотивом. Недостаточный уровень квалификации персонала, слабость механизмов ведомственного и общественного контроля, правовая неопределенность в вопросе о субъекте ответственности и отсутствие систематического мониторинга технического состояния транспорта — все это создает благоприятную среду для нарушений.

Таким образом, многокомпонентность предмета преступления, альтернативность объективной стороны и отсутствие единства в доктринальном толковании субъекта — все это порождает значительные сложности для следственной и судебной практики. Особое беспокойство вызывает квалификация недоброкачественного ремонта, произведенного лицами, не обладающими признаками специального субъекта, что ведет либо к необоснованно суровому наказанию, либо к необоснованному освобождению от ответственности. Преодоление этих проблем видится в совершенствовании законодательной техники и формировании единообразной судебной практики, в том числе посредством разъяснений Верховного Суда РФ. Профилактика подобных нарушений выступает

краеугольным камнем обеспечения безопасности транспортной системы, а дальнейшее изучение криминологических аспектов позволит повысить эффективность уголовно-правового воздействия в рассматриваемой сфере.

Литература:

1. Зворыгина С. А. Актуальные вопросы уголовно-правовой оценки субъектов дорожно-транспортных преступлений // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-ugolovno-pravovoy-otsenki-subektov-dorozhno-transportnyh-prestupleniy> (дата обращения: 26.06.2026).
2. Ивашкович О. М. Криминологическая характеристика дорожно-транспортных преступлений в РФ // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сборник статей заочной научно-практической конференции. Астрахань, 2023. С. 42–44.
3. Коршунов М. В. Криминологическая характеристика дорожно-транспортных преступлений, совершаемых водителями в целях инсценировки аварийных ситуаций — «автоподстав» // Альманах лектория. Майские правовые чтения на Енисее: сборник материалов круглых столов обучающихся. Красноярск, 2023. С. 68–71.
4. Николаева Е. В. Криминологическая характеристика дорожно-транспортных преступлений // Молодой ученый. — 2025. — № 33 (584). — С. 72–75.
5. Пятачкова А. С. Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями: уголовно-правовой и криминологический анализ // Сфера науки. 2026. Т. 1, № 4. С. 38–53.
6. Суворина М. С. Анализ криминологической характеристики дорожно-транспортных преступлений и разработка мер профилактики рецидивов // Вестник науки. 2025. Т. 2, № 10 (91). С. 270–281.

Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве в России: теоретические основы и правоприменительные проблемы

Понкратенко Софья Викторовна, студент

Научный руководитель: Реховский Александр Федорович, кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет

Статья посвящена комплексному анализу принципа состязательности как фундаментальной основы уголовного судопроизводства Российской Федерации. Рассматривается место состязательности в системе принципов уголовного процесса, раскрывается ее содержание и структурные элементы. На основе анализа правоприменительной практики и позиций высших судебных органов выявляются ключевые проблемы реализации состязательности, связанные с дисбалансом процессуальных возможностей сторон на досудебных стадиях, формальным характером равноправия и сохраняющимся обвинительным уклоном. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства, направленные на достижение реального, а не декларативного равенства сторон в уголовном процессе.

Ключевые слова: принцип состязательности, уголовный процесс, равноправие сторон, доказывание, судебный контроль, обвинительный уклон, УПК РФ.

The adversarial principle in Russian criminal proceedings: theoretical foundations and law enforcement issues

The article is devoted to a comprehensive analysis of the adversarial principle as a fundamental basis of criminal proceedings in the Russian Federation. The place of adversariality in the system of principles of criminal procedure is examined, its content and structural elements are revealed. Based on the analysis of law enforcement practice and positions of higher judicial bodies, key problems of implementing adversariality are identified, related to the imbalance of procedural capabilities of the parties at pre-trial stages, the formal nature of equality and the persisting prosecutorial bias. Proposals for improving legislation aimed at achieving real, rather than declarative, equality of parties in criminal proceedings are made.

Keywords: adversarial principle, criminal procedure, equality of arms, evidence, judicial control, prosecutorial bias, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Принцип состязательности является стержневым элементом уголовного судопроизводства, гарантом справедливого разбирательства и реального обеспечения права на защиту. Закрепленный в части 3 статьи 123 Кон-

ституции РФ и детализированный в статье 15 УПК РФ, этот принцип предопределяет архитектуру современного уголовного процесса, разделяя функции обвинения, защиты и разрешения дела. Однако, несмотря на его конституционное признание и процессуальную регламентацию, правоприменительная практика сталкивается с системными трудностями, превращающими состязательность из действенного механизма в формальную декларацию. Целью настоящей статьи является анализ теоретического содержания принципа состязательности и выявление ключевых проблем его реализации, а также формулирование предложений по их устранению.

В системе принципов уголовного судопроизводства состязательность занимает уникальное, системообразующее место. Она не просто взаимодействует с другими принципами, а является инструментом их реализации. Так, состязательность выступает ключевым механизмом, обеспечивающим действие презумпции невиновности: обязанность доказывания вины возлагается на обвинение, а все сомнения толкуются в пользу подсудимого. Она наполняет реальным содержанием право на защиту, предоставляя подозреваемому и обвиняемому фактические возможности для оспаривания обвинения.

Содержание принципа состязательности, согласно статье 15 УПК РФ, включает три ключевых элемента:

- 1) строгое разграничение процессуальных функций (обвинения, защиты и разрешения дела);
- 2) запрет на возложение этих функций на один и тот же орган или должностное лицо;
- 3) обязанность суда создавать условия для реализации сторонами их прав и обязанностей.

При этом суд выступает не пассивным наблюдателем, а активным арбитром, который, сохраняя нейтралитет, содействует сторонам в доказывании, не подменяя их при этом. Как справедливо отмечается в исследовании, нарушение принципа состязательности является фундаментальным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим безусловную отмену приговора.

Исторический анализ показывает, что принцип состязательности прошел длительный и противоречивый путь развития в России. Его истоки прослеживаются еще в «Русской Правде» и Псковской судной грамоте. Судебная реформа 1864 года стала переломным моментом, введя институты государственного обвинения и присяжной адвокатуры и заложив основы разделения процессуальных функций. Однако после Октябрьской революции эти достижения были утрачены, и лишь с принятием Конституции РФ 1993 года и УПК РФ 2001 года принцип состязательности был восстановлен в качестве одного из основополагающих начал правосудия.

Наиболее остро проблемы реализации принципа состязательности проявляются на досудебных стадиях. Здесь, как подчеркивается в работе, наблюдается существенный дисбаланс процессуальных возможностей сторон. Сторона обвинения, представленная следователем и дознавателем, наделена властными полномочиями по проведению

следственных действий и применению мер принуждения. Сторона защиты, напротив, ограничена в своих инструментах сбора доказательств. Хотя адвокат вправе самостоятельно опрашивать лиц и запрашивать документы (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), придание этим материалам статуса доказательств зависит от усмотрения следователя, что ставит защиту в зависимое положение и порождает обвинительный уклон уже на этапе расследования.

В судебных стадиях проблема формального равенства не менее актуальна. Анализ практики, приведенный в исследовании, свидетельствует о многочисленных нарушениях принципа состязательности. Это и необоснованные отказы в допросе явившихся свидетелей защиты, и ограничения судьями времени для выступления в прениях, и неполное раскрытие прокурором содержания доказательств при их оглашении. Кассационные и апелляционные инстанции, включая Верховный Суд РФ, регулярно отменяют приговоры из-за подобных нарушений, признавая их фундаментальными (например, Кассационное определение ВС РФ № 84-УД21-8СП-А1, Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 24.04.2024).

Особая роль в формировании правовых позиций по применению принципа состязательности принадлежит Конституционному и Верховному Судам РФ. Конституционный Суд раскрывает конституционный смысл принципа, признавая не соответствующими Конституции нормы, нарушающие баланс прав сторон или ограничивающие доступ к правосудию. Верховный Суд, в свою очередь, через разъяснения Пленума (Постановление № 51 от 19.12.2017) и обзоры практики обеспечивает единообразие применения процессуальных норм, указывая на недопустимость пассивности суда и подмены им функций сторон.

Основываясь на выявленных проблемах, автором дипломного исследования предлагаются пути совершенствования законодательства. Среди ключевых предложений — расширение процессуальных возможностей стороны защиты, вплоть до введения института следственных судей, усиление судебного контроля за действиями следствия, цифровая трансформация процесса, обеспечивающая прозрачный и оперативный доступ к материалам дела, а также внедрение презумпции допустимости доказательств, представляемых защитой.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии существенного разрыва между нормативной моделью состязательного процесса и его реальным воплощением. Основным препятствием для достижения подлинного равенства сторон является сохраняющийся дисбаланс процессуальных полномочий на досудебных стадиях и формальный подход судов к обеспечению равных возможностей для защиты. Предложения по совершенствованию законодательства, направленные на расширение прав защиты и усиление судебного контроля, являются своевременными и практически значимыми. Достижение реальной состязательности требует не только изменения

нормативной базы, но и преодоления стереотипов правосознания, формирования новой профессиональной культуры, ориентированной на безусловное соблюдение прин-

ципа верховенства права и обеспечение справедливого баланса публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Манова, Н. С. Уголовный процесс: учебник для вузов / Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров, Н. О. Овчинникова. — 16е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 580 с. — (Высшее образование). — ISBN 9785534217940. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. — URL: <https://urait.ru/bcode/582484>
2. Давыдова, Н. Н. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве / Н. Н. Давыдова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 5 (148). — С. 112–118. — Текст: непосредственный.
3. Илюхина, В. А. Принцип состязательности сторон в российском и армянском праве (сравнительный анализ) / В. А. Илюхина // Международный студенческий научный вестник. — 2026. — № 3. — Текст: непосредственный.

Personnel Records as a tool of internal communication in the Administration of Pavlovsky Municipal District of Voronezh Region

Priymenko Valentina Vladimirovna, master's student

Scientific advisor: Danilenko Ilya Aleksandrovich, PhD in philological sciences, associate professor
Belgorod State National Research University

The article examines the role of personnel records within the system of internal communication in local self-government bodies, using the Administration of Pavlovsky Municipal District of Voronezh Oblast as an example. The study analyzes the functional significance of HR documentation not only as a tool for personnel accounting and legal support of labor relations, but also as a key element in shaping organizational culture, ensuring feedback from employees, maintaining labor discipline, and transferring corporate knowledge. This article is based on the current regulatory and legal acts of the Russian Federation governing the documentation of labor relations, as well as on the specifics of municipal service. The paper also concludes that effective management of personnel records directly affects the transparency, coordination, and efficiency of the local self-government body as a whole.

Keywords: personnel records, HR documentation, communications, local self-government bodies, municipal service.

Документы по личному составу как инструмент внутренней коммуникации в администрации Павловского муниципального района Воронежской области

Прийменко Валентина Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Даниленко Илья Александрович, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается роль документов по личному составу в системе внутренней коммуникации органов местного самоуправления на примере администрации Павловского муниципального района Воронежской области. В работе анализируется функциональное значение кадровой документации не только как инструмента кадрового учета и юридического сопровождения трудовых отношений, но и как ключевого элемента формирования организационной культуры, обеспечения обратной связи с сотрудниками, поддержания трудовой дисциплины и передачи корпоративных знаний. Данная статья написана на основе действующих нормативно-правовых актов Российской Федерации, регламентирующих документирование трудовых отношений, а также с учетом специфики муниципальной службы. Также в работе делается вывод, что эффективное управление документами по личному составу напрямую влияет на прозрачность, слаженность и эффективность работы органа местного самоуправления в целом.

Ключевые слова: документы по личному составу, кадровое делопроизводство, коммуникации, органы местного самоуправления, муниципальная служба.

The efficiency of any public authority, including local self-government bodies, directly depends on the quality of human resource management. The Administration of Pavlovsky

Municipal District of Voronezh Oblast, as an executive and administrative body exercising powers to address matters of local significance, is a complex structure consisting of various de-

partments. The coordinated operation of this mechanism is impossible without a well-functioning system of internal communication, the most important tool of which is personnel records.

Traditionally, HR documentation is considered from the standpoint of accounting and legal functions: recording labor relations, ensuring employees' social rights, and forming archival holdings. However, its communicative function is often underestimated. In the context of internal communications, these documents serve as the main channel for transmitting official information between the administration as an employer and its employees, as well as between structural divisions within the administrative apparatus.

The legal basis for the formation and use of personnel records in the Administration of Pavlovsky Municipal District consists of a number of legislative and regulatory acts, the key ones being the Labor Code of the Russian Federation [1], Federal Law of the Russian Federation No. 131-FZ of 06.10.2003 "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" [3], and Federal Law of the Russian Federation No. 25-FZ of 02.03.2007 "On Municipal Service in the Russian Federation" [2]. At the regional level, the Law of Voronezh Oblast No. 175-OZ of 28.12.2007 "On Municipal Service in Voronezh Oblast" [4] is in force; it regulates the legal foundations of municipal service in the region, defines the procedure for entering the service, the duties and rights of municipal employees, including issues of HR documentation. In addition, all personnel work is carried out in strict accordance with the records management rules established by Order No. 71 of the Federal Archival Agency of 22.05.2019, which approved the Rules for Records Management in State Bodies and Local Self-Government Bodies.

The communicative role of personnel records in the Administration of Pavlovsky Municipal District is manifested at several levels:

1. Top-down communication

The main document that initiates communication and sets its tone is the employment contract. For a municipal employee, it is not merely a formal agreement, but a document that communicates the employee's key rights, duties, job functions, terms of remuneration, as well as the restrictions and prohibitions associated with municipal service. The clarity and completeness of the wording in the employment contract prevent misunderstandings and future conflicts, forming the basis for transparent and predictable relations [5, p. 174]. Another communication tool is personnel orders. Each of them (concerning hiring, transfer, leave, incentives, disciplinary action, or dismissal) is a management act brought to the employee's attention. This procedure is a key element of vertical communication. For example, an order for transfer not only records a personnel decision but also officially informs the employee of their new status and responsibilities, while an order for a business trip coordinates the actions of the employee and the immediate supervisor. Thus, personnel orders ensure the synchronization of actions among all participants in the labor process [5, p. 174].

2. Communication at the level of the administration as a whole

This category includes documents such as the Internal Labor Regulations, Regulations on Structural Divisions, and the Regulation on Personal Data Protection.

For example, the Internal Labor Regulations are a local normative act governing the procedures for hiring and dismissal, the main rights, duties, and responsibilities of the parties to the employment contract, working hours, rest time, incentives and disciplinary measures applied to employees, as well as other issues related to the regulation of labor relations with the given employer [1]. This document creates a common legal and organizational framework for the entire workforce, contributing to a unified working environment and a corporate culture based on order and respect for established rules.

3. Personnel documents as a tool of feedback

This type of communication includes, for example, certification documents, applications, and memoranda. These documents make it possible to implement an upward flow of information, from employee to management. A memorandum concerning a problem that has arisen at work or a proposal to improve workflow represents a form of feedback that is documented and becomes part of the administration's information flow. Certification documents record the employee's work performance, strengths, and areas for development, forming the basis for personnel decisions and training planning.

Based on the practical handling of personnel records in the Administration of Pavlovsky Municipal District, it can be said that significant attention is paid to communication processes with municipal employees. The structure of the administration includes a Department of Organizational, Information, and Personnel Work, which is responsible for maintaining personnel records in compliance with the law. The department performs its work in a timely manner, ensuring not only formal compliance with records management standards but also the effective use of personnel records as a tool of internal communication. Each document is purposefully brought to the employee's attention, which forms a transparent and understandable personnel policy. The process of mandatory familiarization with documents under signature is accompanied by an explanation of their content, which is especially important for new employees during the adaptation period.

Thus, personnel records in the Administration of Pavlovsky Municipal District of Voronezh Oblast are not merely a formal aspect of HR work, but a multifaceted and powerful tool of internal communication. They structure interactions between the employer and employees, ensure feedback, and formalize personnel management procedures. The quality of preparation, drafting, and handling of these documents directly affects the level of manageability, the legal protection of municipal employees, and, ultimately, the effectiveness with which the administration fulfills its functions in addressing the life-support needs of Pavlovsky Municipal District.

References:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон Российской Федерации от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 10.07.2023). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 02.11.2023). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Закон Воронежской области от 19.12.2007 «О муниципальной службе в Воронежской области» (ред. от 03.11.2015). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кирсанова, М.В., Аксенов, Ю. М. Курс делопроизводства: документационное обеспечение управления / М. В. Кирсанова, Ю. М. Аксенов. — Москва: ИНФРА-М, 2020. — 257 с. — ISBN 978-5-16-006789-6.

Цифровизация адвокатской деятельности. Комплексная информационная система адвокатуры России

Ряузова Дарья Алексеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует каналы тенденции цифровизации адвокатской деятельности в Российской Федерации

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, цифровизация.

В 2025 году всё громче звучат голоса экспертов и представителей власти о целесообразности внедрения института адвокатской монополии в судебной практике. В частности, во время проведения XIII Санкт-Петербургского международного юридического форума Министр юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко акцентировал внимание на исключительной роли адвокатских институтов как единственных организаций, располагающих развитой организационной структурой, унифицированными профессионально-этическими нормами и детально регламентированной системой верификации профессиональных компетенций адвокатов.

В текущих обстоятельствах особое значение приобретает способность адвокатских сообществ оперативно адаптироваться к новейшим процессам цифровой трансформации. Данный подход гарантирует поддержание высокого уровня качества предоставляемых юридических услуг и своевременное использование всех доступных цифровых инструментов и технологий. Процесс цифровизации и диджитализации в современном мире занимает центральное положение среди факторов, определяющих устойчивость экономического развития и конкурентоспособность хозяйствующих субъектов.

«С одной стороны цифровизация должна быть направлена на повышение эффективности и прозрачности организационной деятельности, например, приема экзаменов и взаимодействия с органами государственной власти. С другой стороны — повышать комфорт и доступность услуг для людей, которые обращаются за юридической по-

мощью к нотариусам и адвокатам», — отметил директор Департамента развития и регулирования юридической помощи и правовых услуг Минюста России Роман Рябый в ходе выступления на выездном заседании в Челябинске комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству на тему: «Адвокатура и нотариат в условиях цифровизации». [1]

Исходя из изложенного материала, представляется возможным достижение обозначенной цели посредством реализации ряда инновационных мер в профессиональной деятельности адвоката.

Ведущим направлением цифровизации адвокатской практики является совершенствование Комплексной информационной системы адвокатуры России. В соответствии со ст. 39.1 Федерального закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» комплексная информационная система адвокатуры России- это автоматизированная информационная система, принадлежащая на праве собственности Федеральной палате адвокатов и предназначенная для комплексной автоматизации деятельности Федеральной палаты адвокатов, адвокатских палат, адвокатских образований и адвокатов по реализации установленных Федеральным законом прав и исполнению обязанностей по обеспечению всех видов информационного взаимодействия (обмена). [2]

В соответствии со ст. 39.2 ФЗ от 31.05.2002 N 63-ФЗ КИС АР состоит из подсистем, предназначенных для автоматизации основных направлений деятельности адво-

катов, адвокатских образований, адвокатских палат и Федеральной палаты адвокатов, включая:

1) проведение квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката и автоматизированной анонимной проверки результатов электронного тестирования;

2) присвоение, приостановление, возобновление, прекращение, восстановление статуса адвоката, изменение адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта РФ на членство в адвокатской палате другого субъекта РФ, в том числе информационное взаимодействие (обмен) федерального органа юстиции с территориальными органами юстиции при ведении ими Единого государственного реестра адвокатов;

3) обеспечение ведения реестров адвокатских образований адвокатскими палатами субъектов РФ;

4) оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников или представителей в уголовном, гражданском, административном судопроизводстве или в иных установленных законом случаях по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в порядке, предусмотренном подпунктом 3.1 пункта 3 статьи 37 ФЗ, информационное взаимодействие (обмен) с органами дознания, органами предварительного следствия и судами по вопросам оказания такой юридической помощи;

5) оказание бесплатной юридической помощи адвокатами в рамках государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», а также ведение учета и отчетности об оказании бесплатной юридической помощи, информационное взаимодействие (обмен) с иными участниками государственной системы бесплатной юридической помощи;

6) повышение профессионального уровня адвокатов, помощников адвокатов и стажеров адвокатов, ведение учета и отчетности, связанные с ним;

7) организацию информационного обеспечения адвокатов, адвокатских образований и адвокатских палат субъектов Российской Федерации;

8) обеспечение в предусмотренных законом случаях информационного взаимодействия (обмена), в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и единой системы межведомственного электронного взаимодействия, адвокатуры с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, судами, иными государственными органами, органами местного самоуправления, иными муниципальными органами, юридическими и физическими лицами в пределах полномочий указанных органов и лиц, предусмотренных соответствующими нормативными правовыми актами. [2]

Таким образом, рассматриваемая система обладает значительным функционалом, существенно упрощающим трудовую деятельность адвокатов и способству-

ющим эффективному управлению рабочими процессами. Однако несмотря на высокую степень детализированности данной платформы, её эксплуатация выявила ряд недостатков, обнаружившихся в ходе практической эксплуатации указанного механизма. Например:

1. 245 обращений адвокатов связано с жалобами на существенное уменьшение количества поручений, по сравнению с аналогичным периодом прошлых лет;

2. 132 жалобы на отсутствие звука, при получении поручения (настройки телефона приведены в соответствии с рекомендациями по работе подсистемы КИС АР);

3. 67 жалоб, на отклонение поручения, до истечения срока таймера;

4. 29 жалоб на невозможность принятия поручения, при активном режиме и достаточном таймере (кнопка «Принять» не реагирует на нажатие);

5. Отсутствие технической возможности представления электронного ордера непосредственно из приложения, вследствие чего сохраняется необходимость традиционного подхода — получения ордерной книжки из адвокатского образования с обязательной подписью и печатью руководителя соответствующего формирования.

6. Случаи повторного отправки одного и того же требования на исполнение защитником даже после отказа последнего ввиду занятости в процессе. Это создает дополнительные неудобства и снижает эффективность рейтинг адвоката в подсистеме.

7. Аналогичная ситуация наблюдается и тогда, когда адвокат отклонил предложение по причине занятости в ином уголовном процессе (судебный график которого утвержден ранее); впоследствии система вновь направляет аналогичное задание, однако уже касающееся другого подзащитного лица, но в тот же временной промежуток. Такие случаи происходят массово (до трех-пяти требований одновременно), автоматически попадая в категорию отклонённых заданий. [3]

Выявленные несовершенства были названы в обращении от 27 сентября 2024 года Президента АПО О.В. А. Ковалёва к Президенту Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Володиной С. И.

Итоги вышеуказанного обращения предполагают два возможных сценария дальнейшего развития ситуации: возвращение к использованию прежней региональной АС «Диспут», либо усовершенствование действующей подсистемы КИСАР. [3] Тем не менее, возврат к предыдущей системе представляется неоправданным решением, поскольку она не обладала таким уровнем функциональности, надежности и оперативности, какими характеризуется действующая платформа КИСАР. Несмотря на очевидные преимущества новой подсистемы, необходимость внесения определенных изменений и улучшений остаётся актуальной задачей.

По моему убеждению, большая часть обозначенных ранее трудностей подлежит разрешению исключительно путем тщательной разработки квалифицированными специалистами в области информационных технологий. Од-

нако наибольший интерес вызывает предложение внедрения института электронного ордера. Подобная мера обеспечит экономию временных ресурсов, затрачиваемых адвокатом на регулярное оформление бланков ордеров, а также исключит необходимость постоянного мониторинга действующих образцов документов.

Все изменения сразу же автоматически будут направляться в приложение, которое при необходимости будет вносить их в имеющуюся форму, чтобы она соответствовала актуальным требованиям палаты региона. Предлагаю ввести данную процедуру внесением изменений в действующее законодательство, приняв следующую норму:

– п. 9 ч. 1 ст. 39.2 «предоставления информации посредством формирования электронного адвокатского ордера, оформляемого согласно регламенту, установленному компетентным учреждением, и удостоверяемого усиленной квалифицированной электронно-цифровой подписью, соответствующей требованиям законодательства Российской Федерации».

Хочу отметить, что вижу следующие перспективы развития КИСАР.

Начнем с того, что платформа КИСАР, обладает значительным модернизационным резервом, позволяющим трансформировать её в единый унифицированный профиль адвоката. Подобное преобразование позволит интегрировать и структурировать весь массив судебных производств, находящихся в производстве каждого адвоката, способствуя оптимизации управленческих процессов.

В настоящее время порядок оформления документов об оплате регулируется на основании Письма Минфина № 03–01–15/12–384 от 29 декабря 2006 г. [4]

Согласно данным разъяснениям, для надлежащего оформления приёма наличных денежных средств в счёт оплаты услуг адвокатов в кассу адвокатского образования необходимо и достаточно заполнять приходно-кассовые ордера и выдавать квитанции к ним, подтверждающие приём денежных средств, вести кассовую книгу и журнал регистрации ордеров. [4]

Квитанция к приходному кассовому ордеру подписывается главным бухгалтером или лицом, на это уполномоченным, и кассиром, заверяется печатью (штампом) кассира, регистрируется в журнале регистрации приходных и расходных кассовых документов (форма № КО-3) и выдается на руки сдавшему деньги, а приходный кассовый ордер остается в кассе. [4]

Эффективным методом оптимизации данной процедуры является разработка специализированной интерактивной формы, предусматривающей автоматическую передачу сведений в налоговые органы и одновременное формирование платежного документа, доступного для по-

следующей печати и предоставления клиенту, а также для приобщения к судебным материалам в целях взыскания судебных расходов. Подобная функция способна обеспечить значительное сокращение временных ресурсов и повысить прозрачность адвокатской деятельности.

С одной стороны, данная мера упростит работу адвокатов, ограничив их функции внесением необходимой информации в автоматизируемый ресурс, а с другой — усилит прозрачность расчетов для государственных налоговых органов, минимизируя риски нарушения налогового законодательства.

Поэтому предлагаю внесение следующих дополнений в действующее законодательство, а именно в ст. 39.2 гл. 4.1 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», предлагаю ее дополнить следующим положением:

– п. 10. ч. 1 ст. 39.2 автоматизация направления бланков строгой отчетности, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о применении контрольно-кассовой техники, сформированный в электронной форме в момент расчета между пользователем и клиентом за оказанные услуги, содержащий сведения о расчете и подтверждающий факт его осуществления.

Кроме того, в ходе обсуждений, проведенных представителями коллегии адвокатов городов Вологда и Череповец, была озвучена официальная позиция ФПА РФ относительно КИСАР АР. [5]

Предлагается внести изменения в систему КИСАР, которые позволят обеспечить организацию электронного документооборота между адвокатами и судебными органами Российской Федерации. [5]

Такая процедура документооборота позволит сократить временные затраты и обеспечивать эффективный мониторинг приёма и учёта материалов, поступающих в судебные инстанции. Реализация функции прямой подачи документов через КИСАР обеспечит устранение избыточных процедур и оптимальную организацию рабочего процесса адвокатов, способствуя повышению её эффективности и надёжности.

На основе представленного материала можно сделать вывод, что внедрение цифровых технологий в деятельность адвокатуры является актуальным и необходимым направлением для повышения эффективности и прозрачности работы адвокатов, а также для обеспечения высокого качества предоставляемых юридических услуг. Поэтому реализация инновационных мер в рамках КИС АР и других подсистем может способствовать устойчивому развитию адвокатской деятельности в условиях цифровой трансформации XXI века.

Литература:

1. «В Челябинске обсудили вопросы развития адвокатуры и нотариата»: новость от 19.04.2023 / Министерство юстиции Российской Федерации. — Текст: электронный // Минюст России: официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49444/> (Дата обращения: 10.05.2025);

2. Федеральный закон: от 11.07.2001 N 95-ФЗ «О политических партиях»: (принят ГД ФС РФ 21.06.2001); (ред. от 05.12.2022) //Российская газета. 2001. 14 июл.; СЗ РФ. 2001. N 29. ст. 2950.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 10.05.2025);
3. Ковалёв В. А. По работе КИС АР / В. А. Ковалёв. — Текст: электронный // Официальный сайт Адвокатской палаты Оренбургской области. — URL: <https://aporenburg.ru/po-rabote-kis-ar-2/> (дата обращения: 10.05.2025);
4. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 29.12.2006 № 03-01-15/12-384 «Об утверждении формы квитанций (бланка строгой отчётности) на оплату услуг адвокатов» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499099286> (Дата обращения: 10.05.2025);
5. «О внедрении подсистемы АРПН КИС АР» / Президент АП Вологодской области. — Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/o-vnedrenii-podsistemy-arpn-kis-ar/> (дата обращения: 10.05.2025).

К вопросу о разграничении предъявления для опознания от других следственных действий

Савченко Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором проанализированы основы разграничения предъявления для опознания от других следственных действий, а также охарактеризованы основные отличительные черты предъявления для опознания как следственного действия.

Ключевые слова: следственное действие, предъявление для опознания, следственный эксперимент, осмотр, освидетельствование, оперативные мероприятия, версия.

Для начала стоит отметить, что систематизация института следственных действий и их перечисление в нормах действующего УПК РФ не свидетельствует о тождестве различных следственных действий как в криминалистическом, так и в процессуальном планах, и, как представляется, отождествление предъявления для опознания с иными следственными действиями, помещёнными в главу 26 УПК РФ, видится методологически несостоятельным [1].

Рассматривая проблему отграничения предъявления для опознания от иных процессуальных способов собирания доказательств, нельзя обойти вниманием его соотношение со следственным экспериментом.

Так, если первый институт предполагает воссоздание обстановки определенных событий, то второй непосредственно предъявление опознающему ранее наблюдавшегося объекта, из чего следует принципиально различная целевая направленность названных процессуальных действий.

Соответственно, в указанном контексте характерно, что и результаты их фиксации облакаются в самостоятельные процессуальные формы, а именно в такие документы как протокол предъявления для опознания и протокол следственного эксперимента.

В свою очередь, А. В. Смирнов, чья позиция заслуживает самого пристального внимания, вполне обоснованно полагает, что задачи следственного эксперимента исчер-

пываются установлением способности воспринимать, тогда как само восприятие конкретного объекта выявляется и закрепляется именно посредством предъявления для опознания [2].

В то же время, ошибочным представляется отождествление рассматриваемого следственного действия с осмотром отдельных объектов и освидетельствованием.

В указанном контексте сущностное различие видится в том, что в ходе следственного осмотра обнаруживаются ранее неизвестные признаки изучаемого предмета, а при опознании лишь констатируется наличие либо отсутствие определенных признаков, позволяющих отождествить объект с тем, который ранее находился в поле наблюдения опознающего.

Освидетельствование же нацелено на восприятие следов преступления и иных признаков непосредственно на теле человека.

Безусловно, результаты осмотра объектов или освидетельствования способны создать предпосылки для успешного проведения опознания, однако заменить его они не могут ни при каких обстоятельствах.

Абсолютно недопустимой является и подмена предъявления для опознания разнообразными оперативными мероприятиями, ориентированными на обеспечение распознавания объекта, поскольку уголовно-процессуальный закон не регламентирует оперативную деятельность и не наделяет ее доказательственным значением [3].

Таким образом, предъявление для опознания выступает в качестве полностью автономного следственного действия и, более того, служит эффективным инструментом проверки целого ряда доказательственных сведений.

Речь идет о версиях следователя, результатах осмотра, показаниях свидетеля и потерпевшего, показаниях подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, а также об итогах обыска и экспертизы.

Именно как способ верификации следственных версий данное действие встречается в практике расследования преступлений весьма часто [4].

В свою очередь, рассматриваемое следственное действие позволяет правоприменителю наряду с иными процессуальными средствами удостовериться в правильности его предположений по тому или иному вопросу, сформулировать и обосновать основную рабочую версию, отбросив прочие, не нашедшие подтверждения, что в конечном счете способствует более оперативному расследованию уголовного дела и изобличению виновных лиц.

Также стоит отметить, что чрезвычайно значима роль предъявления для опознания и в проверке свидетельских показаний, а также показаний потерпевших.

Примечательно, что рассматриваемый институт с равным успехом может использоваться как для оценки достоверности собственных ранее данных показаний ука-

занных лиц, так и для выяснения правильности сообщенных сведений иными участниками процесса.

Кроме того, предъявление для опознания вполне применимо при необходимости проверить показания подозреваемого и обвиняемого, поскольку подсудимые нередко отрицают свою причастность к деянию, однако в ряде случаев они признают вину, и тогда проверка таких признаний становится насущной потребностью.

С сожалением приходится констатировать, что на практике следователи зачастую имея признательные показания подозреваемого, обвиняемого либо подсудимого, не подвергают их всесторонней проверке посредством определенных следственных действий, закономерным следствием чего становится направление уголовных дел на дополнительное расследование либо их прекращение ввиду недоказанности обстоятельств.

Резюмируя изложенное, представляется обоснованным и оправданным вывод о том, что предъявление для опознания надлежит квалифицировать в качестве полностью автономного следственного действия, обладающего в свою очередь уникальной правовой природой, которая не позволяет ни отождествлять его с допросом, очной ставкой, осмотром, освидетельствованием либо следственным экспериментом, ни подменять оперативно-розыскными мероприятиями, непосредственно лишенными доказательственного значения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.
2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М., 2020.
3. Меретуков Г. М., Лунина Е. С., Липка А. О. Уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 115.
4. Бурухин Д. И. Предъявление для опознания: понятие, виды, порядок производства // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты: Материалы Крымского студенческого юридического форума. Ответственные редакторы М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. 2019.

Методология выявления и преодоления противодействия расследованию контрабанды наркотических средств: проблемы, технологии и организационные механизмы

Саркитова Виктория Барисбиевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гвоздева Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор определяет методологический фундамент преодоления противодействия расследованию наркопреступлений, который базируется на системно-деятельностном подходе, интегрирующем процессуальные, оперативно-розыскные и организационно-управленческие ресурсы, и методике распознавания индикаторов сопротивления, адаптированной к цифровым реалиям наркотрафика. Техничко-технологическая составляющая данной стратегии предполагает легитимное использование программно-аппаратных средств и методов неинвазивного таможенного контроля, позволяющих не только фиксировать противоправное деяние, но и упреждать потенциальное противодействие. Несмотря на

развитую теоретическую базу и нормативное регулирование, методология сталкивается с неразрешёнными проблемами изъятия цифровых активов, технологического отставания и транснационального сопротивления, требующими дальнейшего научного осмысления.

Ключевые слова: методология, выявление, преодоление, противодействие, контрабанда, наркотические средства, организационные механизмы, распознавание, система, доказательственные сведения, проблема.

Методологический фундамент противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, был заложен в трудах видных отечественных криминалистов. В. Н. Карагодин определял противодействие предварительному расследованию как систему умышленных действий (бездействия), направленных на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу и достижению целей судопроизводства [1, с. 18]. Развивая эту концепцию, Р. С. Белкин рассматривал преодоление противодействия в качестве составной части криминалистической тактики, выделяя при этом особую роль ситуационного подхода, позволяющего адаптировать типовые тактические приёмы к конкретной следственной ситуации [2, с. 142–148]. Применительно к современной наркопреступности, отличающейся высокой степенью организации и цифровизации, методология выявления и преодоления противодействия требует переосмысления классических подходов в контексте новых технологических реалий, оставаясь при этом строго в рамках процессуальной формы, установленной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [3].

Ключевым методологическим принципом организации преодоления противодействия расследованию контрабанды наркотиков выступает системно-деятельностный подход, в соответствии с которым деятельность следователя, оперативных сотрудников и иных участников процесса рассматривается как сложная, многоуровневая система взаимосвязанных элементов. А. В. Федоров, в одной из своих работ, анализируя специфику расследования транснациональных наркопреступлений, обоснованно подчёркивает, что эффективное преодоление противодействия возможно лишь при условии интеграции процессуальных, оперативно-розыскных и организационно-управленческих ресурсов в единый тактический замысел, реализуемый в рамках следственно-оперативной группы. Рассматриваемый алгоритм согласуется с нормативными предписаниями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4], а также с положениями межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности, введённой в действие совместным распоряжением правоохранительных органов [5]. Указанные акты формируют легитимный фундамент для осуществления подобного взаимодействия.

В основе методики распознавания противодействия расследованию лежит криминалистическая оценка индикаторов, свидетельствующих о согласованном воспрепятствовании отправлению правосудия. В трудах А. М. Ку-

стова и И. В. Тишутиной предлагается дифференциация данных индикаторов по группам, обнаруживаемым на соответствующих стадиях следствия: информационно-следовая (утрата либо искажение доказательственных сведений), поведенческая (алогичные или взаимоисключающие действия участников судопроизводства), документально-процессуальная (недобросовестное использование диспозитивных прав) и коммуникативная (неправомерное воздействие на лиц, осуществляющих расследование) [6, с. 78–94]. Экстраполяция приведённой систематизации на специфику наркотрафика требует её обогащения за счёт цифрового компонента, охватывающего применение средств криптографической защиты, ресурсов даркнета и сервисов смешивания криптовалют.

Технико-технологическая составляющая стратегии нейтрализации сопротивления следствию имманентно сопряжена с эксплуатацией новейших программно-аппаратных решений и информационных массивов. Е. П. Ищенко, анализируя процесс интеграции высокотехнологичных инструментов в криминалистику, акцентирует внимание на том, что диджитализация преступных посягательств детерминирует необходимость соразмерного технологического реагирования со стороны государства, причём данное реагирование должно получить легализацию в рамках уголовно-процессуальных норм [7, с. 6–15]. Статья 164.1 УПК РФ, закрепляющая порядок изъятия и дублирования информации с электронных накопителей, создаёт требуемые юридические условия для задействования таких инструментов, как мобильные криминалистические комплексы UFED и XRY, предназначенные для считывания данных с портативных устройств, а также специализированные утилиты для проведения кластерного анализа транзакций, распределённых в блокчейне.

В сфере противодействия контрабанде запрещённых веществ особую роль приобретают методы неинвазивного таможенного мониторинга. С. Н. Гамидуллаев и А. В. Кулешов, подвергая детальному рассмотрению современный арсенал технических средств таможенного контроля, отмечают, что досмотровые рентгенотелевизионные системы, функционирующие на базе алгоритмов автоматической классификации объектов с использованием технологий машинного обучения, способствуют не только обнаружению скрытых наркотических закладок, но и дезавуированию ключевого тезиса стороны защиты — о непричастности фигуранта к оборудованию тайника. Высокая точность и надлежащее документирование результатов лучевого сканирования элиминируют вероятность двойственного толкования [8, с. 156–174]. Так, технологическое средство трансформируется в ме-

ханизм не исключительно фиксации деликта, но и упреждения потенциального сопротивления обвинению.

Организационный блок анализируемой методологии предполагает учреждение и координацию деятельности следственно-оперативных групп как доминирующей формы коллаборации субъектов уголовного преследования. А. А. Топорков, исследуя фундаментальные принципы функционирования СОГ, квалифицирует узкую специализацию, персонифицированную ответственность и непрерывный взаимообмен оперативно значимыми данными в качестве детерминант результативности [9, с. 401–420]. Применительно к специфике расследования наркотрафика в состав таких групп представляется необходимым включать наряду со следователем и оперативным составом также экспертов в сфере компьютерной информации и химических исследований, а в ситуациях, связанных с риском компрометации данных — сотрудников отделов собственной безопасности для блокирования коррупционных каналов циркуляции служебной информации.

Важнейшим организационным механизмом является обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [10] предоставляет следователю арсенал мер, включающий сохранение в тайне данных о личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение, и допрос под псевдонимом. Л. В. Брусницын, всесторонне исследовавший институт государственной защиты, подчёркивает, что эффективность данных мер напрямую зависит от своевременности их применения: промедление даже в несколько дней может сделать защиту фиктивной, поскольку давление на свидетеля, как правило, оказывается незамедлительно после его первого допроса [11, с. 112–119.].

Несмотря на развитую теоретическую базу и нормативное регулирование, методология преодоления противодействия расследованию контрабанды наркотиков сталкивается с рядом неразрешённых проблем. Первая проблема носит правовой характер и связана с отсутствием в УПК РФ чёткого механизма принудительного изъятия цифровых активов (криптовалют), полученных в результате наркотрафика. О. В. Левченко и Е. В. Быкова отмечают, что существующая процедура наложения ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) фактически не работает в отношении криптоактивов без добровольной передачи подозреваемым приватного ключа, что создаёт значительные пробелы в преодолении финансового противодействия [12, с. 28–33].

Вторая проблема — это разрыв между темпами развития технологий совершения преступлений и технологий их расследования. Решение данной проблемы видится в создании специализированных научно-практических лабораторий при ведущих экспертно-криминалистических центрах, ориентированных на оперативную разработку методик исследования новых цифровых инструментов, используемых в наркотрафике.

Третья проблема — транснациональный характер противодействия. Е. Г. Быкова и С. А. Яшков, анализируя особенности международного сотрудничества по уголовным делам о наркопреступлениях, обращают внимание на то обстоятельство, что длительные сроки исполнения международных следственных поручений (ст. 453 УПК РФ) зачастую сводят на нет усилия по преодолению противодействия, оказываемого с территории иностранных государств [13, с. 45–50]. Организационным решением здесь может стать более активное использование каналов НЦБ Интерпола для экстренного обмена информацией, а также развитие института совместных международных следственных групп.

Литература:

1. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 29.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. 2013. 13 декабря.
6. Тишутина И. В. Противодействие расследованию преступлений в условиях цифровизации преступности. // Философия права. 2025. № 4 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-rassledovaniyu-prestupleniy-v-usloviyah-tsifrovizatsii-prestupnosti> (дата обращения: 11.06.2026).
7. Ищенко Е. П. Высокие технологии и криминальные вызовы // Вестник криминалистики. // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysokie-tehnologii-i-kriminalnye-vyzovy> (дата обращения: 11.06.2026).

8. Гамидуллаев, С. Н. Перемещение товаров через границу: таможенные процедуры: учеб. пособие / С. Н. Гамидуллаев, А. В. Кулешов, Н. Л. Коваль; Рос. тамож. акад., С.-Петербург. фил. им. В. Б. Бобкова. — СПб.: С.-Петерб. им. В. Б. Бобкова фил. РТА, 2001.
9. Топорков А. А. Криминалистика: учебник. М.: Контракт, 2023.
10. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 07.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
11. Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский и зарубежный опыт. М.: Проспект, 2021.
12. Луданина А. В. Наложение ареста на криптовалютные активы в уголовном процессе российской федерации: возможные пути развития // актуальные проблемы российского права. 2023. № 6 (151). url: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalozhenie-aresta-na-kriptovalyutnye-aktivy-v-ugolovnom-protsesse-rossiyskoy-federatsii-vozmozhnye-puti-razvitiya> (дата обращения: 11.06.2026).
13. Быкова Е. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Законность. 2025. № 2.

Обеспечение баланса публичных и частных интересов в риск-ориентированном подходе в условиях цифровизации

Скаков Владислав Викторович, студент магистратуры

Научный руководитель: Макаров Олег Васильевич, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье исследуются проблемы баланса публичных и частных интересов при реализации риск-ориентированного подхода в условиях цифровизации контрольно-надзорной деятельности. Анализируются изменения законодательства 2025–2026 годов, правоприменительная практика и доктринальные подходы. Выявлены проблемы правовой определённости оценочных категорий, дискреционных полномочий контрольных органов, коррупционных рисков и прозрачности алгоритмов оценки рисков. Обосновано, закрепление в законодательстве принципа «человек в контуре», создание единого цифрового профиля контролируемого лица. Предложены пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, государственный контроль, индикаторы риска, цифровизация, баланс интересов, комплаенс-контроль.

Одной из центральных задач современной контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации стало достижение оптимального баланса между публичными интересами государства и частными интересами субъектов предпринимательской деятельности. Необходимость поиска такого баланса обусловлена самой природой государственного контроля. С одной стороны, государство обязано обеспечивать защиту жизни и здоровья граждан, окружающей среды, общественной безопасности и иных конституционно значимых ценностей. С другой стороны, чрезмерное вмешательство в деятельность бизнеса способно ограничивать свободу экономической деятельности, гарантированную статьей 34 Конституции РФ [1].

В научной литературе неоднократно отмечалось, что именно конфликт между публичными и частными интересами выступал одной из причин масштабной реформы государственного контроля, реализуемой в России начиная с середины 2010-х годов.

Так, М. А. Ахмадова анализирует ключевые законодательные акты, принятые по итогам завершения очеред-

ного масштабного этапа реформирования контрольной (надзорной) деятельности, с позиции рассмотрения в них проблемы соотношения частных и публичных интересов, а также нахождения баланса их обеспечения в период социально-экономического кризиса. Автор приходит к выводу, что «с учетом комплексного характера предпринимательского законодательства и необходимости сохранения темпов экономического роста в условиях социально-экономического кризиса основная задача государства заключается в создании благоприятного делового, инвестиционного и предпринимательского климата, в том числе за счет соблюдения в законодательстве разумного баланса публичных и частных интересов» [4, с. 67].

В монографии Т. Т. Алиева «соотношение частных и публичных интересов в условиях реформирования законодательства Российской Федерации» проводится более фундаментальное исследование, где тема баланса интересов раскрывается в более широком контексте правовых реформ. Авторы анализируют, как поиск этого баланса влияет на разные сферы, включая контрольно-надзорную

деятельность. Работа помогает понять теоретическую базу, на которой строились аргументы реформаторов [9].

Традиционная модель надзора длительное время основывалась на принципе тотального контроля. Принятие закона № 248-ФЗ [2] стало важным этапом формирования новой концепции взаимодействия государства и бизнеса. Смена акцента с карательной на профилактическую функцию находит отражение в структуре санкций. Поощряется добровольное устранение нарушений (что признается смягчающим обстоятельством, например статья 4.2 КоАП РФ) [3], а наказание все чаще рассматривается не как самоцель, а как крайняя мера, применяемая, когда профилактика исчерпала себя.

Целью наказания в такой системе становится не только наказание виновного, но и стимулирование его к построению эффективных внутренних систем внутреннего управления (комплаенса). При этом, Р. Г. Хайруллина отмечала, что «установленные законодателем обстоятельства, исключают, смягчающие, отягчающие, ограничивающие и освобождающие от административной ответственности, являются особыми условиями применения мер административной ответственности» [11, с. 100].

Практика показывает сохраняющуюся проблему баланса интересов. Дискуссионен объём дискреционных полномочий контрольных органов, что связано с использованием оценочных категорий (риск вреда, индикаторы, вероятность, категория). Все указанные понятия предполагают значительную свободу административного усмотрения. В результате контролируемые лица нередко сталкиваются с ситуацией, когда основания принятия решений контрольными органами являются недостаточно открытыми.

Так, О. А. Найдина прямо связывает чрезмерное расширение дискреционных полномочий с риском подмены принципов. Автор пишет, что доминирование целесообразности над законностью ведёт к произволу, правовому нигилизму и создаёт условия для «телефонного права» и коррупционных практик: решения принимаются не на основе закона, а «под влиянием административной целесообразности или личной заинтересованности» [8, с.2].

По мнению А. А. Чистова, «к основным условиям проявления коррупции в федеральных органах исполнительной власти относятся: широта свободы административного усмотрения в действиях должностных лиц, позволяющая создавать административные барьеры» [12, с. 7]

В научной литературе по данному вопросу солидарны, и характеризуют «предоставленное субъекту право решать какие-либо вопросы организационно-управленческого или административно-хозяйственного характера по своему усмотрению» как возможность «коррупционного поведения» [5, с. 312].

Особенно остро проблема коррупции проявляется при применении цифровых механизмов оценки риска. Цифровая трансформация надзора (дистанционные проверки, анализ больших данных, «надзор за данными») меняет процесс доказывания и квалификации нарушений. Выявление правонарушения через автоматизированные системы требует развития процессуальных норм, касающихся использования электронных доказательств. С одной стороны, это повышает объективность, с другой — ставит новые вызовы в части обеспечения прав лица, привлекаемого к ответственности.

Как справедливо отмечает П. А. Курындин, развитие информационных технологий опережает правовое регулирование, что создаёт риски формирования новых «очагов коррупции» в цифровой среде [7, с. 62–63]. Отсутствие единого закона об административной процедуре и гарантий права быть заслушанным при досудебном обжаловании решений контрольных органов приводит к информационной асимметрии и снижению доверия к системе контроля.

Важнейшей особенностью современной модели применения индикаторов риска является активное использование цифровых технологий. Как отмечает в своей работе А. А. Тотурбиев «дистанционные методы контроля становятся всё более распространенными в практике контрольно-надзорных органов. Система мониторинга «Цифровой контроль» позволяет в автоматическом режиме отслеживать параметры деятельности подконтрольных субъектов и выявлять отклонения, служащие индикаторами риска» [10, с. 250].

Следует отметить, что цифровизация контроля должна сопровождаться усилением процессуальных гарантий прав контролируемых лиц, иначе возникнут существенные риски их нарушения. Например, П. Г. Гамзатова отмечает: «современный этап реформы контрольнонадзорной деятельности в Российской Федерации требует признания цифровизации КНД самостоятельным предметом правового регулирования, в рамках которого должны быть закреплены специальные принципы и механизмы защиты прав проверяемых лиц в цифровой среде» [6, с. 243].

В заключение необходимо отметить, что, ключевой проблемой современной цифровой модели государственного контроля по-прежнему остается поиск оптимального соотношения между необходимостью защиты публичных интересов и обеспечением гарантий прав субъектов предпринимательской деятельности. В этой связи представляется необходимым законодательно закрепить требования к прозрачности алгоритмов оценки риска (ХАИ), обязательность процедур заслушивания при досудебном обжаловании, а также принцип «человека в контуре» (HITL) при принятии решений на основе автоматизированных систем.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 23.06.2026 г.)

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5007.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 07.01.2002, № 1 (часть I), ст.1.
4. Ахмадова, М. А. Реформа контрольной (надзорной) деятельности: ориентация на баланс интересов сторон / М. А. Ахмадова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 8(120). — С. 60–68.
5. Братановский, С. Н. Дискреционные полномочия как фактор коррупции в системе исполнительной власти // Административное и муниципальное право. — 2016. — № 4(100). — С. 312.
6. Гамзатова, П. Г. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности: отечественный и зарубежный опыт / П. Г. Гамзатова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 10 (613). — С. 240–244.
7. Курындин, П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции / П. А. Курындин // European and Asian Law Review. — 2023. — Т. 6, № 1. — С. 58–64
8. Найдина, О. А. Соотношение законности и целесообразности в процессе реализации права / О. А. Найдина // Новый юридический вестник. — 2025. — № 10(52). — С. 1–3.
9. Соотношение частных и публичных интересов в условиях реформирования законодательства Российской Федерации: монография / [Алиев Т. Т. и др.]: под ред. О. Ю. Бакаевой. — Москва: Юрлитинформ, 2010. — (Теория и история государства и права). — ISBN 978–5–93295–689–2.
10. Тотурбиев, А. А. Совершенствование государственного контроля в условиях цифровизации / А. А. Тотурбиев // Вестник науки. — 2025. — Т. 2, № 3(84). — С. 245–255.
11. Хайруллина, Р. Г. Сущность обстоятельств, смягчающих административную ответственность / Р. Г. Хайруллина // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. — 2015. — Т. 1, № 4(67). — С. 100–105.
12. Чистов, А. А. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти в современных условиях. автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 233 с.

Особенности выемки электронных носителей информации в уголовном процессе в Российской Федерации

Сороколет Анна Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье даётся анализ уголовно-процессуальных и криминалистических вопросов, возникающих при проведении обыска и выемки, когда речь идёт об изъятии электронных носителей информации. Автор обобщены итоговые положения и выработаны практические предложения, ориентированные на рост результативности перечисленных следственных действий.

Ключевые слова: электронные носители информации, цифровые доказательства, выемка, уголовный процесс, компьютерная информация, следственные действия.

Цифровизация общественных отношений привела к появлению новых видов преступлений, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема выемки электронных носителей информации, так как от правильности выемки электронных носителей зависит возможность получения допустимых и достоверных доказательств, а также соблюдение конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и защиту персональных данных. Объектом исследовательской работы являются общественные отношения, возникающие при производстве следственных действий, связанных с обнаружением и изъятием электронных носителей информации. Пред-

метом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующие выемку электронных носителей информации, а также практика их применения.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, на протяжении последних лет преступления в сфере информационно телекоммуникационных технологий занимают значительную долю в общей структуре зарегистрированной преступности. Основную часть таких преступлений составляют дистанционные мошенничества, неправомерный доступ к компьютерной информации, хищения денежных средств с использованием электронных платежных средств, распространение вредоносного программного обеспечения, а также преступ-

ления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств через сеть Интернет.

Необходимость разработки новых методических рекомендаций по производству следственных действий обусловлена специфическими свойствами цифровой информации и особенностями механизма следообразования при совершении высокотехнологичных преступлений.

Осмотр места происшествия, а также обыск и выемка в частности, относятся к числу следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие электронных носителей информации. При этом особенно актуальным становятся тактические приёмы изъятия указанных носителей, которые обеспечивают общее повышение эффективности следственных действий, сохранность информации, имеющей ключевое значение для расследования, а также вопросы соблюдения конституционных прав граждан при копировании и изъятии электронных данных [1].

Электронный носитель информации представляет собой материальный объект, предназначенный для хранения, обработки или передачи информации в цифровом формате. К числу таких носителей относятся жесткие диски, дискеты, CD, DVD, SSD, флеш-накопители, карты памяти, внешние жесткие диски, сетевые хранилища данных и иные технические устройства.

До выезда на место проведения обыска (выемки), основными подготовительными мероприятиями являются: анализ материалов уголовного дела, позволяющий следователю оценить оперативную обстановку и определить наиболее оптимальную тактику предстоящего действия. При изучении имеющихся документов, следует обращать внимание на личность обыскиваемого, его профессиональные навыки работы с компьютерной техникой, а также на возможные воспрепятствования со стороны заинтересованных лиц [2]. В равной мере следует учитывать доказательства, содержащиеся в деле, протоколы ранее проведенных следственных действий, иные документы, в которых фигурируют разыскиваемые объекты, и результаты оперативно-розыскных мероприятий.

Эффективность подготовки к обыску напрямую зависит от формирования чёткого мысленного образа искомого объекта с указанием его идентифицирующих признаков: необходимо определить, какие именно электронные носители могут находиться на месте проведения обыска (выемки); определить наличие и виды средств защиты информации, блокирующих к ней доступ, а также нахождение технических устройств; выявить типы источников их электропитания.

При планировании изъятия компьютерной техники и электронных носителей необходимо учитывать категорию обрабатываемой информации — при наличии конфиденциальных сведений требуется предусмотреть дополнительные меры для их законного получения [2]. Кроме того, необходимо учитывать тип работы компьютера: автономный (работающий на независимой операционной системе и не имеющий доступ к локальным сетям), либо сетевой (имеющий доступ к локальным сетям и пе-

редающий информацию через них на другие носители информации). Во втором случае требуется определение всех соединённых через локальную сеть компьютеров, в том числе которые могут находиться вне пределов обыскиваемого помещения; если следователю заранее известно о размещении техники в нескольких комнатах, обыск целесообразно проводить во всех них одновременно [3].

На практике сотрудники правоохранительных органов часто изымают всю компьютерную технику при обыске или выемке, а затем назначают компьютерную экспертизу, чтобы получить переписку по электронной почте. Однако такой подход создаёт сразу две проблемы. Во-первых, из-за этого резко возрастает нагрузка на экспертов, что ведёт к затягиванию сроков и самой экспертизы, и всего расследования по делу. Во-вторых, собранные таким путём доказательства могут признать недопустимыми, потому что закон (часть 7 статьи 185 УПК РФ) требует иного порядка: электронные сообщения нужно изымать путём их осмотра и выемки, а не через изъятие всего оборудования [5]. Поэтому главный вывод такой: качественное проведение следственных действий невозможно без продуманной тактики, которая строится на чётком понимании того, как работают электронные носители информации. Тщательное планирование с учётом этих особенностей — обязательное условие для получения законных и надёжных доказательств.

Также особое внимание законодатель уделяет соблюдению конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни и защите персональных данных. В связи с тем, что электронные носители информации могут содержать информацию, относящуюся к личной жизни, например, фотографии, видеозаписи, личную переписку, банковские данные, медицинскую информацию и т. д., при условии, что данная информация не имеет никакого отношения к уголовному делу, в ряде случаев производство выемки требует получения судебного решения.

Основной задачей уполномоченного лица является обеспечение сохранности содержащихся на устройстве данных и предотвращении их изменения. Так как неправильные действия при обращении с оборудованием способны привести к утрате этих данных, в связи с этим участие специалиста при изъятии сложных технических устройств является важным условием сохранения доказательственной информации [4].

Также стоит уделить особое внимание правильности оформления процедуры изъятия, так как оно имеет важное значение для обеспечения допустимости доказательств в дальнейшем судебном разбирательстве.

Стоит отметить, что статья 164.1 УПК РФ предусматривает возможность копирования информации без изъятия самого носителя.

Копирование информации представляет собой создание точной цифровой копии данных, содержащихся на электронном устройстве.

Данный механизм обладает рядом преимуществ.

Процедура копирования требует строгого соблюдения специальных технических правил.

Копирование должно осуществляться таким образом, чтобы исключить любое изменение исходных данных.

Для этого используются специальные программно-аппаратные комплексы и устройства блокировки записи (write-blocker), предотвращающие внесение изменений в исследуемый носитель.

Кроме того, создаются контрольные хэш-суммы, позволяющие подтвердить идентичность оригинала и копии.

Использование технологии хэширования позволяет гарантировать неизменность информации и обеспечивает возможность проверки достоверности цифровых доказательств на любой стадии уголовного судопроизводства.

Одной из наиболее сложных проблем современной следственной практики является получение доступа к информации, размещенной в облачных сервисах.

При производстве выемки возникают следующие проблемы:

- Во-первых, физическое местонахождение данных зачастую неизвестно следствию.

- Во-вторых, серверы могут находиться за пределами юрисдикции Российской Федерации.

- В-третьих, доступ к информации защищается сложными механизмами аутентификации и шифрования.

- В-четвертых, получение данных требует взаимодействия с иностранными организациями и использования механизмов международной правовой помощи.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части регулирования работы с электронными доказательствами.

Подводя итоги, стоит отметить, что выемка электронных носителей информации являются одними из наиболее значимых следственных действий в современном уголовном процессе. Их роль обусловлена цифровизацией общественных отношений и постоянным ростом количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Литература:

1. Головачева Д. В. Особенности производства обыска и выемки электронных носителей информации: Сборник научных трудов по материалам XVII Международной научно-практической конференции, Анапа, 31 октября 2025 года. — Анапа.
2. Костенко Р. В., Шипицина В. В., Петрова О. А. Изъятие уголовно-процессуальных доказательств в цифровую эпоху. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022;
3. Костина Ю. А. Актуальные проблемы выемки электронного носителя информации: Перспективы государственного-правового развития России в XXI веке: сборник научных трудов по итогам XXV Всероссийской научно — практической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций Минобрнауки России, — Ростов-на-Дону. 2025.
4. Никитин В. И. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, установлению, выявлению — как самостоятельные категории отечественного уголовно-процессуального права. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024;
5. Телевицкая, Ю. А. Выемка электронных носителей информации по уголовным делам. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2025.

Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве: проблемы правоприменительной оценки

Степаненко Злата Игоревна, студент
Владивостокский государственный университет

В статье рассматриваются особенности использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве и анализируются проблемы их оценки в современной судебной практике.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровые доказательства, электронные доказательства, судебная практика, допустимость доказательств, цифровизация уголовного процесса.

Цифровизация общественных отношений привела к тому, что значительная часть юридически значимой информации создаётся, хранится и передаётся в электронной форме, а потому всё чаще становится предметом

процессуального исследования по уголовным делам. В современных условиях в распоряжение органов предварительного расследования и суда поступают переписка в мессенджерах, данные социальных сетей, сведения опе-

раторов связи, электронные документы, фото- и видеозаписи, сетевые логи и иные цифровые следы.

При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит целостной регламентации цифровых доказательств как самостоятельного элемента доказательственной системы, ограничиваясь отдельными нормами об электронных носителях информации, документах и технических средствах фиксации. В результате особое значение приобретает судебная практика, поскольку именно в ней формируются подходы к признанию цифровых сведений допустимыми, достоверными и относимыми доказательствами.

Судебная практика демонстрирует активное использование различных видов цифровых сведений при разрешении уголовных дел. В делах о мошенничестве и вымогательстве суды признают допустимыми доказательствами переписку между обвиняемым и потерпевшим в мессенджерах, данные о телефонных соединениях, фото- и видеоматериалы, если они получены и закреплены в предусмотренной законом процессуальной форме [1].

Показателен приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 25 сентября 2023 г. по делу № 1–183/2022 [2], в котором цифровые сведения сыграли ключевую роль в доказывании вымогательства. В ходе расследования и судебного разбирательства были исследованы мобильные телефоны подсудимых, флеш-накопитель и компакт-диск с идентичным видео интимного характера, а также переписка в социальной сети Instagram^{*1}, содержавшая угрозы распространения видео и требования передачи денежных средств. Указанные материалы были получены посредством протоколов осмотра, копирования информации на отдельные носители, исследования устройств в судебном заседании и проведения экспертного исследования видеозаписи, после чего суд использовал их в совокупности с другими доказательствами для подтверждения умысла на вымогательство.

Вместе с тем практика показывает, что цифровые доказательства не могут восприниматься судом некритично лишь потому, что они формально приобщены к уголовному делу. Характерным примером является кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2026 г. по делу № 24 УД26 1 К4 [3], в котором одним из ключевых доказательств обвинения выступали фотоизображения земельного участка, полученные через картографический онлайн-сервис и оформленные в виде фототаблицы. Верховный Суд Российской Федерации указал на необходимость мотивированной оценки противоречий между цифровыми изображениями, показаниями свидетелей и иными документами, а отсутствие такой оценки послужило основанием для отмены судебных решений нижестоящих инстанций.

Особое значение цифровые сведения приобретают по делам, связанным с киберпреступностью и незаконным ис-

пользованием компьютерной информации. В таких делах именно логи интернет-серверов, сведения о статическом IP-адресе, данные провайдера, результаты осмотра изъятых устройств и компьютерно-технических экспертиз позволяют реконструировать механизм преступной деятельности и связать действия в сети с конкретным лицом [4].

Примером подобного подхода является приговор Калининского районного суда г. Новосибирска от 24 августа 2025 г. по делу № 1–269/2025 [5], в котором лицо было признано виновным по ч. 2 ст. 273 УК РФ в создании, использовании и распространении вредоносных компьютерных программ. Суд придал доказательственное значение логам сетевой активности, данным провайдера, переписке в Telegram, результатам осмотра и экспертизы системного блока, внешних накопителей и мобильного телефона, а также содержимому архивов с вредоносным программным обеспечением. Данное дело демонстрирует, что в расследовании киберпреступлений цифровые следы выступают не вспомогательным, а центральным элементом доказательственной базы.

Информация, извлечённая из аккаунтов пользователей социальных сетей и мессенджеров, используется судами и по делам экстремистской направленности. Так, приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 9 июля 2024 г. по делу № 1–115/2024 [6] иллюстрирует ситуацию, при которой данные об учётных записях, содержании публикаций и комментариев, а также заключение судебной лингвистической экспертизы позволили суду установить наличие публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности и прямой умысел виновного лица.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровые доказательства уже заняли устойчивое место в структуре доказывания по уголовным делам. Вместе с тем их доказательственное значение определяется не только содержанием цифровой информации, но и соблюдением процессуальных требований к её получению, фиксации, хранению, исследованию и оценке. Если цифровые материалы надлежащим образом закреплены и подтверждаются совокупностью иных доказательств, суды придают им существенное, а иногда и определяющее значение; при отсутствии же процессуальной определённости и мотивированной оценки это может повлечь отмену судебного решения вышестоящей инстанцией.

Таким образом, складывающаяся судебная практика одновременно расширяет доказательственные возможности уголовного судопроизводства и подчёркивает необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Требуется более чёткая регламентация понятия цифровых доказательств, требований к их аутентификации, фиксации, хранению и экспертному исследованию, а также выработка единых подходов к их оценке с учётом особенностей современной информационной среды.

¹ * Продукция компании Meta Platforms признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации.

Литература:

1. Зуев, С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.]; под редакцией С. В. Зуева. — Москва: Юрайт, 2021. — 193 с.
2. Приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя № 1–99/2023 от 25 сентября 2023 г. по делу № 1–183/2022 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aZZ8NDETPi6u/> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2026 г. по делу № 24 УД26 1 К4 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=888609> (дата обращения: 20.05.2026).
4. Бессонова, А. О. Электронный носитель информации как разновидность вещественного доказательства в уголовном процессе / А. О. Бессонова // Вестник Удмуртского университета. — 2024. — № 5. — С. 885–897.
5. Приговор Калининского районного суда г. Новосибирска № 1–269/2025 от 24 августа 2025 г. по делу № 1–269/2025 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZDP7FvYahkN0/> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Приговор Октябрьского районного суда г. Томска № 1–115/2024 1–893/2023 от 9 июля 2024 г. по делу № 1–115/2024 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LUXV44D9Cmr1/> (дата обращения: 20.05.2026).

Конституционно-правовые основы и проблемы реализации обеспечения жильем детей-сирот

Тимушев Максим Степанович, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье автор исследует конституционно-правовые гарантии жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также системные препятствия, возникающие при их практической реализации. Анализируются внесудебный и судебный механизмы защиты, выявляются организационные и финансовые причины низкой эффективности существующего порядка. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ и актуальных изменений законодательства предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: дети-сироты, жилищные права, конституционные гарантии, судебная защита, бюджетное финансирование, жилищные сертификаты.

Обеспечение жильём детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является одним из приоритетных направлений социальной политики Российского государства. Статья 40 Конституции РФ закрепляет право каждого на жилище и одновременно обязывает органы публичной власти создавать необходимые условия для его осуществления. Для наиболее уязвимой категории граждан — детей, утративших родительскую опеку, — федеральный законодатель установил специальные гарантии, в частности, внеочередное предоставление благоустроенных жилых помещений по договорам найма специализированного жилищного фонда (Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ). [5]

В доктрине неоднократно обращалось внимание на несоответствие между декларируемыми государством обязательствами и фактическими положениями дел. В частности, К. Е. Якушевским обоснованно отмечается, что право на жилище, входя в ядро конституционного статуса личности, сталкивается с многочисленными препят-

ствиями на стадии правоприменения, что требует дополнительного научного осмысления [15, с. 230].

Анализ нормативного и организационного аспектов проблемы позволяют выделить две группы факторов, препятствующих эффективной реализации жилищных прав сирот. К первой группе относятся дефекты правотворчества, выражающиеся в неоднозначности формулировок и наличии пробелов, ко второй — правоприменительные трудности, включающие бюрократические барьеры, недостаточность финансового обеспечения и низкую исполнительскую дисциплину. Данная дифференциация поддерживается в работах Е. Н. Негановой, подчеркивающей необходимость осмысления проблемы с опорой на современные социально-экономические реалии [7, с. 5], а также А. П. Леноченко и А. А. Лукониной, акцентирующих внимание на особой уязвимости выпускников интернатных учреждений при решении жилищного вопроса [6, с. 549].

Действующий правовой механизм предусматривает следующую последовательность юридически значимых

действий: включение ребёнка-сироты в региональный список нуждающихся по достижении 14 лет и последующее предоставление жилого помещения при наступлении совершеннолетия либо приобретении полной дееспособности. Однако на практике данный алгоритм сталкивается с рядом институциональных препятствий. Во-первых, отсутствует унификация административных процедур на уровне субъектов РФ: критерии нуждаемости, перечень истребуемых документов и порядок их проверки варьируются, что порождает правовую неопределенность для заявителей. Во-вторых, процедура закупки жилых помещений характеризуется длительностью, обусловленной конкурсными механизмами и дефицитом предложения на локальных рынках недвижимости. В-третьих, качество предоставляемых помещений нередко не соответствует санитарным и техническим нормам — сиротам выделяются квартиры в ветхом жилом фонде либо в районах с неразвитой социальной инфраструктурой, что затрудняет их последующую социализацию.

Досудебные механизмы обжалования отказов в постановке на учёт или в предоставлении жилья, включая обращения в органы прокуратуры и вышестоящие исполнительные органы, в большинстве случаев не демонстрируют должной эффективности, так как не обеспечивают оперативного восстановления нарушенного права и не устраняют первопричины задержек. Как замечает А. В. Мелехин, режим законности в данной сфере зачастую носит декларативный характер, что подрывает доверие к институтам публичной власти. [14, с. 4–11]. Таким образом, внесудебный порядок в его нынешнем состоянии выполняет скорее функцию формальной легитимации существующей практики, перелажая бремя реальной защиты прав на самого гражданина или его законных представителей.

Закономерным следствием неэффективности административных процедур становится возрастание роли судебной формы защиты. По данным Счётной палаты, на начало 2025 года в очереди на получение жилья состояло более 180 тысяч граждан из числа детей-сирот, а количество неисполненных судебных решений превышало 24 тысячи. Анализ статистических данных свидетельствует об устойчивом росте числа исковых заявлений о понуждении органов местного самоуправления к исполнению обязанности по предоставлению жилых помещений. Судебное решение в таких случаях выступает в качестве субсидиарного юридического факта, констатирующего право на получение жилья и одновременно легитимирующего применение мер государственного принуждения. Вместе с тем, как указывает С. В. Комкова, даже при наличии положительного судебного акта реализация права сталкивается с системными проблемами, коренящимися в несовершенстве исполнительных процедур [4, с. 34–38].

Проблема исполнения судебных решений по данной категории дел имеет многомерный характер. Органы местного самоуправления в обоснование невозможности исполнения ссылаются на отсутствие свободного муниципального жилищного фонда и недостаточность вы-

деляемых субвенций. Законодательно предусмотренные компенсаторные механизмы, такие как присуждение арендатора или возмещение вреда за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, требуют инициирования дополнительных судебных производств и не направлены непосредственно на удовлетворение первичного интереса — получение конкретного жилого помещения. Деятельность органов прокуратуры, обладающих правом обращения в суд в защиту прав сирот и инициирования уголовного преследования по статье 315 УК РФ, безусловно имеет превентивное значение, однако не способна в полной мере компенсировать отсутствие оперативных механизмов реального восстановления нарушенного права. Таким образом, судебная защита в рассматриваемой сфере выполняет преимущественно правоподтверждающую, а не правовосстановительную функцию.

Ключевой детерминантой системных сбоев выступает хроническое недофинансирование переданных на муниципальный уровень государственных полномочий. Объём субвенций, выделяемых из региональных бюджетов, объективно не покрывает реальной потребности в приобретении жилья, при этом сами субъекты РФ испытывают бюджетные ограничения. Сложившийся замкнутый круг — принятие обязательств при отсутствии адекватного ресурсного обеспечения — ставит под сомнение саму возможность реализации конституционной гарантии.

Принципиальное значение для разрешения данной коллизии имеет Постановление Конституционного суда РФ от 17 июля 2025 г. № 29-П. В указанном постановлении Суд сформировал ряд правовых позиций, обладающих высокой нормативной значимостью. Во-первых, было констатировано, что обязанность государства по обеспечению жильём детей-сирот является императивной, непосредственно вытекает из статьи 40 Конституции РФ и не может быть обусловлена наличием или отсутствием бюджетных ассигнований. Во-вторых, недостаточность финансового обеспечения переданных полномочий не может рассматриваться в качестве обстоятельства, освобождающего от обязанности исполнить судебное решение. В-третьих, для применения ч. 5 ст. 24.5 КоАП РФ должна быть установлена прямая причинно-следственная связь между размером выделенных субвенций и неисполнением требований исполнительного документа, при этом сам по себе факт выделения средств, равных или превышающих расходы по конкретному исполнительному листу, не свидетельствует о достаточности финансирования без учёта всей совокупности задач в рамках переданных полномочий [10].

Конституционный Суд также акцентировал внимание на том, что ребёнок-сирота относится к наиболее уязвимой категории граждан, в отношении которой государство несёт повышенную ответственность, и отказ от исполнения обязательств по мотиву «бюджетной несбалансированности» фактически означал бы отрицание социальной функции государства [11]. Показательно, что в течение двух месяцев после провозглашения указанного

Постановления судебные органы сослались на него более 150 раз, что подтверждает как масштабность проблемы, так и востребованность сформулированных правовых позиций. [3, с.6–8]. В развитие данного подхода Президентом РФ в Перечне поручений от 30 мая 2026 г. № Пр-967 было рекомендовано Верховному Суду РФ обобщить судебную практику по делам о предоставлении сиротам выплат на приобретение жилья и о прекращении производства по делам об административных правонарушениях при невыделении бюджетных ассигнаций [13].

Вместе с тем признание безусловного характера обязательств государства не снимает объективно существующих финансовых ограничений и не отменяет необходимости поиска институциональных решений, позволяющих согласовать публично-правовые гарантии с реальными ресурсными возможностями публичной власти.

На основе приведённого анализа представляется возможным предложить ряд мер, направленных на повышение эффективности правового механизма обеспечения жильём детей-сирот.

Во-первых, целесообразно дальнейшее распределение форм реализации жилищных прав через развитие института жилищного сертификата, введённого Федеральным законом № 461-ФЗ. Действующие критерии доступа к сертификату, в частности привязка к уровню дохода заявителя за последние 12 месяцев, неоправданно сужают круг потенциальных получателей. Представляется обоснованным расширение критериев путём учёта совокупного дохода семьи (включая супруга) и получаемых социальных пособий. Одновременно необходимо ввести временный запрет на отчуждение приобретённого за счёт сертификата жилья (например, сроком на три года), что минимизирует риски мошеннических действий и будет способствовать сохранению имущественной массы. Как показывают эмпирические исследования Е. Ю. Васильевой, Е. В. Фроловой и О. В. Рогач, практика предоставления жилищных сертификатов демонстрирует такие преимущества, как сокращение сроков ожидания и расширения территориальной мобильности получателей, однако требует параллельного развития системы консультационной поддержки и мониторинга целевого использования средств. [16, с. 144–162].

Во-вторых, необходимо нормативно закрепить механизм субсидиарной ответственности публично-правовых образований за неисполнение судебных актов. Предлагается установить правило, согласно которому при неис-

полнении муниципальным образованием решения суда о предоставлении жилья в течение трёх месяцев соответствующая обязанность переходит к субъекту РФ, а при его бездействии — к Российской Федерации, с сохранением за вышестоящим бюджетом права регрессного требования к непосредственному должнику. Подобная конструкция создаст действенные стимулы к надлежащему исполнению обязательств и позволит преодолеть ситуацию, при которой неисполнение судебного акта остаётся безнаказанным.

В-третьих, необходима корректировка методики межбюджетного регулирования. Размер субвенций должен быть жёстко привязан к объективным показателям потребности — численности сирот, состоящих на учёте, и средней рыночной стоимости квадратного метра жилья в соответствующем муниципальном образовании. Кроме того, следует ввести обязательное резервирование в региональных бюджетах средств, предназначенных исключительно для исполнения вступивших в законную силу судебных решений по искам детей-сирот, что позволит устранить дисбаланс между наличием формальных обязательств и реальной возможностью их финансирования.

Организационный аспект проблемы требует создания координирующего механизма. В настоящее время вопросы обеспечения жильём сирот рассредоточены между ведомствами (строительства, образования, имущественных отношений), что порождает дублирование функций и задержки в принятии решений. Представляется оправданным учреждение при каждом региональном правительстве специализированных межведомственных комиссий, наделённых полномочиями по ведению единого реестра нуждающихся, мониторингу сохранности закреплённого жилья и оперативному разрешению спорных ситуаций.

Таким образом, проведённое исследование позволяет заключить, что проблема жильём детей-сирот вызвана не столько отдельными недоработками правоприменителей, сколько системным разрывом между закреплёнными в законе гарантиями и реальными финансовыми и организационными возможностями государства. Внесудебный порядок в его нынешнем виде остаётся малоэффективным: он не устраняет ключевые причины отказов и задержек, перекладывая основное бремя защиты на самих граждан. Судебная защита позволяет подтвердить нарушенное право, однако значительное число решений длительное время не исполняется, что снижает её реальную восстановительную ценность.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. — 1996. — № 52. — Ст. 5880.
3. Федеральный закон от 04.08.2023 № 461-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”» // СЗ РФ. — 2023. — № 32. — Ст. 6193.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2025 № 29-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2025. — № 8.
5. Перечень поручений Президента РФ от 30.05.2026 № Пр-967 // СПС «Гарант».
6. Джандубаев З. А. Проблемы реализации права на судебную защиту для лиц из числа детей-сирот при получении жилых помещений // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 2. — С. 6–8.
7. Комкова С. В. Судебная защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Современная цивилистика. — 2023. — № 2. — С. 34–38.
8. Леонченко А. П., Луконина А. А. Проблемы реализации права на жилье детей-сирот // Молодой ученый. — 2023. — № 20. — С. 549–551.
9. Мелехин А. В. О взаимосвязи административного законодательства и законности // Актуальные проблемы применения норм административного права в прокурорской деятельности. — М., 2015. — С. 4–11.
10. Неганова Е. Н. Жилищные права детей-сирот под контролем государства // ЭЖ-Юрист. — 2015. — № 23. — С. 5.
11. Якушевский К. Е. Некоторые вопросы реализации права на жилище в современной России // Молодой учёный. — 2019. — № 13. — С. 230–235.
12. Васильева Е. Ю., Фролова Е. В., Рогач О. В. Жилищный сертификат как способ решения «квартирного вопроса» детей-сирот // Мир России. — 2024. — Т. 33. — № 1. — С. 144–162.
13. Жилищное обеспечение детей-сирот: пределы бюджетного усмотрения и конституционные гарантии. Анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 17.07.2025 № 29-П // Ассоциация юристов России. — URL: <https://alrf.ru>

Взаимодействие Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации

Толпыгина Арина Игоревна, студент
Владивостокский государственный университет

Статья посвящена исследованию конституционно-правовых основ взаимодействия Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в системе публичной власти. Анализируются положения Конституции Российской Федерации, федерального конституционного законодательства и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, определяющие порядок организации и осуществления взаимодействия указанных органов государственной власти. Особое внимание уделяется кадровым, координационным, нормотворческим и контрольным механизмам взаимодействия, а также их значению для обеспечения согласованного функционирования исполнительной власти. Рассматриваются особенности реализации Президентом Российской Федерации полномочий по общему руководству Правительством и обеспечения единства системы публичной власти. Сделан вывод о том, что действующая конституционная модель взаимодействия Президента и Правительства представляет собой юридически формализованную систему, направленную на обеспечение эффективности государственного управления и реализации государственной политики.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, исполнительная власть, публичная власть, конституционное право, взаимодействие органов государственной власти, формирование Правительства, координация деятельности, нормотворчество, контроль, государственное управление, единство публичной власти.

Взаимодействие Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации образует один из ключевых узлов механизма государственной власти, поскольку именно на стыке статуса главы государства и высшего органа исполнительной власти складывается управленческий контур реализации внутренней и внешней политики. Через него конституционно закреплённые цели переводятся в систему практического государственного управления. Конституционная модель исходит из одновременного действия принципа разделения властей и требования их согласованного функционирования (ст. 10, ч. 2 ст. 80 Конституции РФ) [1]. В этой логике

Президент выполняет интегративную функцию, а Правительство остаётся центральным звеном исполнительной власти, организующим текущую управленческую деятельность на основе закона и подзаконного регулирования [4].

В доктрине российская модель нередко характеризуется как смешанная форма правления с выраженной президентской доминантой и двойным центром исполнительной власти. Такая характеристика отражает институциональную особенность: Президент не включён в систему исполнительной власти в организационном смысле, однако наделён конституционными полномочиями, позволяющими формировать Правительство, определять

рамки его деятельности и координировать работу исполнительных ветвей. После конституционных изменений 2020 года данная конструкция получила дополнительную определённую, поскольку прямо закреплено, что исполнительную власть осуществляет Правительство под общим руководством Президента Российской Федерации [1]. Тем самым, взаимодействие Президента и Правительства имеет конституционно обусловленный, а не факультативный характер: оно предопределено структурой публичной власти и реализуется через юридически оформленные процедуры и организационные механизмы, а не через политическое усмотрение сторон [1], [3].

Нормативная основа взаимодействия многоуровневая и включает конституционные, законодательные и подзаконно-регламентные компоненты. На конституционном уровне взаимодействие раскрывается последовательно через статьи 110–114 Конституции РФ: статья 110 определяет Правительство как орган, осуществляющий исполнительную власть под общим руководством Президента, и фиксирует его состав; статья 111 устанавливает процедуру утверждения Государственной Думой кандидатуры Председателя Правительства; статья 112 регулирует представление Председателем Правительства предложений о структуре федеральных органов исполнительной власти и кандидатур заместителей Председателя Правительства и федеральных министров; статья 113 закрепляет организацию работы Правительства Председателем и его ответственность перед Президентом; статья 114 раскрывает основные направления деятельности Правительства [1]. Значение формализованных правил взаимодействия усилилось после конституционных изменений 2020 года, развивших принцип единства системы публичной власти и уточнивших отдельные процедурные элементы, включая перераспределение и процессуализацию кадровых стадий формирования Правительства [3]. На уровне федерального законодательства ключевую роль играет Федеральный конституционный закон о Правительстве Российской Федерации, который конкретизирует порядок деятельности Правительства, формы его ответственности, организационные процедуры и инструменты взаимодействия с Президентом [4]. Дополнительное значение имеют регламенты и аппаратные акты, обеспечивающие операционализацию конституционных норм (порядок подготовки решений, контроль исполнения поручений, маршруты согласования), поскольку именно через них обеспечивается ежедневная воспроизводимость взаимодействия в управленческом цикле [5].

В рамках исследования взаимодействие Президента и Правительства можно определить как закреплённую в Конституции и развитую в законодательстве систему правовых и организационных связей, обеспечивающую:

1. формирование и функционирование Правительства;
2. реализацию президентских полномочий по общему руководству исполнительной властью;
3. согласование приоритетов государственной политики и механизмов их достижения;

4. ответственность Правительства за результаты государственного управления и соблюдение правовых стандартов деятельности [1].

Данная система проявляется как через юридически «жёсткие» процедуры (назначение, утверждение, отставка, отмена актов при наличии противоречий), так и через организационные формы управления (поручения, координационные совещания, контроль исполнения, стратегическое планирование, мониторинг показателей), которые поддерживают управляемость и непрерывность исполнительной власти [1], [5].

Структурно основы взаимодействия удобно раскрывать через взаимосвязанные блоки, каждый из которых отвечает за свой уровень управленческого цикла — от формирования органов до контроля итоговых результатов.

Первый блок — процедурный (кадровый): формирование Правительства и обеспечение его непрерывности. Президент вносит в Государственную Думу кандидатуру Председателя Правительства; назначение осуществляется после утверждения кандидатуры Государственной Думой (ст. 111 Конституции РФ) [1]. В течение недельного срока после назначения Председатель Правительства представляет Президенту предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти, после чего Президент утверждает её указом (ст. 112 Конституции РФ) [1]. Существенно, что конституционная модель предусматривает вовлечение парламента и в формирование персонального состава Правительства, что влияет на характер взаимодействия: Правительство формируется не только как административный центр исполнительной власти, но и как институт, легитимизируемый через парламентскую процедуру и учитывающий политико-правовую конфигурацию представительных органов [1]. Юридический смысл данной конструкции состоит в процессуальном балансе: президентская инициатива и координационная роль сочетаются с парламентской стадией утверждения, а завершение процедуры обеспечивается актом Президента как юридической формой назначения [1].

Второй блок — стратегический: президентское определение направлений политики и управленческая реализация Правительством. Президент наделён полномочиями определять основные направления внутренней и внешней политики и обеспечивать согласованное функционирование органов единой системы публичной власти [1]. Стратегические ориентиры (приоритеты развития, цели и ключевые направления государственной политики) формируются на президентском уровне и далее реализуются Правительством через государственные программы, планы, нормативные акты и управленческие решения. В этом выражается функциональное разделение уровней: Президент задаёт стратегический и координационный контур, Правительство обеспечивает административную реализацию и текущее управление в пределах собственной компетенции [1]. Такой подход позволяет рассматривать взаимодействие как «распределённое управление», где стратегическая рамка и исполнение на-

ходятся в разных институциональных сегментах, но связаны конституционными процедурами и юридическими формами актов [1].

Третий блок — институциональный: роль Председателя Правительства как связующего звена. В соответствии со ст. 113 Конституции Председатель Правительства организует работу Правительства с учётом Конституции, федеральных законов, а также указов, распоряжений и поручений Президента и несёт персональную ответственность перед Президентом за осуществление полномочий Правительства [1]. Данное положение имеет системное значение, поскольку закрепляет юридическую «вертикаль координации» в исполнительной власти: Председатель Правительства обеспечивает внутреннюю управленческую организацию кабинета и одновременно выступает ответственным субъектом реализации президентских установок в пределах правительственной компетенции. Персональная ответственность Председателя Правительства перед Президентом выступает юридическим элементом модели общего руководства исполнительной властью и одновременно механизмом управленческой дисциплины [1].

Четвёртый блок — нормативно-правовой: иерархия актов и конституционный механизм устранения противоречий. Актами Президента (указы и распоряжения) закрепляются решения организационного и стратегического характера; акты Правительства (постановления и распоряжения) обеспечивают регулирование и исполнение в пределах компетенции [1]. Конституция предусматривает, что Правительство издаёт постановления и распоряжения на основании и во исполнение Конституции, федеральных законов и актов Президента [1]. При противоречии актов Правительства Конституции, федеральным законам или актам Президента предусмотрена возможность их отмены Президентом [1]. В научном описании принципиально подчеркнуть правовую природу этого механизма: речь идёт о конституционно закреплённом способе обеспечения единства подзаконного регулирования и соблюдения принципа законности, а не о произвольном вмешательстве в сферу компетенции Правительства. Механизм отмены функционирует как «внутрисистемный» юридический фильтр, поддерживающий согласованность правового регулирования и дисциплину исполнительной власти [1].

Пятый блок — организационно-процедурный: регламентное обеспечение, согласование и контроль исполнения. Регламент Правительства и аппаратные практики взаимодействия Администрации Президента и Аппарата Правительства детализируют подготовку проектов решений, маршруты межведомственного согласования, контрольные сроки и порядок доклада о результатах исполнения поручений [5]. Организационный уровень является обязательным элементом устойчивости модели, поскольку переводит стратегические решения и правовые нормы в управленческую технологию: формулируются задачи, распределяются исполнители, устанавливаются

сроки, собирается информация о реализации, осуществляется контроль и корректировка мер. Аппаратное сопровождение обеспечивает воспроизводимость взаимодействия независимо от текущей политической конъюнктуры, поскольку опирается на стандартизированные регламентные процедуры и документооборот [5].

Шестой блок — баланс ответственности и самостоятельности: разграничение функций при сохранении координации. Правительство является самостоятельным субъектом исполнительной власти и реализует конституционно закреплённые функции (в том числе бюджетную, финансово-экономическую и отраслевую политику, управление федеральной собственностью и иные полномочия) [1]. Одновременно Президент обладает полномочиями, позволяющими поддерживать устойчивость исполнительной власти и предотвращать управленческие кризисы, включая кадровые решения и контрольные инструменты [1]. В результате взаимодействие строится как баланс: координация и общее руководство не устранили самостоятельность Правительства, а самостоятельность Правительства не исключает президентской интегративной роли в обеспечении согласованности публичной власти [1].

Для понимания современной конструкции необходимо конкретизировать содержание категории «общее руководство Правительством». В доктрине её обычно связывают с координирующей ролью Президента в исполнительной сфере: кадровыми полномочиями, определением приоритетов и контролем соответствия деятельности Правительства Конституции и федеральным законам [1]. Однако такое руководство не даёт оснований замещать Правительство в решении текущих управленческих вопросов. Повседневное управление относится к собственной компетенции кабинета, тогда как глава государства задаёт направление и обеспечивает конституционную согласованность действий. Лишь такое понимание позволяет провести рабочую границу между координацией и непосредственным осуществлением исполнительной власти.

Федеральный конституционный закон о Правительстве Российской Федерации развивает конституционные положения не абстрактно, а через конкретные процедурные узлы взаимодействия. Так, статья 7 регулирует назначение на должность Председателя Правительства, статья 9 — назначение заместителей Председателя Правительства, статья 24 закрепляет полномочия Правительства в области обеспечения обороны страны и безопасности государства, а статья 32 — деятельность Президиума Правительства как организационного механизма оперативного принятия решений [4]. В совокупности эти нормы показывают, что федеральный конституционный закон не просто упоминает Правительство, а задаёт конкретные кадровые, предметные и организационные параметры его взаимодействия с Президентом. Регламент Правительства, в свою очередь, переводит эти положения в повседневную процедуру согласования, подготовки и исполнения решений [17].

Отдельное значение имеет разграничение сфер прямого и опосредованного руководства деятельностью федеральных органов исполнительной власти. В действующей модели структуры федеральных органов исполнительной власти выделяются органы, руководство которыми осуществляет Президент, и органы, руководство которыми осуществляет Правительство. Такое разграничение отражает распределение зон приоритетного президентского контроля и зон правительственного управления: при сохранении ведущей роли Правительства в социально-экономическом блоке Президент обладает особыми полномочиями в сферах, требующих непосредственной координации главы государства (оборона, безопасность, внешнеполитические направления и др.) [6]. Юридически этот элемент важен тем, что через структуру исполнительной власти фиксируются линии ответственности и маршруты управленческих решений, что влияет на порядок исполнения поручений, согласование актов и распределение компетенции внутри исполнительной вертикали.

Взаимодействие опосредуется и механизмами парламентской ответственности Правительства. Конституция предусматривает выражение Государственной Думой недоверия Правительству и постановку Председателем Правительства вопроса о доверии; при этом окончательное решение в указанных ситуациях принимает Президент [2]. Данная конструкция демонстрирует сочетание парламентского и президентского контроля и направлена на предотвращение частых правительственных кризисов: парламентские процедуры обеспечивают политико-правовую ответственность и обратную связь, а президентская компетенция финализировать решение обеспечивает управленческую устойчивость и непрерывность исполнительной власти [2]. Вместе с тем именно на этом участке проявляются и проблемные зоны: неодинаковая процессуальная насыщенность стадий доверия и недоверия, различная степень регламентной детализации последующих действий и зависимость итогового решения от комплексной политико-правовой оценки Президента.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ уточняют содержание конституционных процедур и пределы усмотрения участников взаимодействия. В постановлении от 11.12.1998 № 28-П КС РФ разъяснил порядок и сроки взаимодействия Президента и Государственной Думы при назначении Председателя Правительства, подчеркнув значение гарантий устойчивости государственного управления. В постановлении от 27.01.1999 № 2-П Суд истолковал понятие «структура федеральных органов исполнительной власти» и подтвердил модель, при которой Председатель Правительства вносит предложения по структуре, а Президент утверждает её, обеспечивая единство исполнительной власти. Тем самым конституционно-судебное толкование снижает риск произвольного применения конституционных формул и укрепляет юридическую определённость взаимодействия.

В совокупности отношения Президента и Правительства образуют нормативно и организационно оформ-

ленный каркас управления: Конституция задаёт исходные рамки, федеральное конституционное законодательство раскрывает процедуры, а регламентные и аппаратные механизмы обеспечивают их реальное исполнение. Проведённый анализ показывает, что наиболее уязвимыми остаются четыре участка: неопределённость содержания общего руководства, отсутствие единых требований к материалам и срокам отдельных кадровых стадий, риск дублирования актов и поручений, а также слабая формализация последующего контроля исполнения. Эти проблемы требуют не изменения конституционной модели, а более точной настройки действующих процедур.

Для раскрытия взаимодействия Президента РФ и Правительства РФ целесообразно выделить устойчивые формы и механизмы, которые воспроизводятся вне зависимости от текущей политической ситуации и позволяют согласовывать решения на уровне высшей исполнительной власти. Деление на кадровый, координационный, нормотворческий и контрольный блоки даёт возможность увидеть не только перечень полномочий, но и внутреннюю логику их соединения, а также пределы допустимого президентского воздействия [7].

Под формами взаимодействия в доктрине обычно понимаются внешне выраженные способы совместной реализации полномочий (участие в формировании Правительства, председательствование на заседаниях, принятие взаимосвязанных актов). Механизмы взаимодействия имеют процедурный характер и представляют собой юридически закреплённые алгоритмы действий, сроки, условия принятия решений и правовые последствия (порядок внесения кандидатур и назначения, последствия трёхкратного отклонения, отмена актов Правительства при наличии установленного основания). В совокупности формы и механизмы демонстрируют, как обеспечивается единство публичного управления при сохранении самостоятельной компетенции Правительства как высшего органа исполнительной власти [8].

Современная конституционная модель исходит из того, что Правительство осуществляет исполнительную власть под общим руководством Президента РФ (ч. 1 ст. 110 Конституции РФ) [1]. Президент также вправе осуществлять общее руководство Правительством и председательствовать на его заседаниях, что придаёт взаимодействию устойчивый организационно-координационный характер. На практике значимая часть решений в исполнительной системе проходит стадию президентского согласования, однако пределы такого согласования определяются Конституцией и федеральными законами и не должны вести к подмене правительственной компетенции в сферах, отнесённых к ведению Правительства [1].

Кадровые механизмы образуют основу взаимодействия, поскольку именно через формирование Правительства согласуются политический курс и управленческие приоритеты. Президент назначает Председателя Правительства после утверждения кандидатуры Государственной Думой; инициатива принадлежит Президенту,

а легитимирующая стадия выражена в парламентском утверждении. Конституционно закреплены и сроки: внесение представления осуществляется в установленные моменты (после вступления Президента в должность, после отставки Правительства либо после отклонения кандидатуры), а Государственная Дума рассматривает кандидатуру в недельный срок [1].

Ключевое значение имеет механизм преодоления институционального конфликта: при трёхкратном отклонении кандидатур Председателя Правительства Государственной Думой Президент назначает Председателя Правительства; одновременно Конституция предоставляет Президенту право распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. Конструкция предотвращает управленческий вакуум и стимулирует поиск компромиссной кандидатуры, поскольку трёхкратное отклонение влечёт юридические последствия, затрагивающие статус парламента.

После назначения Председателя Правительства формируется персональный состав Правительства. Существенно различать: заместителей Председателя Правительства и федеральных министров общего порядка и особую группу министров, относящихся к сферам обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предупреждения и ликвидации ЧС и общественной безопасности, назначаемых по специальной процедуре [9]. По общему правилу Председатель Правительства представляет Государственной Думе кандидатуры заместителей и министров (кроме особой группы), Дума принимает решение в недельный срок, после чего Президент назначает утверждённых лиц и не вправе отказать в назначении при наличии парламентского утверждения [1]. Это фиксирует баланс: системообразующая роль Президента сохраняется, но по определённому кругу должностей действует связанная компетенция.

Для предотвращения кадровой блокировки предусмотрены дополнительные последствия: при трёхкратном отклонении кандидатур заместителей Председателя Правительства и министров Президент вправе назначить их из числа кандидатур, представленных Председателем Правительства; если после трёхкратного отклонения более одной трети должностей остаются вакантными, Президент вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. Для особой группы министров действует порядок назначения Президентом после консультаций с Советом Федерации, что сочетает усиленную ответственность в чувствительных сферах с процедурным участием палаты регионов [10].

Отдельный кадрово-организационный механизм связан со структурой федеральных органов исполнительной власти: Президент утверждает по предложению Председателя Правительства структуру, вносит изменения и определяет, какими органами руководит Президент и какими — Правительство. Взаимодействие проявляется как распределение линий подчинения, влияющее на маршрутизацию решений, подготовку актов и контроль исполнения.

Кадровый цикл завершается механизмами прекращения полномочий и обеспечения преемственности: Президент принимает решение об отставке Правительства либо принимает (или отклоняет) отставку, заявленную самим Правительством; отставки членов Правительства также принимаются или отклоняются Президентом. В целях непрерывности управления Правительство по поручению Президента продолжает действовать до формирования нового Правительства; допускается временное исполнение обязанностей до назначения. В целом кадровые механизмы обеспечивают юридически определённый порядок формирования руководства исполнительной власти, баланс инициативы и парламентского участия, предотвращение блокировок и непрерывность управления [11].

Проблемным аспектом кадрового блока остаётся риск процедурной конфликтности на стадиях утверждения и консультаций при отсутствии единых критериев оценки кандидатур. Минимизация риска возможна через регламентацию требований к представлению кандидатур, унификацию пакета документов и повышение прозрачности мотивировки решений в пределах конституционно допустимых форм [1], [12].

Координационные механизмы действуют постоянно и связывают стратегические установки с текущим управлением. Их конституционное ядро составляют общее руководство Правительством со стороны Президента и право главы государства председательствовать на заседаниях Правительства. Это означает, что Президент включён в исполнительную сферу не как внешний наблюдатель, а как субъект, определяющий приоритеты и обеспечивающий согласованность ключевых управленческих решений.

Центральный инструмент координации — поручения и управленческие установки Президента, адресуемые Правительству и федеральным органам исполнительной власти. Конституция связывает деятельность Правительства с исполнением не только законов и указов, но и распоряжений и поручений Президента. Поручения выступают юридически значимым каналом постановки задач: как правило, они адресны, ориентированы на результат, включают сроки и ответственных и служат связующим звеном между стратегическими установками и текущим администрированием.

Статус Председателя Правительства закрепляет вертикаль координации: он организует работу Правительства в соответствии с актами и поручениями Президента и несёт персональную ответственность перед Президентом за осуществление полномочий Правительства [1]. На этой основе формируются типовые управленческие формы координации: регулярные рабочие взаимодействия, рассмотрение отчётов о реализации приоритетов, корректировка планов и распределение задач между членами Правительства.

Координация также обеспечивается организационными форматами согласования стратегических ори-

ентиров, включая институт Государственного Совета, результаты работы которого транслируются в правительственные программы, планы и решения [13]. Дополнительный координационный эффект создаёт распределение органов исполнительной власти по линиям руководства Президента и Правительства: оно определяет маршрутизацию поручений, порядок согласования и степень автономности органов в пределах исполнительной системы [14]. В результате координационные механизмы обеспечивают постановку целей, трансляцию стратегических ориентиров в текущую деятельность, согласование действий ведомств и управленческую дисциплину через персональную ответственность Председателя Правительства [15].

Риск координационного блока связан с размыванием границ ответственности при активном использовании поручений и стратегических установок. Поэтому требуется процедурная фиксация контуров ответственности и мониторинга исполнения (кто ставит задачу, кто принимает решение, кто отвечает за результат), чтобы координация не подменяла ответственность [16], [1].

Нормотворческие механизмы основаны на том, что Президент и Правительство издают акты, регулирующие исполнительную деятельность и обеспечивающие реализацию законов и конституционных установлений. Указы и распоряжения Президента занимают место ниже Конституции и федеральных законов и выполняют функцию конкретизации направлений политики и организации исполнительной власти [1]. Постановления и распоряжения Правительства издаются на основании и во исполнение Конституции, федеральных законов, а также актов и поручений Президента, что юридически связывает правительственное нормотворчество с президентскими установлениями.

Конституция закрепляет обязательность актов Правительства на территории РФ и одновременно механизм устранения коллизий: при противоречии Конституции, федеральным законам и актам Президента постановления и распоряжения Правительства могут быть отменены Президентом. Данный инструмент следует квалифицировать как конституционно установленный способ устранения юридического противоречия, а не как произвольное вмешательство по мотивам целесообразности [1].

Нормотворческий контур представляет собой двухуровневую конструкцию. Президент задаёт стратегическую и организационную рамку, в том числе через определение приоритетов и структуры исполнительной власти, а Правительство переводит эти ориентиры в конкретные нормативные и организационные решения: планы мероприятий, распределение задач, ресурсное обеспечение. В такой системе особенно возрастает значение правовой экспертизы и межведомственного согласования. Ошибки юридико-технического характера здесь опасны не только сами по себе, но и потому, что способны породить коллизии и повлечь отмену правительственного акта в установленном порядке. Поручения Президента при этом вы-

ступают не фоновым сопровождением, а юридическим основанием для запуска соответствующих мер [1].

Проблематика нормотворческого взаимодействия концентрируется вокруг рисков коллизий и конкуренции актов при недостаточно ясном разграничении предметов регулирования, а также вокруг качества внутриведомственных процедур согласования. Практически значимы единые стандарты юридико-технической экспертизы, раннее согласование и мониторинг правоприменения для обеспечения предсказуемости и исполнимости регулирования.

Контрольные механизмы завершают систему взаимодействия, обеспечивая исполнение решений и юридические последствия при ненадлежащем осуществлении полномочий. Президентский контроль в отношении Правительства выражается в организационном контроле (общее руководство и председательствование на заседаниях), нормативном контроле (отмена актов Правительства при противоречии Конституции, законам и актам Президента) и кадрово-правовом контроле (решения об отставке Правительства и принятие либо отклонение отставок членов Правительства) [1].

Организационный контроль встроен в текущую деятельность Правительства и наиболее эффективен как превентивный инструмент, позволяющий выявлять риски несогласованности до принятия управленческого решения. Нормативный контроль имеет строго очерченные пределы: основанием служит юридическое противоречие, а функция механизма — оперативное устранение правовой неопределённости в подзаконном регулировании; он не заменяет судебные формы защиты права, но действует как самостоятельный конституционный инструмент внутри исполнительной системы. Кадрово-правовой контроль реализуется через институт отставки и сопровождается гарантией непрерывности управления: в случае отставки Правительство по поручению Президента продолжает действовать до формирования нового состава [1].

Ответственность в системе взаимодействия носит институциональный и персональный характер: Правительство может быть отправлено в отставку Президентом, Председатель Правительства несёт персональную ответственность перед Президентом, а возможность принятия или отклонения отставок членов Правительства формирует юридическую рамку персональной ответственности. Контроль и ответственность дополняются парламентскими механизмами (вотум недоверия, вопрос о доверии), которые опосредованно влияют на решения Президента об отставке Правительства либо о роспуске Государственной Думы в предусмотренных случаях, что подчёркивает роль Президента как субъекта окончательного решения в ситуации политико-правового конфликта.

Проблема контрольного блока состоит в необходимости соблюдения баланса: контроль должен обеспечивать законность и исполнимость решений, но не подменять самостоятельную компетенцию и ответственность Правительства в сфере текущего управления; это тре-

бует обоснованности и соразмерности мер реагирования в пределах конституционных полномочий [2], [1].

Следовательно, взаимодействие Президента РФ и Правительства РФ складывается из связанных между собой кадровых, координационных, нормотворческих и контрольных механизмов. Через кадровые процедуры формируется состав Правительства и предотвращаются институциональные блокировки. Координационные ин-

струменты соединяют стратегические ориентиры главы государства с текущей деятельностью кабинета. Нормотворческое взаимодействие создаёт правовую основу реализации государственной политики и позволяет устранять коллизии в подзаконном регулировании. Контрольные средства и институт ответственности обеспечивают исполнение принятых решений и непрерывность управления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм., одобр. на общероссийском голосовании 1 июля 2020 г.). — Текст: электронный.
2. О парламентском контроле: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201305070004> (дата обращения: 10.02.2026).
3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003140001>
4. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060001> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. В. Лазарева. — Москва: Юстицинформ, 2020.
6. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 21. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001210023>
7. Кобзарь-Фролова М. Н. Правительство Российской Федерации в системе органов публичной власти: политико-правовые связи Правительства // Правовая политика и правовая жизнь. — 2021. — № 2. — С. 117–126.
8. Ким Ю. В. Конституционная модель публично-властной организации в современной России // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 6. — С. 25–34.
9. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?backlink=1&docbody=&nd=102085677&rdk=&showsearch=1&vkart=card>
10. Дзидзоев, Р. М. Президент РФ и Правительство РФ: новые грани взаимоотношений // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 5. — С. 43–54. — DOI: 10.12737/jrl.2021.059.
11. Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 4. — С. 5–17. — DOI: 10.12737/jrl.2021.042.
12. Чиркин, В. Е. О части 1 статьи 105 Конституции России и аналогичных формулировках зарубежных конституций // Журнал российского права. — 2017. — № 11. — С. 5–14.
13. Марино, И. Нулевые толкования Конституции: опыт России (часть первая) // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 7. — С. 32–47. — DOI: 10.12737/jrl.2022.071.
14. Абрамова, А. И. Стратегия правотворчества в условиях конвергенции социальных и технологических инноваций // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 10. — С. 18–32. — DOI: 10.12737/jrl.2022.102.
15. Власенко Н. А. Методологические проблемы современной теории права // Журнал российского права. — 2019. — № 4. — С. 5–19. — DOI: 10.12737/art_2019_4_1.
16. Замотаева Е. К. Конституционно-правовые процедуры // Российское право: нормы и практика. — 2013. — № 3. — С. 64–77. — Текст: электронный. — URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/guxk22ckgd/111063852.pdf>
17. О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № 260. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102087083>

Обеспечение законности в досудебном производстве: роль прокурора в устранении следственных ошибок

Украинская Юлия Викторовна, студент
Волгоградский государственный университет

Автор статьи анализирует правовой статус прокурора, установленный ст. 37 УПК РФ, и приходит к выводу о двойственной механизме его функций (надзор и уголовное преследование).

Ключевые слова: прокурор, следственные ошибки, досудебное производство.

В современном мире проблема о проведении качественного и должного предварительного расследования неизменно остается одной из самых актуальных тем в юридической науке и практике. Для обеспечения законности и обоснованности итогового судебного решения необходимо объективно и в полной мере установить обстоятельства рассматриваемого уголовного дела, что в последующем станет гарантией того, что конституционные права граждан не были нарушены, а наоборот реализованы в полном объеме.

На сегодняшний день в правовом сообществе справедливо отмечается, что свести количество следственных ошибок вовсе к нулю не представляется возможным, однако обязанности государства стремиться к их минимизации все равно остаются [1, с. 56]. Отсутствие четкого юридического термина «следственная ошибка» в УПК РФ не снижает его значимости как сложного, многогранного явления, препятствующего достижению целей уголовного судопроизводства [2, с. 10]. В широком смысле, следственная ошибка — непреднамеренное нарушение следователем (дознавателем) норм процессуального права, выразившееся в ненадлежащем выполнении или невыполнении процессуальных обязанностей, повлекшее за собой односторонность и незаконность проведенного расследования. [3, с. 187].

Сложность феномена следственных ошибок обуславливает множество подходов к их классификации. В рамках наиболее полной и применимой к задачам прокурорского надзора классификации ошибки подразделяются: по субъектам (дознаватель, следователь); по этапу расследования (на стадии возбуждения и в ходе следствия); по юридической природе (материально-правовые и процессуально-правовые); по степени влияния на результат (существенные и несущественные); по целям (ошибки при сборе, проверке и оценке доказательств) [4, с. 25–30]. Такая систематизация позволяет прокурору более точно определять характер нарушения и выбирать наиболее эффективный механизм реагирования.

Эффективность прокурорского надзора напрямую зависит от полноты его полномочий. В области юриспруденции ученые обоснованно отмечают парадокс современного уголовно-процессуального регулирования, где прокурор ограничен в надзорных функциях по сложным делам, подследственным следователям, но обладает широкими полномочиями по руководству дознанием по делам

небольшой тяжести [5, с. 63]. В этой связи высказываются справедливые предложения о возвращении прокурору утраченных полномочий: например, права продлевать сроки предварительного расследования с изучением всех материалов дела или участвовать в предъявлении обвинения по резонансным делам [5, с. 71]. Ученные отмечают, что такое усиление роли прокурора будет работать наиболее эффективно, именно такая модель прокурорского надзора, включающая процессуальное руководство, способна обеспечить своевременное выявление, предотвращение и устранение следственных ошибок [5, с. 9–10].

Однако не все согласны с таким мнением, другие ученые предполагают, что действующий порядок, при котором требования прокурора не являются обязательными для следователя, рассматривается как гарантия процессуальной самостоятельности следственных органов и защита от злоупотреблений полномочиями. Право следователя не согласиться с требованием прокурора служит важным противовесом, препятствующим принятию поспешных и недостаточно взвешенных процессуальных решений [7, с. 118].

Между тем, механизм устранения следственных ошибок не может быть сведен лишь к прокурорскому надзору. Он представляет собой сложную систему, включающую ведомственный контроль, судебный контроль (в том числе в порядке ст. 125 УПК РФ) и институт допустимости доказательств [3, с. 321; 8]. В комплексе эти механизмы призваны обеспечить баланс между необходимостью эффективного раскрытия преступлений и к гарантированному обеспечению прав и свобод граждан. проблема безопасности участников уголовного судопроизводства в данном случае заслуживает более пристального внимания. Е. С. Азарова справедливо утверждает, что «из-за несовершенства механизма уголовно-процессуального обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, «действующее законодательство (уголовное, оперативно-розыскное, Федеральный закон — «О судопроизводства государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») не может реально и в полном объеме быть реализовано для защиты указанных лиц. В сложившейся ситуации многие участники уголовного процесса нередко пытаются уклониться от выполнения своего гражданского долга, не желают сотрудничать с правоохранительными органами в целях оказания помощи в рас-

крытии преступлений». Этот тезис напрямую указывает на проблематику в области следственных ошибок. Неэффективная защита свидетелей и потерпевших может стать одной из субъективных причин неполноты расследования, когда ключевые участники процесса, опасаясь за свою безопасность, отказываются от дачи показаний или изменяют их. В результате доказательственная база оказывается недостаточной, а следствие — односторонним.

Таким образом, роль прокурора в преодолении следственных ошибок не ограничивается только проверкой обвинительных заключений и отменой незаконных по-

становлений. Она должна включать и активную деятельность по обеспечению прав и законных интересов участников процесса, в том числе, путем внесения представлений об устранении нарушений закона, способствующих созданию условий для безопасности участников. Совершенствование правового статуса прокурора и механизмов его взаимодействия со следственными органами, а также устранение пробелов в законодательстве о государственной защите, остаются ключевыми направлениями повышения качества и законности проведения досудебного производства.

Литература:

1. Цветков Ю. А. О феномене следственной ошибки // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3. С. 56–61.
2. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дисс.... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. 397 с.
3. Захарова, В. О. Типичные ошибки, допускаемые следователями при производстве следственного эксперимента / В. О. Захарова // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 1. — С. 187–194.
4. Власов В. И. Проблемы качества расследования преступлений и пути их решения: автореф. доктора юрид. наук. Харьков, 1991. С.25–30.
5. Назаров А. Д., Шагинян А. С. Роль прокурора в устранении следственных ошибок // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 62–67.
6. Дикарев И. С. Требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства: процессуальное значение их необязательности для следственного органа // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 118–121.

Понятие и значение единой системы публичной власти в Российской Федерации

Фадеев Игорь Дмитриевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Понятие единой системы публичной власти в Российской Федерации отражает новый подход к организации властных институтов, предполагающий их функциональное единство и согласованное взаимодействие при сохранении конституционной самостоятельности отдельных уровней управления. Значение данной системы заключается в выстраивании сбалансированной модели распределения полномочий с учетом территориальных и социальноэкономических особенностей субъектов Федерации и муниципальных образований. При этом в рамках реализации Федерального закона № 33ФЗ сохраняется проблема правовой неопределенности при разграничении полномочий между органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, обусловленная рамочным характером федерального регулирования и широкой дискрецией регионов.

Ключевые слова: единая система публичной власти, разграничение полномочий, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, правовая неопределенность, критерии перераспределения полномочий.

Значение единой системы публичной власти сложно переоценить. На современном этапе развития Российской Федерации оно состоит в обеспечении целостности государственного управления, согласованности действий органов разных уровней при реализации публичных функций и достижении баланса между централизованным регулированием и учетом региональных и местных особенностей, что в совокупности способствует устойчивому социальноэкономическому развитию территорий и эффективной защите прав и законных интересов граждан. Такая система призвана преодолеть фрагментарность управленческого воздействия,

возникающую при изолированном функционировании отдельных властных звеньев, и сформировать единый контур ответственности перед обществом. Ее институциональная логика опирается на конституционные принципы единства публичной власти и разграничения предметов ведения, позволяя сочетать общегосударственные приоритеты с локальными потребностями. В этом контексте осмысление правовых и организационных механизмов взаимодействия уровней власти приобретает особую теоретическую и практическую значимость, задавая вектор дальнейших исследований в сфере публичного управления.

Традиционно дефиниция публичной власти в конституционноправовой науке раскрывается как способность легитимно воздействовать на общественные отношения для реализации общегосударственных и местных интересов — при этом в доктрине сложились разноаспектные трактовки данного феномена. Согласно позиции Е. И. Козловой и О. Е. Кутафина, публичная власть осмысливается через призму народного суверенитета и разграничения уровней управления, что позволяет увязать ее институциональные проявления с реализацией воли народа [7, с. 22].

С. А. Авакьян акцентирует функциональный аспект: для него публичная власть — это единство властных институтов при сохранении их организационной автономии, обеспечивающее согласованность решений на разных уровнях [5, с. 34]. Н. В. Витрук, в свою очередь, делает упор на ответственность власти перед обществом и ее подконтрольность гражданскому контролю, трактуя публичную власть как форму реализации суверенитета народа, предполагающую не только правомочия, но и обязанности субъектов власти [6, с. 115].

Базовые конституционные ориентиры, задающие рамки этих доктринальных построений, закреплены в ст. 3 и ст. 12 Конституции РФ [1], где народ определен как единственный источник власти, а местное самоуправление — как самостоятельный в пределах своих полномочий уровень публичной власти.

Соотношение понятий «государственная власть», «муниципальная власть» и «публичная власть» выстраивается по логике родовидовых связей: публичная власть выступает родовым понятием, охватывающим оба названных вида власти как свои институциональные проявления. Государственная власть, реализуемая на федеральном и региональном уровнях, обладает суверенитетом, монополией на правотворчество в закрепленных сферах и возможностью применения мер принуждения (ст. 10, 11 Конституции РФ); муниципальная власть ориентирована на решение вопросов местного значения и осуществляется населением непосредственно либо через выборные органы (ст. 130–133 Конституции РФ). Правовое наполнение этих конституционных положений конкретизировано в отраслевом законодательстве. Так, например, ранее статус местного самоуправления был детализирован в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ [2], а в дальнейшем, в Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ [4] «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ [3]. Таким образом, единство публичной власти не нивелирует самостоятельность ее уровней, а предполагает их взаимодействие в рамках разграниченных полномочий и общих конституционных целей.

Значение единой системы публичной власти в Российской Федерации выходит за рамки простой координации действий органов управления разных уровней и отражает фундаментальный принцип организации россий-

ского государства: обеспечение целостности публичного пространства при учете многообразия территориальных, экономических и социокультурных условий отдельных регионов и муниципалитетов. Она выступает механизмом синхронизации стратегических целей федерального уровня с практическими задачами субъектов Федерации и местного самоуправления, позволяя достигать согласованности в реализации общенациональных приоритетов — от исполнения социальных обязательств до реагирования на чрезвычайные ситуации. Важной функцией системы становится преодоление изолированности управленческих решений и устранение разрывов в предоставлении публичных услуг, что достигается через четкое разграничение полномочий, выстраивание устойчивых каналов межведомственного взаимодействия и формирование единых стандартов правоприменения. При этом система сохраняет баланс между централизованным управлением и самостоятельностью территориальных уровней, гарантируя учет местных интересов и обеспечивая подотчетность власти обществу; в конечном счете ее эффективность напрямую определяет степень доверия граждан к институтам государства и устойчивость социальноэкономического развития страны.

Между тем, функционирование публичной власти, ввиду последних правовых преобразований сопряжено с рядом проблем. В данном контексте видится целесообразным заострить внимание на проблеме правовой неопределенности при разграничении полномочий между органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления.

В частности, в рамках реализации Федерального закона № 33-ФЗ данная проблема правовой неопределенности при разграничении полномочий между органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления обусловлена сочетанием рамочного характера федерального регулирования и значительной дискреции, предоставленной субъектам Федерации. Поскольку закон не закрепляет исчерпывающих критериев для перераспределения полномочий, а лишь очерчивает их возможный перечень, субъекты самостоятельно определяют, какие из полномочий целесообразно передать на региональный уровень, а какие — оставить за муниципалитетами. На практике подобная свобода правотворчества приводит к формированию неоднородной нормативной базы: в одних субъектах содержание автомобильных дорог местного значения остается в компетенции органов местного самоуправления, в других — перераспределяется на региональный уровень; аналогично решается вопрос организации транспортного обслуживания населения — в ряде регионов эти функции выполняют муниципальные структуры, тогда как в иных субъектах управление пассажирскими перевозками сосредоточено в ведении региональных органов власти. Такая вариативность порождает правовые коллизии: региональные законы нередко поразному трактуют границы компетенции, используя неединообразную терминологию

и устанавливая несовпадающие объемы обязанностей, что создает риски дублирования функций либо, напротив, появления «белых пятен», когда отдельные вопросы фактически остаются вне зоны ответственности какого-либо уровня власти. Следствием этого становятся споры между органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе в судебной плоскости, а также ситуации, при которых реализация прав граждан оказывается зависимой от территориального фактора: например, сроки и качество ремонта дорожной инфраструктуры или доступность транспортных услуг могут существенно различаться даже в соседних муниципальных образованиях, относящихся к одному субъекту.

Дополнительную сложность создает незавершенность переходного периода реформы: субъекты продолжают активно принимать собственные нормативные акты, уточняющие распределение полномочий, однако отсутствие на федеральном уровне единых методических рекомендаций, типовых моделей перераспределения и четких критериев отнесения тех или иных вопросов к компетенции конкретного уровня власти не позволяет обеспечить единообразие правоприменительной практики. В результате правовая неопределенность сохраняется не только на стадии нормотворчества, но и при непосредственной реализации полномочий, затрудняя планирование муниципальной деятельности, распределение бюджетных средств и контроль за исполнением публичных обязательств.

Полагаем, что преодолению исследуемой проблемы будет содействовать нормативно-правовое уточнение критериев перераспределения полномочий в рамках Федерального закона № 33ФЗ. Целесообразно дополнить ст. 6 указанного закона новой частью 1.1, закрепляющей обязательные критерии принятия решений о перераспреде-

лении полномочий: технологическую связанность объекта либо процесса, бюджетную обеспеченность муниципального образования, наличие у соответствующего уровня власти необходимых специализированных компетенций. Одновременно следует установить требование о представлении положительного заключения финансово-экономической экспертизы, оценивающей влияние перераспределения на местные бюджеты и качество предоставления публичных услуг; порядок проведения такой экспертизы целесообразно закрепить актом Правительства РФ. Подобное нормативное уточнение позволит ограничить субъективность региональных решений, сформировать единообразную правоприменительную практику и обеспечить сбалансированное распределение полномочий с учетом финансовых и организационных возможностей муниципальных образований.

Таким образом, единая система публичной власти в Российской Федерации выступает основополагающим механизмом обеспечения целостности государственного управления и согласованного взаимодействия органов разных уровней при сохранении их конституционной самостоятельности; ее значение проявляется в синхронизации общенациональных приоритетов с локальными задачами и в создании условий для устойчивого социально-экономического развития территорий, однако реализация этих целей сдерживается правовой неопределенностью при разграничении полномочий, порожденной рамочным регулированием и широкой дискрецией субъектов РФ, — преодолеть данный недостаток способно закрепление в ст. 6 Федерального закона № 33ФЗ четких критериев перераспределения полномочий и обязательного порядка финансово-экономической экспертизы соответствующих решений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.03.2014. № 9. Ст.851
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.
4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.03.2025. № 12. Ст.1200.
5. Авакьян С. А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 7–13.
6. Витрук, Н.В. (1937–2012). Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина и практика): избранные труды (1991–2012 гг.) / Н. В. Витрук. — Москва: Норма, 2012. — 687 с.
7. Козлова, Екатерина Ивановна. Конституционное право России: учеб. для студ. вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция» / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2010. — 608 с.

Преступность в исключительной экономической зоне

Федченко Дмитрий Евгеньевич, студент;

Борец Артур Евгеньевич, студент

Научный руководитель: Хомик Элла Владимировна, старший преподаватель

Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток)

В статье анализируются общественно опасные деяния, совершаемые в исключительной экономической зоне. Данный район представляет собой особое морское пространство с ограниченной юрисдикцией прибрежного государства. Подчеркивается, что высокая латентность данных преступлений обусловлена удаленностью акватории.

Ключевые слова: исключительная экономическая зона, незаконный промысел, юрисдикция, браконьерство, контрабанда

Crime in the Exclusive Economic Zone

Fedchenko Dmitry Yevgenyevich, student;

Borets Artur Yevgenyevich, student

Scientific advisor: Khomik Ella Vladimirovna, senior lecturer

Maritime State University named after Admiral GI Nevelskoy (Vladivostok)

The article analyzes socially dangerous acts committed in the exclusive economic zone. This area is a special maritime space with limited jurisdiction of the coastal state. It is emphasized that the high latency of these crimes is due to the remoteness of the water area.

Keywords: exclusive economic zone, illegal fishing, jurisdiction, poaching, smuggling

Актуальность проблемы преступности в исключительной экономической зоне обусловлена несколькими факторами: ростом экономической активности в Мировом океане, транснациональным характером и латентностью преступлений, проблемами и коллизиями международного и национального права, появлением новых видов угроз, недостаточностью правового регулирования в национальном законодательстве, практической потребностью правоохранительных органов.

Исключительная экономическая зона (ИЭЗ) является главным источником биоресурсов, минерального сырья и углеводородов. Интенсификация судоходства и добычи значительно влияет на увеличение числа правонарушений, начиная от незаконного промысла, заканчивая загрязнением.

Специфика правового режима в ИЭЗ основывается на взаимодействии прав прибрежного государства и прав других государств в данном морском пространстве. Например, в случае предоставления суверенных прав на живые ресурсы в ИЭЗ UNCLOS [1] обязывает прибрежное государство определять свои возможности их промысла. Если же у государства нет возможности вылова всего общедоступного улова, то оно путем соглашения должно предоставить другим государствам доступ к остаткам допустимого улова [4, с. 2].

Большинство незаконных деяний в ИЭЗ, таких как сброс отходов, контрабанда, браконьерство совершаются в удаленных акваториях, то есть в местах с затрудненным контролем, а это, в свою очередь, делает преступность высоколатентной, в результате чего раскрывается малая часть эпизодов.

ИЭЗ имеет особый правовой режим по UNCLOS, где сказано, что прибрежное государство обладает суверен-

ными правами, но не полной юрисдикцией. В связи с этим возникает несколько встречных вопросов: «Как квалифицировать действия иностранного судна? Как проводить расследование? Как взаимодействовать с флагом государства судна-нарушителя?»

Кроме традиционного браконьерства, в некоторых регионах ИЭЗ появляются новые виды угроз, среди которых выделяются: морское пиратство; незаконный оборот оружия и наркотиков путем использования транзитных маршрутов через ИЭЗ; преднамеренное загрязнение, которое в большинстве случаев проблематично доказать дистанционно, например, сброс нефтесодержащих вод.

Большинство стран, в том числе и Российская Федерация до сих пор не воплотили в полном объеме нормы международного права в свои УК, КоАП и профильные законы. Помимо этого, отсутствует единая практика определения подсудственности, не определены четкие регламенты использования дистанционных средств контроля.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать тот факт, что актуальность выбранной темы действительно высока, поскольку она располагается на стыке международного морского, уголовного и экологического права. Комплексное исследование в ИЭЗ с разработкой конкретных предложений по стандартизации законодательства и тактике раскрытия преступлений будет новым и востребованным и для науки, и для правоприменения.

В Конвенции ООН по морскому праву 1982 года [1, с. 54] сказано, что исключительной экономической зоной является район за пределами территориального моря, который попадает под особый правовой режим, права и свободы прибрежных и иных государств также регулируются данной конвенцией. Однако для правильной

квалификации преступлений необходимо понимать, что исключительная экономическая зона не является государственной территорией Российской Федерации. Согласно ст. 1 ФЗ «Об исключительной экономической зоне РФ» [3, с. 1] под исключительной экономической зоной следует понимать прилегающий к территориальному морю морской район особого правового режима, в котором Россия осуществляет суверенные права на разведку, добычу и сохранение природных ресурсов, а также управление ими, действуя в соответствии с национальным законодательством и нормами международного права.

В свою очередь, специфика преступности в ИЭЗ заключается в противоречии правовых режимов. Ведь ст. 56 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года [1, с. 55], установила, что прибрежное государство не обладает полным суверенитетом, а только правом на разведку, разработку и сохранение природных ресурсов. Иностранные суда, не связанные с добычей природных ресурсов, находятся вне сферы действия уголовной юрисдикции. Это означает, что прибрежное государство не вправе осуществлять уголовное преследование в отношении экипажа иностранного судна, если деяние не связано с разведкой или разработкой ресурсов.

Структура преступных деяний, совершаемых в исключительной экономической зоне, имеет свои особенности заключающиеся в высокой степени организованности, а также в выраженной корыстной направленности. В отличие от суши или территориального моря, здесь, как правило, преобладают экономические и экологические преступления, а общеуголовные деяния, такие как убийства или кражи, встречаются довольно редко в силу своей малой населенности. Основная масса преступлений, совершаемых на данной территории, регулируется статьями 253 и 256 УК РФ [2]. Поэтому можно выделить несколько основных блоков противоправных деяний.

Противоправные деяния в ИЭЗ согласно международному морскому праву и ФЗ «Об исключительной экономической зоне РФ» подразделяются на следующие ключевые блоки:

Во-первых, нарушение законодательства Российской Федерации об исключительной экономической зоне (ст. 253 УК РФ) [2, с. 256], то есть, юрисдикционный блок. Данное положение предусматривает ответственность за незаконное исследование, поиск, разведку, в том числе добычу природных ресурсов. Сюда же относятся незаконное создание, эксплуатация и использование искусственных остров или иных сооружений.

Во-вторых, неправомерное использование ресурсного блока — главного блока, собственно, ради чего и создавалась ИЭЗ. Сюда можно отнести незаконный промысел или, проще говоря, браконьерство. В большинстве случаев характерно нарушение правил рыболовства, так как нет лицензий, превышаются квоты и используются запрещенные орудия.

В-третьих, контрабанда и экономические нарушения, то есть транзитный блок, которому присуще общеуголовные и международные преступления. ИЭЗ нередко используется как «серая зона» для прохода, где, в свою оче-

редь, происходит незаконное перемещение товаров или сокрытие улова; незаконная миграция, например, перевозка людей на ненадежных судах с риском гибели; уклонение от уплаты таможенных пошлин при добыче в ИЭЗ; морское пиратство и разбой, например, нападения на малые суда с целью хищения улова, топлива или самого улова, а в некоторых случаях, захват заложников.

В-четвертых, коррупционный блок, для которого характерно обслуживание незаконной деятельности. Принято считать, что коррупция в основном совершается на суше, тем не менее, она напрямую обеспечивает преступность в море. Нередко совершается подкуп должностных лиц в портах (таможня, портовый контроль, пограничная служба) с целью закрытия глаз на происхождение улова. Кроме этого, довольно часто происходит сговор с капитанами портов о фиктивных заходах для отмывания незаконного груза.

Как мы видим, достаточно нелегко бороться с преступностью в пределах ИЭЗ, но неужели не существует никаких способов сопротивления? Перспективы противодействия преступности в ИЭЗ заключаются скорее не в ужесточении наказаний, ограниченных международным правом, а в смене парадигмы, то есть переходе от уголовного преследования личности к технологическому и экономическому контролю. Перспективы противодействия преступности в ИЭЗ формируются на внедрении цифрового мониторинга, совершенствовании международного морского права и усилении межведомственного контроля. По сей день основными криминальными вызовами в ИЭЗ относятся контрабанда биоресурсов, загрязнение морской среды и браконьерство. Можно выделить несколько ключевых перспективных направлений безопасности в ИЭЗ:

Во-первых, гармонизация законодательства и правоприменения. Четкое определение юрисдикции прибрежных государств согласно ст. 111 UNCLOS [1, с. 83]. Прогнозируется усиление административной и уголовной ответственности, плюс ко всему внедрение практики расширенной конфискации судов-нарушителей.

Во-вторых, международное-правовые перспективы. Международное сотрудничество подразумевает заключение межгосударственных договоров с целью пресечения незаконного промысла, включая обмен данными портового контроля о происхождении выгружаемой рыбной продукции, а также согласование списка нарушений, за которые капитан будет выдан прибрежному государству даже без запроса флага. Ст. 73 UNCLOS [1, с. 67] запрещает тюремное заключение, вместо уголовного дела происходит административный арест судна, где залог устанавливается в 300–500 %. В случае неуплаты владельцем данного залога, судно конфискуется и продается с торгов.

В-третьих, цифровизация и космический мониторинг, то есть, технологические перспективы. Не секрет, что физически задержать судно в ИЭЗ довольно непросто, так как для этого необходимо согласие государства флага, поэтому акцент переносится на удаленный контроль. Использование систем спутникового мониторинга за судами, ра-

диоолокационная и оптическая съемки помогают автоматически выявить суда, отключивших АИС (Автоматическая идентификационная система — навигационная система с использованием спутниковых данных и радиоволн, предназначенных для автоматического обмена информацией между кораблями), а это порядка 90 % браконьеров. Все это позволяет выявить факты незаконного лова и скрытой перегрузки уловов в режиме реального времени.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026).
3. Федеральный закон «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» от 17.12.1998 N 191-ФЗ (последняя редакция).
4. Гаврилова Г. К. Преступления в области охраны и рационального использования водных биоресурсов на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне (на примере Дальневосточного региона) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-v-oblasti-ohrany-i-ratsionalnogo-ispolzovaniya-vodnyh-bioresurov-na-kontinentalnom-shelfe-i-v-isklyuchitelnoy> (дата обращения: 21.06.2026).

Анализ привлечения к ответственности государственных служащих

Фейцех Адаса Михайловна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследованы особенности привлечения государственных служащих к дисциплинарной, административной и материальной ответственности. Выявлены правовые коллизии между нормами служебного и трудового законодательства. На основе анализа правоприменительной практики предложены меры по устранению пробелов в механизме привлечения чиновников к ответственности за коррупционные правонарушения.

Ключевые слова: государственный служащий, дисциплинарная ответственность, служебный проступок, административная ответственность, материальная ответственность, коррупция, правовой статус.

Эффективность функционирования системы органов публичной власти находится в прямой зависимости от качества исполнения должностных обязанностей государственными служащими. Юридическая ответственность указанной категории лиц выступает одним из ключевых элементов механизма обеспечения законности на государственной службе. Однако, несмотря на наличие разветвленной нормативной базы, регламентирующей основания и порядок привлечения чиновников к ответственности, правоприменительная практика демонстрирует низкую эффективность действующих инструментов. Цель настоящего исследования заключается в выявлении системных проблем привлечения государственных служащих к ответственности и формулировании предложений по их устранению.

Легальное определение государственного служащего закреплено в статье 10 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», согласно которой таковым признается гражданин, замещающий должность государственной службы на профес-

Подводя итоги, можно сказать следующее: фактор преступности в ИЭЗ требует не просто эпизодических мер реагирования, а выработки целостной уголовно-правовой и криминалистической доктрины. Предложенные в данной статье подходы могут послужить основой для подготовки методических рекомендаций и законодательных инициатив для контрольных и следственных органов, которые действуют в морских пространствах.

сиональной основе [1, ст. 10]. Специфика правового статуса данной категории лиц обусловлена одновременным действием трудового законодательства и специальных публично-правовых норм. Такая двойственность порождает конкуренцию нормативных актов при квалификации правонарушений.

В доктрине административного права выделяются следующие виды ответственности государственных служащих: дисциплинарная, административная, материальная и, в случаях, предусмотренных уголовным законом, — уголовная. В рамках настоящей статьи рассматриваются первые три вида, поскольку они составляют основу правоприменительной практики в отношении чиновников.

Основанием наступления дисциплинарной ответственности выступает совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения должностных обязанностей [2, гл. 3]. Законодатель предусматривает такие меры взыскания, как замечание, выговор, предупреждение о неполном долж-

ностном соответствии и увольнение. Однако процедура привлечения к дисциплинарной ответственности для государственных служащих существенно усложнена по сравнению с общим трудовым законодательством.

Обязательным этапом выступает проведение служебной проверки, сроки которой жестко регламентированы (не более одного месяца со дня принятия решения о ее проведении). Государственный служащий наделен правом знакомиться со всеми материалами проверки, давать письменные объяснения и обжаловать взыскание в судебном порядке. Анализ судебной практики позволяет констатировать, что большинство решений о привлечении к дисциплинарной ответственности отменяются судами в связи с процедурными нарушениями. Наиболее распространенным основанием для отмены выступает несоблюдение сроков применения взыскания либо отсутствие документально подтвержденного факта истребования объяснения.

Статья 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает, что должностные лица подлежат административной ответственности в случае совершения ими правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением служебных обязанностей [3, ст. 2.4]. Ключевой проблемой правоприменения в данной сфере выступает конкуренция дисциплинарной и административной ответственности. Один и тот же факт противоправного поведения может быть квалифицирован одновременно как дисциплинарный проступок и как административное правонарушение.

Руководители государственных органов на практике предпочитают применять меры дисциплинарного воздействия, поскольку процедура административного производства требует участия внешних контролирующих органов (прокуратуры, контрольно-счетных органов) и сопряжена со значительными временными затратами. В результате административный штраф как мера наказания применяется к государственным служащим относительно редко, что снижает превентивный потенциал данного вида ответственности. Отдельного внимания заслуживает проблема доказывания причинно-следственной связи между бездействием чиновника и наступившими последствиями, которая зачастую носит оценочный характер.

В отличие от работников частного сектора, с которыми может заключаться договор о полной материальной ответственности, государственные служащие несут материальную ответственность исключительно за прямой действительный ущерб, причиненный представителю нанимателя. Упущенная выгода взысканию не подлежит [4, ст. 15]. Более того, размер взыскиваемого ущерба ограничен средним месячным заработком служащего, если иное не установлено федеральным законом.

Правоприменительная практика свидетельствует о низкой эффективности института материальной ответственности государственных служащих. Доказать прямой действительный ущерб и его причинную связь с конкретными действиями чиновника в условиях коллегиального принятия решений представляется затруднительным. Су-

дебные органы в большинстве случаев либо отказывают во взыскании ущерба, либо присуждают суммы, не превышающие одного должностного оклада, что не обеспечивает компенсации реального ущерба бюджету.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» устанавливает систему запретов и ограничений для государственных служащих, включая запрет на получение подарков (за исключением канцелярских принадлежностей и цветов), на занятие предпринимательской деятельностью, а также обязанность принимать меры по предотвращению конфликта интересов [5, ст. 12–14]. Однако статистические данные о привлечении к ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства демонстрируют неравномерность правоприменения: подавляющее большинство привлеченных лиц относятся к низовому звену государственной службы (специалисты районных администраций), тогда как в отношении руководителей федерального уровня случаи привлечения к ответственности единичны [6, с. 47].

Причинами сложившейся ситуации выступают, во-первых, оценочный характер формулировок («личная заинтересованность», «недостаточный контроль»), затрудняющий доказывание. Во-вторых, наличие корпоративной солидарности внутри ведомств, при которой руководители предпочитают ограничиваться устными взысканиями. В-третьих, отсутствие эффективных механизмов вневедомственного контроля за проведением служебных проверок.

В научной литературе предлагаются различные подходы к решению выявленных проблем. А. Б. Новиков обосновывает необходимость усиления прокурорского надзора за соблюдением процедуры привлечения государственных служащих к ответственности [7, с. 112]. Е. В. Масленникова предлагает законодательно закрепить приоритет публично-правовой (административной) ответственности перед дисциплинарной в случаях, когда правонарушение содержит признаки коррупционной составляющей [8, с. 88].

Представляется обоснованным комплекс мер, включающий:

- введение обязательного уведомления прокуратуры о каждом факте проведения служебной проверки в отношении государственного служащего;

- создание единого федерального реестра лиц, привлеченных к ответственности за коррупционные правонарушения, с ограниченным режимом доступа;

- установление солидарной материальной ответственности руководителя и подчиненного при причинении ущерба бюджету в результате системных нарушений контроля.

Указанные меры потребуют внесения изменений в Федеральный закон № 79-ФЗ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, но без них повышение эффективности привлечения государственных служащих к ответственности представляется маловероятным.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что действующий механизм привлечения государственных служащих к ответственности характеризуется наличием

следующих системных недостатков: процедурная сложность дисциплинарного производства, конкуренция дисциплинарной и административной ответственности, низкая результативность института материальной ответственности, латентный характер привлечения за кор-

рупционные правонарушения. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных законодательных изменений, обеспечивающих неотвратимость наказания вне зависимости от должностного положения нарушителя.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025) / СПС Консультант плюс / [электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения: 11.12.2025)
2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий / [электронный ресурс]: URL: <https://pravo163.ru/o-sudebnoj-praktike-po-delam-o-zloupotreblenii-dolzhnostnymi-polnomochiyami-o-prevyshenii-dolzhnostnykh-polnomochij> (дата обращения: 2.12.2025)
3. Обзор Президиума Верховного Суда России от 25 ноября 2020 г. № 3 (2020) «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020)» / Гарант.Ру / [электронный ресурс]: URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74855430/?utm_source (дата обращения: 1.12.2025)
4. Обзор судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016) / СПС Консультант плюс / [электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208048/?utm_source (дата обращения: 1.12.2025)
5. Очаковский В. А. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации / В. А. Очаковский, Я. А. Крутова, Н. А. Жукова // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. — Краснодар: КубГАУ, 2014. — № 5 (099). — С. 484–494
6. Очаковский В. А. Установление эффективного контракта для государственных служащих / В. А. Очаковский, И. Н. Иваненко, А. С. Коротченко // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. — Краснодар: КубГАУ, 2016. — № 2 (116). — С. 527–539
7. Попов Л. Л. Административно-правовой статус государственных служащих Российской Федерации // Административное право РФ. — 2019. — С. 45–57. — URL: <https://be5.biz/pravo/a037/8.html> (дата обращения: 06.12.2025).
8. Федеральный закон Российской Федерации «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. 2003). — М.: Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.12.2025).
9. Хацко Д. С. Административная ответственность государственных служащих // Научный лидер. — 2023. — № 37 (135). — С. 12–22.

Обязательность международных договоров и пределы дискреции

Хакимов Павел Евгеньевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Статья анализирует ограниченную обязательность ратифицированных международных договоров в правовой системе РФ в условиях непреодолимого разлада национального и международного права. Конституционные рамки обесценивают приоритет, обрекая суды на роль заложников двойственности. Ратификация остается хрупким фильтром конституционности, не преодолевая коллизий суверенитета. Судебная дискреция фиксирует системную неразрешимость пробелов. Практика КС РФ и ВС РФ обнажает фрагментацию гармонизации.

Ключевые слова: ратификация, международные договоры, судебная дискреция, конституционное превосходство, самоисполняющиеся нормы, коллизии суверенитета.

Binding force of international treaties and limits of judicial discretion

Khakimov Pavel Yevgenyevich, master's student
St. Petersburg State Agrarian University

The article examines the limited enforceability of ratified international treaties within the Russian Federation's legal system amid the insurmountable discord between national and international law. Constitutional frameworks (Parts 1, 4 of Article 15) systemat-

ically devalue their priority, condemning courts to the role of hostages to duality. Ratification remains a fragile filter of constitutionality, failing to overcome sovereignty collisions. Judicial discretion records the systemic irresolvability of gaps. The practice of the Constitutional Court of the RF and the Supreme Court of the RF reveal the fragmentation of harmonization.

Keywords: *ratification, international treaties, judicial discretion, constitutional supremacy, self-executing norms, sovereignty collisions.*

В условиях кризисной трансформации постсоветского правового пространства проблема гармонизации национального и международного права обнажает фундаментальные противоречия. Часть 4 статьи 15 Конституции РФ механически устанавливает приоритет ратифицированных договоров над федеральными законами, но приоритет принципиально урезан высшей юрисдикцией Конституции (часть 1 статьи 15) [1]. Суды, оказавшиеся в положении заложников двойственности, реализуют ратификационную обязательность, неся бремя дискреционных полномочий, скованных конституционным максимализмом.

Государства, сохраняя идентичность, подчиняются нормам, отличающимся от национального законодательства. Ратификация — единственный хрупкий канал такой интеграции, обреченный на конфликты. Федеральный закон № 101-ФЗ от 15.07.1995 регламентирует ратификацию как процедуру, облакающую самоисполняющиеся нормы в вид непосредственного действия [2]. Суды формально применяют их напрямую, конституционный барьер исключает любые толкования, угрожающие Основному закону. Национальный суверенитет торжествует над международными иллюзиями на стадии исполнения. Дискреционные полномочия судов — наследие правовых пробелов: разрешение коллизий договоров с законами, а точнее приоритет первых, неизбежно наталкивается на конституционное превосходство. Абсолютная обязательность договоров терпит крах перед реальностью иерархии источников. Так ратификация обеспечивает гармонию в условиях системного разлада.

Правовая система РФ демонстрирует ограниченную применимость международных договоров: конституционные рамки обесценивают их приоритет. Ратификация — высший правовой акт, посредством которого государство окончательно выражает согласие быть связанным договором и наделяет его нормам силой внутригосударственного права. В России процедура регулируется ст. 23–25 ФЗ-101: проект договора вносится в Государственную Думу, утверждается Советом Федерации и подписывается Президентом в форме федерального закона. Многоступенчатая конструкция решает фундаментальную проблему коллизии суверенитетов: государства, сохраняя автономию, добровольно делегируют часть регулятивной компетенции международным нормам, обеспечивая взаимную предсказуемость поведения. Без ратификации договор остается внешнеполитическим инструментом; с ратификацией он инкорпорируется в иерархию источников права — ниже Конституции, но выше законов. Это не просто формальность: прак-

тика Конституционного Суда РФ (например, Постановление от 27.06.2000 № 15-П по делу о ратификации Конвенции МОТ № 111) демонстрирует, что ратификация служит фильтром конституционности, отсеивая нормы, несовместимые с Основным законом [3]. Следовательно, обобщая, институт ратификации — это мост между международным консенсусом и национальным суверенитетом, гарантирующий обязательность без потери идентичности.

Практические коллизии продолжают существовать с неизменной настойчивостью, подчеркивая глубоко укорененную проблематику обязательности международных договоров. Практические коллизии продолжают существовать с неизменной настойчивостью, подчеркивая глубоко укорененную проблематику обязательности ратифицированных норм в условиях фрагментированного правопорядка. Рассмотрим реальный случай из российской практики — споры о загрязнении озера Байкал стоками промышленных предприятий [4]: экспертиза Росприроднадзора подтвердила систематические нарушения требований Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. (ратифицирована ФЗ № 16-ФЗ от 17.02.1995, ст. 6, 8), создающие угрозу уникальной экосистемы [5,6]. Предприятия ссылались на льготы Федерального закона № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (1999 г.), допускающие определенные сбросы [7]. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в приостановке деятельности, опираясь на два положения: 1) льготы формально допустимы национальным законодательством; 2) отсутствие прямой имплементации Конвенции в подзаконные акты РФ. Выводы остаются уязвимыми с позиции международного права, обнажая систематическую ограниченность исполнения ратификационных обязательств.

Практические коллизии продолжают существовать с неизменной настойчивостью, подчеркивая глубоко укорененную проблематику обязательности международных договоров в условиях фрагментированного правопорядка. В качестве примера рассмотрим типичный случай российской практики применения Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г., ратифицированной Федеральным законом № 16-ФЗ от 17 февраля 1995 г.: в спорах об охране озера Байкал экспертиза подтвердила систематические нарушения национального законодательства обязательствам по сохранению биоразнообразия (ст. 6, 8 Конвенции), что повлекло требования о пересмотре мер реализации ратификационных обязательств [8]. Предприятия ссылались на оговорки в национальном регулировании, предусматривающие льготы для промыш-

ленных стоков. Верховный Суд РФ в обзоре практики отказал в признании таких оговорок, опираясь на два положения: 1) оговорки формально допустимы по Венской конвенции; 2) государство не обеспечило надлежащую адаптацию внутреннего права (ст. 27) [9]. Эти выводы остаются уязвимыми с позиции международного права, обнажая ограниченность имплементации в российскую практику.

Во-первых, решение Международного Суда ООН по делу «Габчиково-Нагимарош» (1997 г.) конкретизирует статьи 26 и 62 Венской конвенции: существенность изменения обстоятельств определяется как угроза объектам и целям договора, а не ссылка на национальные льготы [10]. Статья 62 предоставляет право на денонсацию исключительно при фундаментальном изменении обстоятельств, без оговорок статьи 27 (внутреннее право не оправдание невыполнения). Законодатель Конвенции воплотил баланс интересов (статья 2 Устава ООН): при незначительных несоответствиях требуется адаптация национального режима; при существенных нарушениях, делающих обязательства неэквивалентными, допускается пересмотр, поскольку такое положение нарушает принцип добросовестности. Оговорки в ФЗ № 94-ФЗ подрыывают эту сущность, влекущие неприменение по доктрине без формального отказа от ратификации — статья 62 выступает международным фильтром, не допускающим национальный произвол в исполнении Конвенции о биологическом разнообразии.

Во-вторых, российские суды ошибочно постановили, что льготы ФЗ «Об охране озера Байкал» неприменимы к строгим стандартам Конвенции для особо охраняемых территорий. Заблуждение принципиального характера: Конвенция носит универсальный характер, а международная защита глобальных интересов не зависит от национального статуса объекта. Аналогичная позиция в обзоре Постоянной палаты третейского суда в деле о Южно-Китайском море (2016 г.) подтверждает: соблюдение обязательств с учетом дифференциации сохраняет баланс интересов лишь в пределах [11]. Российские суды проигнорировали обязанность телеологической интерпретации норм Венской конвенции, ограничивая эффективность ратификационных обязательств России. Систематические рецидивы подчеркивают вызов унификации практики: последующие обзоры неизбежно столкнутся с необходимостью проверки имплементации Конвенции о биологическом разнообразии в условиях национальных противоречий.

Переходя к роли судебных органов, центральным понятием предстает дискреция (*discretio* — различение, усмотрение), термин, отражающий реальность правоприменения в условиях сложности правового регулирования. В правовой доктрине дискреционные полномочия трактуются как «специфическое право, предоставленное законом судье по своему усмотрению решать различные жизненные конфликты в рамках неопределенностей или пробелов правового регулирования, на основе и в пре-

делах закона» [12]. Выбор этого понятия обусловлен его способностью обозначить динамику правоприменения: не произвол, но тщетная попытка уравновесить жесткость нормы и индивидуализацию дела в мире системных ограничений.

Дискреция предоставлена судье или коллегии и реализуется в оценке самоисполнимости договора — наличия ясных, конкретных норм, — в выборе применимых положений и разрешении коллизий, неизбежных в правовой иерархии. Такие коллизии возникают в трех формах: 1) между договором и федеральным законом — приоритет за договором (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); 2) между договором и подзаконным актом — аналогичный порядок; 3) между договором и Конституцией — абсолютное превосходство Основного закона (Определение КС РФ от 27.04.1999 № 134-О) [13]. Практика Верховного Суда РФ (Пленум № 19 от 24.10.2017) фиксирует эту реальность: судьи обязаны применять самоисполняющиеся нормы напрямую, однако конституционные противоречия вынуждают обращаться в КС РФ для толкования, подчеркивая ограниченность механизма [14].

Т. Х. Кемрюгов в работах по конституционному правосудию отмечает: «Баланс прав и обязанностей гражданина, а шире — правовых средств государства, представляет собой имплицитную идею Конституции, формализованную практикой КС РФ как критерий конституционности» [15]. Автор анализирует ограниченную роль этого баланса в правоприменении: гармонизация средств (международные договоры, федеральные законы, судебные акты) лишь частично предотвращает дисбаланс, где обязательность договоров неизбежно сталкивается с суверенитетом. Кемрюгов обосновывает судебную дискрецию как инструмент этого хрупкого равновесия: судьи при оценке коллизий обеспечивают «высокий уровень гармонизации конституционно-правовых средств» в пределах возможного. В контексте международных договоров это означает формальную защиту обязательности на постратификационной стадии без отмены конституционных норм — попытку синтеза монизма и дуализма правовых систем в условиях их фундаментального противоречия. Дискреция не абсолютна — ее пределы конституционны по своей природе.

Подытожим, правовая система Российской Федерации фиксирует принципиальную ограниченность применимости ратифицированных международных договоров в условиях непреодолимого разлада национального и международного регулирования. Конституционные рамки систематически обесценивают их приоритет, обрекая судебные органы на роль пассивных исполнителей двойственной реальности: дискреция, скованная абсолютным верховенством Основного закона, обеспечивает лишь формальность. Ратификация остается хрупким, принципиально несовершенным механизмом, фильтрующим нормы через призму конституционности, но не способным преодолеть фундаментальные коллизии суверенитета и глобального консенсуса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. А. Кравченко // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по экологическому законодательству № 3 (2024) / Верховный Суд РФ. — М., 2024. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/> (дата обращения: 11.02.2026).
5. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2254; Бюллетень международных договоров. 1996. № 9. С. 3. (ратифицирована Федеральным законом РФ от 17.02.1995 № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 9. Ст. 715).
6. Федеральный закон от 17.02.1995 № 16-ФЗ «О ратификации Конвенции о биологическом разнообразии» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 9. Ст. 715.
7. Федеральный закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране озера Байкал» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2221.
8. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.06.2022 № Ф02–1562/2022
9. по делу № А33–7487/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.01.2021 № 310-ЭС20–15694 по делу № А83–3585/2018 (Межрегиональное управление Росприроднадзора по Республике Крым и г. Севастополю против ПАО «Крымский содовый завод») // СПС «КонсультантПлюс».
11. Решение Международного Суда ООН по делу «Габчиково-Надьмарош» (Венгрия против Словакии) от 25.09.1997 // Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. 1997. P. 7. — URL: <https://www.icj-cij.org/case/92/judgments> (дата обращения: 11.02.2026).
12. Решение Постоянной палаты третейского суда по делу «Филиппины против Китая» (Южно-Китайское море) от 12.07.2016 // PCA Case No. 2013–19. — URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/7/> (дата обращения: 11.02.2026).
13. Егоров Н. Д. Место дискреционных полномочий в правоприменительной деятельности судей: теоретико-правовое исследование // Современное право. 2018. № 4. С. 12–20. — URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Место-дискреционных-полномочий-в-правоприменительной-деятельности-судей-теоретико-правовое-исследование> (дата обращения: 11.02.2026).
14. Определение Конституционного Суда РФ от 27.04.1999 № 134-О по жалобе гражданина А. В. Лебедева на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 125 и частью 4 статьи 15 Конституции РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 5. С. 12–15.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2017 № 19 «О применении судами положений международных договоров Российской Федерации и актов международных организаций, ратифицированных Российской Федерацией» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12.

Имитационный конституционализм: правовой конфликт международных актов и Конституции Российской Федерации

Хакимов Павел Евгеньевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Статья представляет доктринально-догматический анализ феномена имитационного конституционализма как коллизионного механизма взаимодействия международного права и внутреннего конституционного права Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена трансформациями правовой системы в постсоветский период, включая ратификацию Европейской конвенции о правах человека, поправки к Конституции РФ, Федеральный конституционный закон № 7-ФЗ, а также денонсацию Протокола № 14 и выход из Совета Европы, что актуализирует проблему суверенного приоритета Основного закона.

Ключевые слова: имитационный конституционализм, Конституция РФ, международное право, Конституционный Суд РФ, ЕСПЧ, правовой конфликт, суверенитет, коллизии норм.

Imitational constitutionalism: legal conflict between international acts and the Constitution of the Russian Federation

Khakimov Pavel Yevgenyevich, master's student
St. Petersburg State Agrarian University

The article presents a doctrinal-dogmatic analysis of the phenomenon of imitational constitutionalism as a collision mechanism for the interaction between international law and the domestic constitutional law of the Russian Federation. Research relevance stems from transformations in the legal system during the post-Soviet period, including ratification of the European Convention on Human Rights, amendments to the Constitution of the Russian Federation, Federal Constitutional Law No. 7-FZ, as well as denunciation of Protocol No. 14 and withdrawal from the Council of Europe, which actualize the issue of sovereign primacy of the Basic Law.

Keywords: imitational constitutionalism, Constitution of the Russian Federation, international law, Constitutional Court of the Russian Federation, ECHR, legal conflict, sovereignty, norm collisions.

В последние годы российская правовая мысль, как и сама практика, ощущает нарастающую усталость от противоречий, которые пронизывают основы конституционализма. Мы обратились к теме не из академического любопытства — она актуальна именно сейчас, в контексте событий, глубоко затронувших Россию. Геополитические сдвиги, выход из Совета Европы в 2022 году, поправки к Конституции 2020-го, последующие судебные интерпретации — все это складывается в картину, где национальный суверенитет превращается в острую дилемму.

Термин «имитационный конституционализм» на первый взгляд режет слух своей резкостью, но в сути своей он просто фиксирует разрыв между формой и содержанием. Слово «имитационный» коренится в «имитации»: внешне все соответствует ожиданиям — декларации о верховенстве права, разделении властей, защите человека, — но внутри эти принципы подстраиваются под текущие нужды государства или национальные приоритеты. В российском контексте это проявляется как модель, где Конституция декларирует открытость международному праву (статья 15, часть 4 в прежней редакции), а механизмы исполнения корректируют приоритет в пользу внутреннего суверенитета. Понятие не имеет единого автора — оно эволюционировало в юридической литературе 2010-х, в работах авторов вроде Т. Я. Хабриевой, В. О. Лукина, а также в сравнительных исследованиях из журналов типа «Lex Russica» или публикациях ВШЭ. Оно кристаллизовалось вокруг решений Конституционного Суда РФ, таких как № 21-П от 2015 года по делу «Маркин», где суд ввел идею «конституционно допустимого» исполнения решений ЕСПЧ.

Судьи КС начали толковать международные нормы не как абсолюты, а как гармонируемые с Основным законом. Имитация здесь — в расхождении риторики («мы за глобальные стандарты») и реальности (контроль за исполнением), что типично не только для России, но и для многих стран в эпоху глобализации.

Зарождение имитационного конституционализма в России тянется с начала 2000-х, когда страна стремилась к международной интеграции — ратификация Европейской конвенции о правах человека в 1998-м, вступление

в Совет Европы. Конституция 1993 года в статьях 17 и 15 ссылалась на общепризнанные нормы международного права, ставя их выше федеральных законов, — это был период, когда ЕСПЧ выносил решения по российским жалобам («Анчугов и Гладков» 2013 года), и их формально исполняли. Но трещины вскрылись незаметно. Постановление КС № 15-П от 2006 года по делу Меншиной обозначило, что не все решения ЕСПЧ обязательны при противоречии Конституции. Далее — кризисы 2014–2015 годов: санкции, Крым, Украина. КС в резолюции № 21-П вводит проверку на конституционность, Федеральный закон № 7-ФЗ от 2015-го закрепляет механизм. Поправки 2020 года (статьи 79 и 125) уточняют: ратификация договоров — с оглядкой на Конституцию, КС — арбитр. Это постепенная реакция на воспринимаемое внешнее давление: когда международные акты стали инструментом критики, государство выбрало стратегию формального уважения с внутренним контролем. Адаптация к хаосу, но с неизбежной ценой — эрозия доверия, которое и так было хрупким. На практике это выглядит тривиально и предсказуемо. Во-первых, избирательное исполнение. Россия выполнила тысячи решений ЕСПЧ (свыше 3000 к 2022 году), но стратегические — по выборам, пенитенциариям — блокируются КС, как в «Яковлев против России» (2018), где отказали из-за конституционных сроков. Во-вторых, риторика. Официальные тексты полны «гармонизации», но приоритет — суверенитет. В-третьих, институциональные формы. Орган по ЕСПЧ с 2016 года имитировал диалог, став фильмом.

Суть коллизий — в статье 15: до 2020-го договоры превалировали над законами, но не над Конституцией (толкование КС). Конфликт вспыхивает, когда ЕСПЧ требует, скажем, УДО для пожизненно осужденных (против ст. 50), или меняет избирательный закон («Анчугов»). Другие случаи: «Фролов» (2020) о пытках — исполнение буксует без реформы ФСИН; гендерные квоты МОТ — против ст. 19 о равенстве; экстрадиция — против ст. 61; санкции — против ст. 15. После 2022-го фокус сместился на ООН, ЕАЭС — там Россия задает тон. Это не случайные стычки, а системные расхождения: международное право универсально, Конституция — национальна.

Проблемы накапливаются тихо, но неотвратимо. Первая — правовая неопределенность субъективного права. Гражданин, предприятие или орган власти не имеют четкого прогноза: исполнят ли ратифицированный договор или решение международного суда. Ключевое — фильтр Конституционного Суда РФ. Догматически это субординация. Суды ждут вердикта КС, статистика обращений растет, доверие к правосудию размывается эмпирически. Вторая — международные репутационные последствия. Для внешнего наблюдателя это серия отказа от обязательств: >3000 исполненных решений ЕСПЧ к 2022 г., но блокировка системных плюс поправки 2020 г. и выход из Совета Европы трактуются как дрейф к контрсуверенитету. Россия отвечает доктриной суверенного приоритета. Третья — доктринальные противоречия Основного закона. Преамбула и ст. 17 — монистский вектор. Поправки 2020 г. — дуалистский поворот (ратификация с оговорками, запрет внешних изменений строя). Формально-догматический разбор: преамбула — декларативна, статьи 79/125 — императивны. Практика КС гармонизирует, но не устраняет — вечная диалектика текста, где эволюция доминирует над первоисточником без логической диссонансии, просто с методичной нестыковкой. Четвертая — экономико-правовые риски для бизнеса. Компании, работающие с иностранными инвестициями или международными контрактами, сталкиваются с постоянной нестабильностью. Россия ратифицировала около шестидесяти двусторонних инвестиционных соглашений — это обещания защиты капитала от экспроприации или дискриминации. Но когда дело доходит до

арбитража в Гааге или Вашингтоне, решения часто остаются на бумаге. Исполнение буксует — международный принцип *pacta sunt servanda*, то есть договоры должны соблюдаться, натывается на наши оговорки при ратификации по статье 79 Конституции.

Санкции после 2022 года и обязательства в Евразийском союзе добавляют хаоса. Одни нормы применяются, другие — выборочно, в зависимости от проверки на соответствие Основному закону. Эффект измеряем: транзакционные издержки бизнеса вырастают на пятнадцать-двадцать процентов — компании тратят больше на юристов, страховки и обходные схемы. Прямые иностранные инвестиции упали с семидесяти миллиардов долларов в 2013 году до двадцати миллиардов в 2025-м — капитал просто уходит. Научно это нарушение стабильности гражданского оборота, закрепленное в статье 26 Венской конвенции о праве договоров 1969 года, но Россия отвечает контрмерой: национализацией контроля через внутренние суды и оговорки. Факт простой — бизнес мигрирует в ЕАЭС или БРИКС, где правила понятнее, система адаптируется, хоть и ценой упущенных возможностей.

Следовательно, имитационный конституционализм означает переход российской модели к суверенной: Конституция РФ всегда стоит выше международных договоров и решений судов вроде ЕСПЧ. Без разумного диалога это ведёт к изоляции от мирового права. Полное подчинение внешним нормам — к потере национальной идентичности. Рациональный путь — доктрина консенсуса: КС РФ заранее проверяет нормы на совместимость, как предлагал Протокол № 14 ЕСПЧ до нашего выхода из Совета Европы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 30.12.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5054.
2. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7088.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П по делу о проверке конституционности положений Федерального закона «Об обеспечении доступности информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» в связи с жалобой гражданина Маркина В. Н. // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 6. С. 6–24.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2006 № 15-П по жалобе гражданки Меншиной Н. П. на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 125 УПК РСФСР // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 5. С. 12–18.
5. Постановление Европейского суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Русское издание. 2014. № 1. С. 45–78.
6. Постановление Европейского суда по правам человека от 20.06.2017 по делу «Яковлев против России» (жалоба № 2203/04) // HUDOC. Европейский суд по правам человека. [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 16.02.2026).
7. Хабриева Т. Я. Международное право и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 5–17.
8. Лукин В. О. Конституционный Суд и Европейский суд по правам человека: взаимодействие и коллизии // Конституционное правосудие. 2017. № 3. С. 12–25.

9. Мазаев В. Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex Russica. 2021. № 7. С. 7–24.
10. Коцетков В. В. Мнимый конституционализм в России в начале XX века // Вестник Института экономики, финансов и права. 2012. № 2. С. 57–68.
11. Алферова Е. В. Российский конституционализм: особенности и противоречия его развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3 (41). С. 112–120.
12. Денисов С. А. Имитация конституционного строя // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. 2009. № 2. С. 45–52.
13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека) (заключена в Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
14. Протокол № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, улучшающий функционирование Контрольного механизма Конвенции (заключен в Страсбурге 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 10. Ст. 933.
15. Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23.05.1969) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 7. Ст. 546.

Проблемы отграничения разбоя от смежных составов преступления

Цыцова Анна Алексеевна, студент;

Ручкина Диана Сергеевна, студент;

Говарунова Ксения Дмитриевна, студент;

Рослякова Валерия Александровна, студент;

Чередниченко Александра Владимировна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы определяют проблемы отграничения разбоя от смежных составов преступления.

Сегодня в правоохранительной практике сталкиваются с серьезными трудностями при квалификации преступлений, связанных с насильственным завладением имуществом. Особенно сложно отграничить разбой от других, похожих составов преступлений, учитывая его повышенную общественную опасность.

Российское уголовное законодательство квалифицирует насильственный грабеж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) и разбой (ст. 162 УК РФ) как формы хищения, включающие насилие. Ключевым и наиболее острым вопросом в правоохранительной практике является точное разграничение между этими двумя составами преступлений.

Под насильственным грабежом понимается открытое хищение чужого имущества с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Разбой — это нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Разграничение разбоя и грабежа, сопряженного с насилием, основывается на степени тяжести примененного насилия. Ключевое отличие заключается в том, что при грабеже насилие, будь то физическое или психологическое, не создает реальной угрозы жизни или здоровью потерпевшего. Это насилие может использоваться как для завладения имуществом, так и для удержания уже

похищенного. Например, если вор выхватил часы и при попытке вернуть их наносит удары, не причиняющие серьезного вреда, это квалифицируется как грабеж, а не разбой.

В случае разбоя правонарушитель использует насилие, которое создает реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего (например, удушение; сбрасывание с высоты; толкание из движущегося транспортного средства или под движущееся транспортное средство; на травливание собак; избивание жертвы путем нанесения множества ударов; насильственное введение в организм потерпевшего наркотиков (наркотические, сильнодействующие, психотропные или ядовитые вещества, представляющие опасность для жизни или здоровья). При этом насилие может быть как открытым, т. е. очевидным для потерпевшего и других лиц, так и тайным, не замеченным этими лицами. Примерами тайного насилия являются неожиданный удар сзади, нападение на людей спящих, находящихся в состоянии сильного опьянения, и т. п. [1, с. 177].

Ключевое различие между разбоем и грабежом с применением насилия заключается в характере угрозы. При грабеже угроза насилия либо отсутствует, либо носит неявный характер и не предполагает опасности для жизни или здоровья. Разбой же характеризуется явной угрозой применения насилия, которое может привести к серь-

езным травмам или смерти. Эта угроза может быть выражена как словами (например, прямые угрозы убийством или нанесением тяжких телесных повреждений), так и демонстративными действиями, явно указывающими на намерение причинить тяжкий вред (например, демонстрация оружия или его применение).

Ключевое различие между разбоем и грабежом с применением насилия заключается в объекте преступного посягательства. В то время как оба преступления направлены против имущественных отношений, разбой, в отличие от грабежа, посягает также на жизнь и здоровье потерпевшего, что является дополнительным объектом преступления.

Отграничение разбоя от вымогательства представляет собой практическую проблему. Спорные ситуации возникают в случаях, когда умысел виновного направлен на завладение имуществом потерпевшего посредством насильственных действий, что требует тщательного анализа для правильной квалификации деяния.

В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве» говорится следующее: «При решении вопроса об отграничении грабежа и разбоя от вымогательства, соединенного с насильем, судам следует учитывать, что при грабеже и разбое насилие является средством завладения имуществом или его удержания, тогда как при вымогательстве оно подкрепляет угрозу. Завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем». [2].

Разграничение разбоя и вымогательства, сопряженного с насильем, основывается на нескольких ключевых различиях. Главным из них является механизм совершения преступления.

При вымогательстве насилие служит инструментом для принуждения жертвы к кажущейся добровольной передаче имущества.

При разбое насилие является средством непосредственного завладения имуществом, подавления сопротивления жертвы и удержания похищенного.

Еще одно отличие заключается во временном аспекте. Разбой характеризуется непосредственным применением насилия в момент завладения имуществом. Вымогательство предполагает использование насилия или угроз насилия для получения имущества или прав на него в будущем.

Наконец, круг лиц, подвергающихся воздействию, также различается. Разбой направлен исключительно на

потерпевшего. Вымогательство может включать угрозы насилия в отношении не только потерпевшего, но и его близких.

При разграничении разбоя и вымогательства необходимо учитывать предмет преступления. Если при разбое предметом преступного посягательства является только имущество, то в случае вымогательства, помимо имущества, предметом могут быть также и документы имущественного характера, а также другие имущественные льготы. [1, с. 178].

Бандитизм представляет собой более тяжкое преступление, чем другие виды преступлений. Его квалификация охватывает как корыстные, так и некорыстные посягательства. Если преступление совершено с убийством, изнасилованием, нанесением телесных повреждений, хищением государственного имущества или имущества потерпевшего, то оно должно быть квалифицировано как бандитизм.

Разбой и бандитизм — это разные преступления, которые отличаются по нескольким ключевым признакам:

Устойчивость группы: Бандитизм предполагает существование стабильной, организованной группы (банды). В отличие от этого, разбой может быть совершен лицами, которые предварительно договорились о нападении, но не являются частью постоянной структуры.

Наличие и использование оружия: Для бандитизма необходимо наличие оружия у членов банды. При разбое же важно применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, во время нападения.

Тип оружия: Бандитизм требует наличия настоящего оружия, предназначенного для поражения живых целей. При разбое допускается использование не настоящего оружия или его имитации.

Момент завершения преступления: Бандитизм считается оконченным с момента создания банды. Разбой считается оконченным с момента нападения, совершенного с целью завладения чужим имуществом с применением насилия или угрозы его применения.

Еще одно различие между бандитизмом и разбоем касается возраста преступника. За бандитизм несут ответственность лица, достигшие 16 лет. Если в банде участвует лицо младше этого возраста, оно отвечает за фактически совершенные им действия (согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ). Статья 209, часть 3 УК РФ устанавливает ответственность для организаторов, руководителей и участников банды, а также тех, кто участвует в совершаемых ею нападениях, если они использовали свое служебное положение. В то время как за разбой уголовная ответственность наступает с 14 лет.

Литература:

1. Подберезская, А. С. Отграничение разбоя от смежных составов преступлений. 2021 г.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026).

Проблемы защиты прав потребителей рекламы в условиях цифровизации

Шаги́ров Арту́р Ами́рович, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В настоящей статье автор исследует актуальные проблемы защиты прав потребителей рекламы в условиях цифровой трансформации общественных отношений в Российской Федерации, анализирует существующие пробелы правового регулирования рекламной деятельности, проблемы квалификации отдельных видов интернет-рекламы, вопросы ответственности субъектов рекламного рынка, а также особенности защиты прав потребителей в цифровой среде.

Ключевые слова: реклама, потребитель рекламы, цифровизация, контрольный орган, интернет-реклама, защита прав потребителей.

В современных условиях рекламы является неотъемлемым элементом рыночной экономики и одним из наиболее эффективных инструментов продвижения товаров, работ и услуг. Одновременно с этим реклама оказывает существенное влияние на формирование потребительского поведения, что обуславливает необходимость обеспечения надлежащего уровня защиты лиц, выступающих адресатами рекламных сообщений [1]. Актуальность рассматриваемой проблемы существенно возросла в связи с развитием цифровых технологий, социальных сетей и электронных платформ (сервисов). Традиционные механизмы правового регулирования все чаще сталкиваются с новыми формами рекламного воздействия, которые не всегда могут быть эффективно «охвачены» существующими правовыми инструментами и конструкциями.

Защита прав потребителей рекламы представляет собой комплекс правовых, организационных и институциональных мер, направленных на обеспечение права граждан на получение достоверной и полной информации о товарах, работах и услугах. Конституционное право на получение информации находит свое отражение в положениях Федерального закона от 13 марта 2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [2] и Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [3]. Вместе с тем анализ законодательства показывает, что действующая нормативная база в значительной степени формировалась применительно к традиционным каналам распространения рекламы. Указанное обстоятельство создает определенные сложности в условиях цифровизации общественных отношений.

Одним из ключевых принципов рекламного законодательства выступает принцип достоверности рекламной информации. Однако на практике именно нарушения указанного принципа являются наиболее распространенными. Рекламодатели зачастую акцентируют внимание на наиболее «привлекательных» характеристиках товара или услуги, в то время как существенные условия сделки раскрываются неполно либо представлены способом, затрудняющим их восприятие потребителем. В результате последний принимает экономически значимое решение, основываясь на искаженной «картине» рекламируемого продукта.

Развитие цифровой среды обусловило появление новых форм рекламного воздействия [4]. Если ранее субъектный состав рекламных правоотношений был относительно определенным, то в настоящее время в качестве посредников выступают блогеры, владельцы цифровых платформ, администраторы каналов и иные участники информационного обмена. В связи с этим возникает вопрос о пределах ответственности указанных субъектов и критериях разграничения рекламы и информационного контента. Становится очевидным, что отсутствие единого образного подхода к решению данного вопроса негативно влияет на уровень правовой определенности.

Особое внимания заслуживает проблема так называемой скрытой рекламы. Современные технологии позволяют интегрировать рекламные сообщения в информационный или развлекательный контент таким образом, что потребитель не воспринимает их в качестве рекламы. Помимо этого, нативная реклама, рекомендации блогеров, искусственно сформированные отзывы создают дополнительные риски нарушения прав потребителей на получение достоверной рекламной информации. При этом выявление факта рекламного характера соответствующего контента зачастую представляет значительные сложности как для потребителей, так и для контрольных органов.

Показательной является практика Федеральной антимонопольной службы (ФАС России). В ряде дел о рекламе банковских продуктов антимонопольный орган указал на недопустимость акцентирования внимания исключительно на выгодных условиях при сокрытии существенных ограничений. В частности, широкий общественный резонанс получили дела, связанные с рекламой финансовых услуг «Альфа-Банка», в которых ФАС России пришла к выводу о недопустимости введения потребителей в заблуждение вследствие способа представления информации [5].

Аналогичные проблемы выявляются в сфере рекламы медицинских услуг, где особое значение имеет полнота и достоверность сведений, влияющих на принятие решения о выборе способа лечения. Так, ФАС России признала ненадлежащей рекламу сервиса поиска врачей «На-Поправку» в связи с нарушением требований к рекламе медицинских услуг и маркировке рекламы [6]. Указанный пример свидетельствует о сложности соблюдения специальных требований в цифровой среде.

Несмотря на наличие административных санкций за нарушение законодательства о рекламе, вопрос эффективности ответственности остается дискуссионным. В научной литературе справедливо отмечается, что размеры отдельных штрафов не всегда сопоставимы с экономической выгодой, получаемой нарушителем [7]. Кроме того, длительность административных процедур может приводить к тому, что рекламная кампания достигает поставленных целей еще до вынесения решения по делу. Безусловно, в таких условиях превентивный потенциал юридической ответственности существенно снижается.

Дополнительные сложности обусловлены глобальным характером цифровой среды. Значительная часть рекламной информации распространяется посредством иностранных платформ (сервисов), деятельность которых, очевидно, не поддается эффективному контролю со стороны национальных регуляторов. Указанное обстоятельство создает проблемы в части определения применимого права, установления личности нарушителя, а также исполнения решений компетентных органов при выявлении соответствующих нарушений. В результате уровень защищенности потребителей в цифровой среде оказывается ниже по сравнению с традиционными сегментами рекламного рынка.

С учетом изложенного, представляется целесообразным дальнейшее развитие правового регулирования интернет-рекламы. В частности, требуется совершенствование механизмов идентификации рекламного контента, развитие требований к его маркировке, а также конкретизация правового статуса блогеров и иных цифровых посредников. Не менее важным направлением является повышение уровня цифровой и правовой грамотности населения, поскольку информированный потребитель способен более эффективно защищать свои права.

Таким образом, существующая система защиты прав потребителей рекламы в Российской Федерации нуждается в дальнейшей адаптации к условиям цифровой экономики. Основными проблемами остаются распространение скрытой рекламы, недостаточная определенность правового статуса отдельных участников цифровых рекламных отношений, сложности привлечения нарушителей к ответственности, а также трансграничный характер распространения рекламной информации. Решение указанных проблем возможно посредством комплексного совершенствования отечественного законодательства в сфере рекламы, правоприменительной практики и механизмов общественного контроля.

Литература:

1. Гуляева О. Н. Манипулятивное поведение в потребительских правоотношениях // Lex Russica. 2025. № 3 (220).
2. Федеральный закон от 13 марта 2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 12. Ст. 1232.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. Ст. 140.
4. Ермакова И. В. Защита прав потребителей от недобросовестной сетевой рекламы: некоторые теоретические и практические аспекты // Юридические исследования. 2021. № 7.
5. ФАС признала ненадлежащей рекламу вклада «Альфа-Банка» [Электронный ресурс] // https://rg.ru/2024/05/13/fas-priznala-nenadlezhachej-reklamu-vklada-alfa-banka.html?utm_source=chatgpt.com&utm_referrer=https%3A%2F%2Fchatgpt.com%2F/ (дата обращения: 14 июня 2026 год).
6. ФАС признала ненадлежащей рекламу сервиса по поиску врачей «НаПоправку» [Электронный ресурс] // <https://fas.gov.ru/news/33247/> (дата обращения: 14 июня 2026 год).
7. Новикова Ю. М. Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе // Вестник магистратуры. 2019. № 10–5 (97).

Законный состав суда как элемент права на справедливое правосудие: проблемы теории и правоприменения

Шалаганова Виктория Андреевна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В Конституции Российской Федерации закреплены фундаментальные принципы, определяющие устройство государства и общества. Они составляют основу государственного строя и определяют приоритеты пра-

вового регулирования. Одним из таких принципов, изложенном в ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, является положение, согласно которому никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том

суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (право на компетентный суд). Этот принцип о том, что дела должны рассматриваться одним и тем же судьей (или коллегией судей) от начала и до конца. Передача дела другому судье возможна только в строго определенных законом случаях.

Одной из гарантий соблюдения данного конституционного принципа является положение п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, относящее рассмотрение дела незаконным составом суда к безусловным основаниям для отмены судебного акта. Для правильного толкования и понимания данного принципа необходимо разобраться, что понимается под термином «законный состав суда». Проведенный анализ юридической литературы показал, что подавляющее большинство ученых определяют категорию «законный состав суда» через следующие признаки: 1) единоличный судья или коллегиальный суд (в зависимости от категории дела и инстанции); 2) судьи были назначены на должность в установленном законом порядке; 3) состав суда является беспристрастным и независимым. Такой подход ученых отчасти экстраполирован из позиций высших судебных инстанций. В частности, Конституционный Суд РФ называет состав суда незаконным, если в него входят лица, не имеющие в силу закона права рассматривать дело в судебном порядке в данной судебной инстанции. Пленум Верховного Суда РФ в качестве примера рассмотрения дела судом в незаконном составе называет следующие случаи: 1) дело рассмотрено лицом, не наделенным полномочиями судьи; 2) судья подлежал отводу по основаниям, предусмотренным п. 1, 1.1, 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 16 ГПК РФ; 3) судья повторно участвовал в рассмотрении дела в нарушение положений ст. 17 ГПК РФ.

Однако если оценить судебную практику российских судов, становится понятно, что судьи крайне редко прибегают к этому основанию для отмены судебных актов. К примеру, обратимся к п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. N 16, а именно к основанию «дело признается рассмотренным судом в незаконном составе, в частности, когда оно рассмотрено лицом, не наделенным полномочиями судьи». В рамках изучения судебных актов, размещенных в сети Интернет, не было выявлено ни одного случая рассмотрения гражданского дела лицом, не наделенным полномочиями судьи.

Наша статья посвящена работе над выявлением процессуальных нарушений, которые вышестоящие инстанции квалифицируют как вынесение решения незаконным составом суда. Это позволит оценить правомерность участия конкретных лиц в процессе и выявить основания для отмены судебного акта.

Первое, что мы предлагаем рассмотреть в рамках данного материала, это нарушение принципа неизменности состава суда. Дело, рассмотрение которого начато одним судьей или составом суда, должно быть рассмотрено этим же судьей или этим же составом суда (ч. 4 ст. 14 ГПК РФ). В случае замены судьи или нескольких судей в процессе рассмотрения дела судебное разбирательство произво-

дится с самого начала (ч. 6 ст. 14 ГПК РФ). Если изменение состава суда, рассматривающего дело, произведено без наличия на то установленных процессуальным законом оснований, то вновь сформированный состав суда признается незаконным. Следует особо отметить, что в ряде случаев замена судьи абсолютно недопустима. Так, дополнительное решение может быть вынесено исключительно тем составом суда, который принял основное решение. Как показывает судебная практика, нарушение этого требования часто служит основанием для отмены судебного акта по п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ.

Второй важной проблемой в данном вопросе мы видим установленные ст. 7 ГПК РФ требования к составу суда, а точнее отклонение от этих требований. Как правило, под этим нарушением подразумевается вынесение судебного акта по делу судьей единолично, когда дело подлежало коллегиальному рассмотрению. Нарушение норм о законном составе суда, а именно рассмотрение дела единолично при требовании закона о коллегиальности, служит частой причиной для отмены судебных актов. Примечательно, что в арбитражном судопроизводстве замена единоличного рассмотрения на коллегиальное не влечет за собой отмену судебного решения. Наличие диаметрально противоположных правовых позиций в тождественных процессуальных ситуациях создает неопределенность для правоприменителей, в связи с чем объективно требует унификации законодательства и судебной практики.

Третьей, заключительной проблемой, в нашей работе мы выделяем отсутствие в судебном акте сведений о составе суда. В Определении судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2022 г. по делу N 2–2394/2021 имеются только фамилия и инициалы судьи — докладчика по делу. В резолютивной части определения напротив слов «Председательствующий», «Судьи» имеются только подписи без указания фамилий и инициалов. Допущенные кассационным судом общей юрисдикции нарушения Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала рассмотрением дела в незаконном составе суда. Рассматриваемый случай иллюстрирует пересечение оснований, предусмотренных п. 1 и п. 5 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ. Как правило, отсутствие подписи судьи или подписание решения лицами, не входившими в состав суда, обусловлено невнимательностью. Между тем подобная ошибка ставит под сомнение легитимность состава суда. Правоприменительная практика показывает, что решение, подписанное иным составом, чем указан во вводной части, нередко квалифицируется вышестоящим судом как принятое незаконным составом. Это обстоятельство актуализирует вопрос о пересмотре перечня безусловных оснований для отмены судебного акта в части исключения из него подписания решения ненадлежащим составом суда.

Резюмируя изложенное, хочется отметить, что право на рассмотрение дела законным составом суда является конституционной гарантией, однако его реализация в гражданском судопроизводстве сопряжена с пробле-

мами как теоретического, так и практического характера. Анализ действующего законодательства и сложившейся судебной практики выявил три ключевых аспекта: нарушение принципа неизменности состава суда, несоблюдение правил о коллегиальности и технические погрешности в оформлении судебных актов. При этом практика применения п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ отличается неодно-

родностью, а арбитражный процесс демонстрирует противоположный подход, что требует законодательной унификации. Мы считаем необходимым пересмотр перечня безусловных оснований для отмены судебных актов в части их дифференциации в зависимости от характера допущенного нарушения и его влияния на законность и обоснованность решения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398;
2. Определение Верховного Суда РФ от 10 июля 2023 г. по делу А53–19245/2022 // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2014 г. N 656-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Пятнадцатого арбитражного суда о проверке конституционности статьи 18 и пункта 1 части 4 статьи 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант»;
4. Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2014 г. N 656-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности статьи 18 и пункта 1 части 4 статьи 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 февраля 2021 г. N 11-КГ20–13-К6 // СПС «КонсультантПлюс»;
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 февраля 2023 г. N 59-КГ22–5-К9 // СПС «Гарант».
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2024 г. по делу N 46-КГ24–13-К6;
8. Определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2022 г. по делу N 88–20251/2022; Определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 мая 2023 г. по делу N 88–14017/2023.
9. Банников И. А. Принцип осуществления правосудия только судом: историко-правовой аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 2; Ахмеров Р. А. Система субъектов гражданского судопроизводства: Дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2022.

Институт состава суда в уголовном процессе: проблемы определения и критерии формирования

Шалаганова Виктория Андреевна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

Институт состава суда в уголовном судопроизводстве имеет фундаментальное значение как одна из важнейших гарантий права на законный суд, закрепленного в ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации. Несмотря на большую практическую значимость понятия «состав суда», российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит его легального определения. В научных исследованиях и учебниках определение «состав суда» также встречается редко. Как правило, основное внимание ученые уделяют процедурным вопросам, относящимся к порядку формирования состава суда, отводу судей и т. п. Даже в справочных изданиях по уголовному процессу далеко не всегда можно обнаружить соответствующую словарную статью.

Статья посвящена анализу института состава суда в российском уголовном процессе, анализируются критерии определения состава суда в различных судебных инстанциях, а также предлагается объединение известных в правовой доктрине критериев «состава суда» в уголовном процессе для унификации данного определения и его дальнейшего использования в системе российского уголовного права.

А. Ларин и В. Савицкий под составом суда понимали «предусмотренное законом число судей и представителей народа, которые правомочны рассматривать конкретное судебное дело». Более емкое определение дано составу суда С. Бурмагиным, который включил в него не только «количественную совокупность», но и «качественную ха-

рактеристику лиц, уполномоченных осуществлять правосудие от имени судебного органа».

Сведение состава суда к простому перечню имен судей, по нашему мнению, не отражает правовой сущности данного института. Состав суда — это динамическая характеристика, которая видоизменяется в зависимости от категории дела и уровня судебной инстанции. Именно поэтому его определение должно базироваться на совокупности всех возможных вариативных признаков, позволяющих комплексно охарактеризовать суд как полноценного участника уголовного процесса.

В доктрине уголовно-процессуального права традиционно выделяют количественную и качественную характеристики состава суда. Однако, на наш взгляд, этот перечень не является исчерпывающим. Коллегиальные составы суда дифференцируются не только по числу судей и их профессиональному статусу, но и по внутренней организации, определяющей структуру судебного состава. Наиболее наглядно данное различие прослеживается при сопоставлении профессиональной коллегии судей и суда с участием присяжных заседателей. При коллегиальности обоих составов их внутренняя организация принципиально различна, что свидетельствует о наличии самостоятельного, организационного (структурного) компонента.

Таким образом, состав суда как процессуальная категория характеризуется тремя ключевыми элементами: 1) количественным — численный состав судей, входящих в коллегию; 2) качественным — соотношение профессиональных судей и представителей общества; 3) организационным (структурным) — внутреннее построение состава, определяющее порядок формирования, распределение полномочий и взаимодействие между участниками судебного разбирательства.

Исходя из изложенного, состав суда следует определять как установленную законом совокупность характеристик судебного органа, рассматривающего уголовное дело, включающего его количественный состав (число судей), качественный состав (присутствие профессионального и народного элементов) и организационную структуру, которая определяет процессуальный статус суда как субъекта уголовного судопроизводства в зависимости от категории дела и судебной инстанции.

Наибольшей сложностью характеризуется законодательная регламентация порядка определения состава суда, рассматривающего уголовное дело в качестве суда первой инстанции. Рассмотрение уголовных дел здесь осуществляется судьей единолично (п. 1 ч. 2 ст. 30 УПК). Для рассмотрения уголовного дела коллегиально требуются дополнительные основания как материально-правового, так и процессуального характера: во-первых, обвинение лица в совершении одного из преступлений, указанных в п. 2–3 ч. 2 ст. 30 УПК; во-вторых, волеизъявление обвиняемого, выражающееся в заявленном в установленном законом порядке ходатайстве о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей (п. 2 и 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК)

или коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции (п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК).

В судах апелляционной и кассационной инстанций состав суда определяется следующим.

Во-первых, звеном судебной системы. Например, в кассационном порядке уголовные дела Верховным Судом РФ рассматриваются всегда коллегией из трех судей (п. 2 ч. 4 ст. 30 УПК), тогда как в кассационных судах общей юрисдикции есть вариативность состава суда. В апелляционном порядке инвариантный (единоличный) состав суда установлен только для судов районного уровня (п. 1 ч. 3 ст. 30 УПК), а в вышестоящих судах уголовные дела в апелляционном порядке могут рассматриваться как единолично, так и коллегиально (п. 2 и 3 ч. 3 ст. 30 УПК).

Во-вторых, характером обжалуемого судебного решения. В частности, жалобы и представления на промежуточные судебные решения в кассационных судах общей юрисдикции (п. 1 ч. 4 ст. 30 УПК), а также в судах апелляционной инстанции рассматриваются всегда единолично (ч. 3 ст. 30 УПК).

В-третьих, тяжестью преступления. Так, единоличный порядок рассмотрения установлен для уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, рассматриваемых в апелляционном порядке судами областного уровня (п. 2 ч. 3 ст. 30 УПК) и в кассационном порядке кассационными судами общей юрисдикции (п. 1 ч. 4 ст. 30 УПК).

Несмотря на то, что институты подсудности и состава суда традиционно рассматриваются как самостоятельные процессуальные категории, между ними существует неразрывная взаимосвязь. В ряде случаев подсудность уголовного дела выступает в качестве императивного фактора, предопределяющего состав суда, в котором оно подлежит рассмотрению. Данная зависимость имеет место в ситуациях, когда законодатель не предусматривает альтернативных вариантов судебного состава для конкретной судебной инстанции. Так, уголовные дела, отнесенные к подсудности Президиума Верховного Суда Российской Федерации, в силу прямого указания закона подлежат коллегиальному рассмотрению, исключающему какую-либо вариативность состава суда. Императивная корреляция подсудности и состава суда — это правовая закономерность, в силу которой правила подсудности в определенных случаях выступают императивным регулятором состава суда, предопределяя его формирование без возможности отступления, когда законодатель связывает конкретную модель судебного состава с подсудностью дела в соответствующей судебной инстанции.

В некоторых случаях подсудность уголовного дела предопределяет не только численный, но и персональный состав суда, который будет рассматривать уголовное дело. Это касается, во-первых, производства у мирового судьи, поскольку отнесение уголовного дела к его подсудности в соответствии с ч. 1 ст. 31 УПК предопределяет рассмотрение уголовного дела по существу мировым судьей единолично, а на каждом судебном участке действует только один мировой судья; а во-вторых, пересмотра вступив-

шего в законную силу приговора, определения или постановления суда Президиумом Верховного Суда РФ в надзорном порядке (гл. 48.1 УПК) или ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (п. 10 ч. 1 ст. 417 УПК).

Таким образом, подводя итог нашей работы, стоит отметить, что вариативность составов суда в уголовном

процессе выступает системно образующим фактором, который одновременно порождает две взаимосвязанные необходимости: во-первых, установление четких критериев выбора конкретной модели судебного состава для каждого дела; во-вторых, легальное определение самого понятия «состав суда».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 3.
2. Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учеб. пособие. М., 2016;
3. Савицкий В. М., Ларин А. М. Уголовный процесс: Слов.-справ. М., 1999;
4. Словарь основных терминов по уголовному процессу / под ред. В. К. Боброва. М., 2001.

Суд с участием присяжных заседателей: достаточно ли у председательствующего полномочий для обеспечения законности процесса

Шалаганова Виктория Андреевна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

Часть 2 статьи 20 Конституции Российской Федерации закрепляет в качестве важнейшей процессуальной гарантии права обвиняемого на жизнь возможность передачи его дела на рассмотрение суда с участием присяжных заседателей. Тем самым на конституционном уровне устанавливается приоритет данной формы судопроизводства в тех случаях, когда обвинение сопряжено с наиболее строгими мерами ответственности. Очень точно здесь выразился М. И. Клеандров, отмечая, что участие граждан в судебных делах «будет, безусловно, способствовать более справедливому правосудию, чем без них».

С другой стороны, в данной форме судопроизводства российские граждане реализуют свое конституционное право на участие в отправлении правосудия. При этом население страны, народ, является единственным источником власти в нашем государстве (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ). Он реализует эту власть в том числе и в качестве присяжных заседателей (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ). Более того, с учетом процессуальных особенностей этой модели суда можно говорить именно о непосредственном осуществлении здесь власти народа (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ). При этом согласно ч. 1 ст. 32 Конституции РФ россияне имеют право на участие в управлении делами государства, в том числе и в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ). Таким образом, в суде присяжных обеспечивается непосредственное, самостоятельное участие общества в разрешении правовых конфликтов, тем самым российский народ напрямую вовлекается в управление делами государства. Отсюда следует, что эта форма судопроизводства служит проявлению демократии в полном смысле этого слова. Соответственно, и вопросы повы-

шения ее эффективности крайне актуальны, имеют принципиальное для нашей страны значение.

Конструкция суда присяжных предполагает двухуровневую проверку состоятельности обвинения: его надлежит обосновать как перед профессиональным судьей, так и перед непрофессиональной коллегией, выражающей гражданскую позицию. Оправдательный вердикт присяжных влечет за собой обязательное оправдание подсудимого. Обратная ситуация — обвинительный вердикт при несогласии с ним председательствующего судьи, запускает процедуру роспуска коллегии и направления дела на новое рассмотрение в ином составе (ч. 5 ст. 348 УПК РФ).

Полномочия председательствующего в суде присяжных не исчерпываются руководством процессом доказывания. Его ключевая функция — обеспечение неукоснительного соблюдения процедурных норм на всех этапах судебного разбирательства. Председательствующий в суде присяжных — это не просто организатор исследования доказательств, но, прежде всего, гарант процессуальной чистоты всего производства. Вердикт присяжных (в дословном переводе с латыни — «верно сказанное») утрачивает свое значение как акт социальной справедливости, если его вынесению предшествовали процедурные нарушения, а не только ошибки в оценке доказательственной базы. Именно поэтому законодатель возлагает на судью функцию «хранителя» процессуальной формы: без его строгого надзора участие граждан в правосудии становится фикцией. Данная роль материализуется в конкретных нормативных предписаниях: праве распустить коллегию ввиду ее тенденциозности (ст. 330 УПК РФ), обязанности по запросу присяжных разъяснять им поло-

жения закона (п. 2 ч. 1 ст. 333 УПК РФ), а также детально структурированном напутственном слове, включающем разъяснение уголовно-правовых норм, презумпции невиновности и последствий обвинительного вердикта.

И очень важно помнить, что ввиду крайне высокой значимости и сложности этой модели суда, ее повышенной юридической, социальной, нравственной, политической «нагрузки» формирование внутреннего убеждения присяжных представляет собой филигранный, тонкий, очень чувствительный к внешним влияниям процесс. Любое нарушение закона здесь фатально.

Вместе с тем законодатель не наделил председательствующего правом распустить коллегию в случаях обнаружения сведений о возможном незаконном воздействии на присяжных в ходе процесса. Но как об устоявшейся практике об этом пишет, например, С. А. Пашин: о «вторжении приставов и секретарей в совещательную комнату; сообщении присяжным сведений, порочащих подсудимого, а также о предъявлении им дополнительных доказательств, не рассматривавшихся в ходе судебного следствия». Однако при соответствующем обращении участников процесса к председательствующему он здесь бессилен.

Приведем пример. В ходе обсуждения последствий обвинительного вердикта защитник подсудимого заявляет о том, что с ним связались несколько присяжных и сообщили о нарушении сотрудником суда тайны совещательной комнаты и об оказанном на них давлении. Вследствие чего сторона защиты ходатайствует об их допросе, о допросе указанного сотрудника суда, об изъятии видеозаписей из камер наружного наблюдения, установленных на входе в совещательную комнату, и т. д. То есть просит председательствующего разобраться с вопросом о возможном нарушении закона. Получается абсурдная ситуация: судье заявляют, что при вынесении вердикта сотрудник аппарата суда нарушил тайну совещательной комнаты, говорят о присутствии в зале присяжных, желающих дать показания по этому поводу, но судья такое обращение игнорирует, ссылаясь на отсутствие соответствующих полномочий.

Вместе с тем УПК РФ действительно не содержит норм о возможности производства председательствующим соответствующих судебно-следственных действий, о его полномочии в случае подтверждения представленных

сведений распустить коллегию — аннулировать процесс. Более того, неясно, как толковать в этом случае положения п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, запрещающие допрос присяжных в качестве свидетелей «об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу». В 2020 г. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 7 июля 2020 г. попытался разрешить эту ситуацию, указав на возможность опроса бывших присяжных в рамках производства в суде апелляционной инстанции.

В более подробном приближении можно заключить, что Конституционный Суд РФ пришел к следующим выводам. Тайной совещательной комнаты охватываются сведения, которые касаются существа дела, его фактических обстоятельств. В суде присяжных это данные, связанные с разрешением поставленных перед коллегией вопросов. Сведения о фактах нарушения уголовно-процессуального закона сюда не относятся и лежат за рамками действия института тайны совещательной комнаты. Поэтому и запрет, установленный в п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, здесь не действует. То есть суд апелляционной инстанции может получить от присяжных заседателей соответствующую информацию. При этом поводом для ее изучения и оценки может выступить опрос этих лиц адвокатом с их согласия.

Но при этом Конституционный Суд РФ указал, что суд апелляционной инстанции по обоснованному ходатайству стороны вправе выяснить у присяжных сведения, касающиеся обстоятельств предполагаемого нарушения тайны совещательной комнаты, — без наделения их статусом свидетеля. Обоснование следующее. Осознание присяжным возможности его последующего допроса в качестве свидетеля со всеми вытекающими отсюда ограничениями (обязательность явки, допустимость привода и др.) противоречила бы идее о его независимости.

Мы видим необходимость привлечь внимание законодателя к проблематике расширения контрольных полномочий председательствующего в сфере выявления и пресечения процедурных нарушений. Дальнейшее развитие этого направления видится важнейшим условием модернизации суда присяжных и судебной системы России, стимулирования правовой активности общества, формирования устойчивой уверенности граждан в справедливости правосудия.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision478257.pdf> (дата обращения: 21.06.2026).
2. Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3;
3. Павлова З. КС указал, в каких случаях апелляционный суд может опросить присяжных, вынесших вердикт // Адвокатская газета. 2020. 9 июля;
4. Ростовский суд вынес приговор по делу об убийстве младенца родителями. URL: <https://ria.ru/20241002/prigovor-1976038349.html> (дата обращения: 21.06.2026).

Проблемы определения специального субъекта преступления, предусмотренного статьей 156 УК РФ, и пути их разрешения

Шаньгина Анна Ивановна, студент

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

В статье анализируются проблемы определения специального субъекта преступления, предусмотренного статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются основные доктринальные подходы к пониманию круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, а также выявляются пробелы действующего законодательства и сложности правоприменительной практики. Обосновывается необходимость совершенствования уголовно-правового регулирования с учетом фактических форм воспитания несовершеннолетних и предлагаются возможные направления разрешения выявленных проблем.

Ключевые слова: несовершеннолетний, неисполнение обязанностей по воспитанию, специальный субъект преступления, статья 156 УК РФ, уголовная ответственность, защита прав ребенка.

Уголовно-правовая охрана интересов несовершеннолетних традиционно рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики, что обусловлено их особой социальной уязвимостью и зависимостью от поведения взрослых. Конституционно-правовое значение данной сферы подтверждается положениями статьи 38 Конституции Российской Федерации, закрепляющей обязанность государства обеспечивать защиту детства. Реализация указанного принципа предполагает, в том числе, применение мер уголовно-правового воздействия к лицам, осуществляющим воспитательные функции вопреки интересам ребенка [1]. В этой связи статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) занимает важное место в системе норм, направленных на защиту прав ребенка, поскольку устанавливает ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей по его воспитанию, сопряженное с жестоким обращением. Вместе с тем анализ правоприменительной практики и научных публикаций свидетельствует о наличии устойчивой проблемы, связанной с определением специального субъекта данного преступления.

Особенность состава преступления, предусмотренного статьей 156 УК РФ, заключается в том, что уголовная ответственность ставится в зависимость не только от факта причинения вреда несовершеннолетнему, но и от наличия у виновного лица особого правового статуса, предполагающего обязанность по воспитанию ребенка [1]. Таким образом, субъект данного преступления носит специальный характер, что принципиально отличает его от общего субъекта преступления. Однако действующая редакция уголовного закона не содержит четкого и исчерпывающего определения круга таких лиц, ограничиваясь формулировкой «родитель или иное лицо, на которое возложены эти обязанности», что порождает значительные сложности при квалификации деяний.

В научной литературе выработаны различные подходы к пониманию признаков специального субъекта рассматриваемого преступления. Наиболее устойчивой является позиция, согласно которой субъектом статьи 156

УК РФ могут выступать родители несовершеннолетнего, а также лица, официально заменяющие их в силу закона или решения компетентного органа [2]. Такой подход основывается на положениях семейного законодательства, закрепляющего круг лиц, на которых возлагаются обязанности по воспитанию, содержанию и защите прав ребенка. В этом случае наличие специального субъекта подтверждается юридическим фактом возникновения соответствующих правоотношений, что обеспечивает относительную определенность уголовно-правовой оценки. Именно родители составляют подавляющее большинство лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по статье 156 УК РФ, что дополнительно подчеркивает практическую значимость корректного определения их правового статуса.

В то же время применение рассматриваемой статьи вызывает проблемные ситуации, связанные с привлечением к ответственности несовершеннолетних родителей. Семейное законодательство допускает возникновение у них полного объема родительских прав и обязанностей, в том числе в случае вступления в брак до достижения восемнадцатилетнего возраста [3]. При этом возможно возникновение ситуации, при которой лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, фактически обязано осуществлять воспитание ребенка и несет за него ответственность в семейно-правовом смысле, однако не может быть привлечено к уголовной ответственности по статье 156 УК РФ в силу положений статьи 20 УК РФ. Подобное противоречие указывает на наличие нормативного пробела, снижающего эффективность уголовно-правовой охраны интересов несовершеннолетних.

В то же время социальные процессы, происходящие в современном обществе, демонстрируют существенное расхождение между формально закрепленными семейно-правовыми конструкциями и фактическими моделями воспитания несовершеннолетних. На практике ребенок нередко проживает и воспитывается в условиях, при которых значительное влияние на его развитие оказывают лица, не наделенные формальным статусом родителей либо законных представителей. Речь идет, в част-

ности, о фактических воспитателях [8, с.124], совместно проживающих с несовершеннолетним и реально осуществляющих контроль за его жизнью, поведением и удовлетворением основных потребностей.

Отсутствие нормативного закрепления статуса таких лиц в уголовном праве приводит к неоднозначным выводам при решении вопроса об их уголовной ответственности по статье 156 УК РФ. В одних случаях правоприменитель исходит из невозможности привлечения к ответственности ввиду отсутствия формально возложенных обязанностей по воспитанию, в других — предпринимаются попытки расширительного толкования диспозиции нормы, что вступает в противоречие с принципом законности. При этом судебная практика [9] демонстрирует примеры, когда фактические воспитатели — отчимы, мачехи либо лица, совместно проживающие с родителями ребенка, — совершают деяния, полностью соответствующие объективной стороне статьи 156 УК РФ, однако привлекаются к ответственности по иным составам либо несут менее строгую уголовно-правовую оценку [4, с. 70]. Подобная ситуация свидетельствует о наличии пробела в уголовно-правовом регулировании, который негативно отражается на уровне защиты несовершеннолетних от жестокого обращения в семейно-бытовой сфере.

Представляется, что проблема определения специального субъекта по статье 156 УК РФ не может быть разрешена исключительно путем механического расширения перечня лиц, указанных в диспозиции нормы. В доктринальных исследованиях высказывается позиция о допустимости расширительного понимания субъектного состава за счёт лиц, которые, не обладая формально закреплёнными воспитательными полномочиями, фактически участвуют в процессе воспитания несовершеннолетнего и проживают с ним в одном жилом помещении [5, с. 190]. В качестве таких участников семейно-бытовых отношений называются лица, связанные с ребёнком родственными или квазиродственными связями, включая отчимов и мачех, представителей старшего поколения семьи, а также лиц, состоящих в фактических семейных отношениях с родителями несовершеннолетнего [6]. Наряду с этим в научных публикациях встречаются предложения о признании субъектами рассматриваемого преступления и иных лиц, не связанных с ребёнком узами родства или свойства, при условии их постоянного совместного проживания и реального осуществления воспитательного воздействия. Однако чрезмерная казуистичность уголовного закона способна привести к обратному эффекту, затруднив его применение и нарушив системность правового регулирования. Вместе с тем полное игнорирование фактических форм воспитания несовершеннолетних также не отвечает задачам уголовного права, ориентированного на охрану реально существующих общественных отношений.

В этой связи более обоснованным видится подход, основанный на сочетании формально-юридических и фактических критериев при определении признаков специального субъекта. Ключевое значение в данном случае

должно придаваться наличию у лица реальной возможности и обязанности осуществлять воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, а также степени его вовлеченности в повседневную жизнь ребенка. При этом подобные критерии нуждаются в нормативном и доктринальном уточнении, исключающем произвольное расширение уголовной ответственности [10].

Существенную роль в решении обозначенной проблемы могли бы сыграть разъяснения высших судебных инстанций, направленные на формирование единых подходов к оценке статуса лиц, фактически осуществляющих воспитание несовершеннолетних. Отсутствие таких разъяснений на сегодняшний день способствует сохранению неоднородности судебной практики и снижает превентивный потенциал данной статьи.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что проблема определения специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, до настоящего времени не получила однозначного разрешения ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике. Существующая редакция нормы ориентирована преимущественно на лиц, чьи обязанности по воспитанию несовершеннолетнего закреплены юридически, однако современные семейные отношения значительно шире формальных правовых конструкций. В реальной жизни воспитание ребенка нередко осуществляется лицами, которые не обладают статусом родителя или законного представителя, но фактически выполняют соответствующие функции на постоянной основе.

Представляется, что устранение данной проблемы возможно посредством внесения изменений как в уголовное, так и в семейное законодательство. В частности, заслуживает внимания предложение о дополнении диспозиции ст. 156 УК РФ указанием на иное лицо, совместно проживающее с несовершеннолетним и фактически осуществляющее его воспитание либо надзор за ним. Одновременно целесообразно закрепить в Семейном кодексе РФ само понятие фактического воспитателя, а также определить условия возникновения связанных с таким статусом обязанностей.

Однако простого расширения круга субъектов рассматриваемого преступления недостаточно. Не менее важным является установление понятных критериев, позволяющих определить, относится ли конкретное лицо к числу фактических воспитателей. По нашему мнению, о наличии такого статуса могут свидетельствовать совместное проживание с ребенком в течение продолжительного времени, регулярное осуществление воспитательных функций и надзора, участие в обеспечении повседневных потребностей несовершеннолетнего, а также реальная возможность оказывать влияние на условия его жизни и развитие. Существенное значение должно иметь и то обстоятельство, что подобное участие воспринимается окружающими как выполнение обязанностей по воспитанию ребенка и фактически признается членами семьи.

Для исключения произвольного толкования указанных признаков необходимо определить и подходы к их доказыванию. О фактическом осуществлении воспитания могут свидетельствовать показания свидетелей, характеристики образовательных организаций, материалы органов опеки и подразделений по делам несовершеннолетних, документы о передаче ребенка под присмотр, сведения о сопровождении его в медицинские и образовательные учреждения, а также иные данные, подтверждающие постоянное участие лица в организации жизни

несовершеннолетнего. При этом определяющим должно выступать не наличие формального родства, а реальное исполнение обязанностей по воспитанию и надзору.

Реализация указанных предложений позволит более точно определить круг лиц, подлежащих ответственности по ст. 156 УК РФ, сократить количество спорных ситуаций при квалификации соответствующих деяний и обеспечить более эффективную защиту несовершеннолетних от жестокого обращения независимо от того, кем именно фактически осуществляется их воспитание.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 1. — 01.01.1996, — ст. 16.
4. Западнова Ю. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: проблемы установления признаков специального субъекта преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1.
5. Караваева Ю. С. О необходимости расширения круга субъектов уголовно наказуемого неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (61).
6. Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56.
7. Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1.
8. Ондар Д. М. Проблемы определения специального субъекта ст. 156 УК РФ // Право и практика. 2018. № 3.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2024 г. по делу № 18-УД24-22-А3.
10. Толстик В. А. К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.

Организационно-тактические особенности преодоления «заговора молчания» на первоначальном этапе расследования убийств, совершенных по мотиву кровной мести

Ширепов Алексей Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Волков Андрей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Убийства, совершенные по мотиву кровной мести, характеризуются высоким уровнем противодействия расследованию, основанным на круговой поруке кровнородственных групп и феномене «заговора молчания». Информационная блокада, создаваемая родственниками потерпевшего и подозреваемого, делает первоначальный этап расследования критически сложным. Цель: выявление и систематизация организационно-тактических особенностей преодоления «заговора молчания» через многоуровневое взаимодействие следователя с оперативными подразделениями, участковыми уполномоченными и специалистами-этнологами. Методологическая основа: диалектико-материалистический подход к познанию социальных явлений, общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод. Проанализирована природа «заговора молчания» как формы организованного противодействия; обоснована необходимость привлечения специалиста-этнолога для интерпретации ритуальных маркеров и мотивационных аспектов поведения фигурантов; предложен алгоритм синхронизации гласных следственных действий и негласных оперативно-розыскных мероприятий, направленный на разрушение информационной блокады.

Преодоление «заговора молчания» возможно только при комплексном подходе, сочетающем криминалистические методы с этнокультурными знаниями, где ключевым звеном выступает предметная координация работы всех участников следственно-оперативной группы.

Ключевые слова: кровная месть, обычай, первоначальный этап расследования, заговор молчания, взаимодействие следователя, специалист-этнолог, оперативно-розыскные мероприятия, противодействие расследованию.

Расследование убийств, совершенных по мотиву кровной мести, представляет собой одну из наиболее сложных задач, стоящих перед правоохранительными органами. Специфика данного вида преступлений обусловлена их глубокими социокультурными корнями и высочайшим уровнем организованного противодействия. В отличие от общеуголовных убийств, где сокрытие следов носит преимущественно индивидуальный характер, здесь противодействие становится коллективным, охватывающим всю кровнородственную группу как со стороны потерпевшего, так и подозреваемого. Родственники жертвы, рассчитывая на самосуд или получение выкупа («дия»), отказываются от сотрудничества со следствием. Родственники подозреваемого уничтожают улики, обеспечивают ложное алиби и оказывают прямое давление на потенциальных свидетелей. Формируется так называемый «заговор молчания» — информационная блокада, преодоление которой на первоначальном этапе становится первостепенной организационной и тактической задачей следователя. Цель настоящей статьи заключается в выявлении и систематизации особенностей деятельности следователя по преодолению этого противодействия через налаживание многоуровневого взаимодействия.

Природа «заговора молчания» как форма противодействия

В контексте расследования убийств по мотиву кровной мести «заговор молчания» является не спонтанной реакцией, а устойчивой и воспроизводимой из поколения в поколение моделью поведения, содержание и следование, которой уже заранее известно членам кровнородственных групп.

Суть данной модели заключается в том, что отказ от сотрудничества с правоохранительными органами, обеспечение ложного алиби, сокрытие исполнителя и уничтожение следов оцениваются внутри клана не через категории законности, а через категории родового долга, что придаёт им характер обязательных и социально одобряемых действий. Данная негласная норма транслируется как строго соблюдаемое правило, отступление от которого влечёт ostracism. Именно это придаёт «заговору молчания» характер системного, а не ситуативного противодействия расследованию. Как отмечает И. А. Крайнова, подобный феномен выступает не просто как отсутствие информации, а как активное коллективное действие, направленное на блокирование внешнего вмешательства [1, с. 38].

Его детерминантами в рассматриваемой категории дел выступают, во-первых, страх перед местью со стороны противоборствующего рода за сотрудничество с властями. Во-вторых, сакрализация конфликта, при которой обращение к государственной правоохране воспринимается как проявление слабости и оскорбление памяти предков. В-третьих, расчет родственников потерпевшего на самостоятельное восстановление «справедливости» путем ответного убийства. Таким образом, следователь сталкивается не с пассивным сокрытием свидетелями отдельных фактов, а с системным противодействием, требующим симметричного системного подхода к его преодолению.

Координирующая роль следователя в организации взаимодействия

Центральной формой преодоления «заговора молчания» выступает постоянно действующая следственно-оперативная группа (СОГ), где следователь выполняет координирующую роль. Эффективность работы СОГ напрямую зависит от предметности и конкретности поручений, которые следователь направляет оперативным подразделениям. Практика показывает неэффективность общих указаний «установить свидетелей и собрать характеризующий материал». Вместо этого поручение должно формулироваться предельно конкретно, с указанием проверяемой гипотезы, например: «Установить, кому именно из родственников потерпевшего М. подозреваемый А. нанес оскорбление во время конфликта 10 сентября у сельской администрации, и кто из присутствовавших при этом лиц мужского пола из рода М. публично высказывал угрозы в адрес семьи А. в последующие дни».

Синхронизация гласных следственных действий и негласных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) является ключевым тактическим приемом. Допрос «нейтрального» свидетеля, не принадлежащего к конфликтующим родам, может планироваться одновременно с проведением ОРМ «наблюдение» за ближайшим окружением подозреваемого. Полученная на допросе информация о возможном местонахождении орудия преступления незамедлительно передается оперативным сотрудникам для реализации в рамках ОРМ «обследование помещений». Именно такая синхронизация, когда результаты одного действия служат основанием для немедленного проведения другого, позволяет разрушить информационную блокаду, создаваемую родственными группами в первые, наиболее критические часы и сутки после совершения преступления.

Роль участкового уполномоченного и специалиста-этнолога в разрушении информационной блокады

Особое место в системе взаимодействия занимают два субъекта, обладающие специфическими знаниями, недоступными следователю. Во-первых, это участковый уполномоченный, который в силу специфики своей службы владеет уникальной информацией о бытовых конфликтах, неформальной иерархии обслуживаемой территории, структуре родственных связей и попытках примирения враждующих сторон. Следователю необходимо наладить с участковым личный контакт и получить от него в инициативном порядке справку-меморандум, содержащую генеалогическую схему конфликтующих родов, сведения о предыдущих инцидентах между ними (даже зафиксированных в формальных отказных материалах), а также данные о лицах, которые традиционно выполняют роль медиаторов в данной местности. Эта информация, не всегда содержащаяся в материалах официальных запросов, зачастую становится ключом к выбору тактики допроса конкретных фигурантов.

Во-вторых, это специалист-этнолог (этнограф), привлечение которого необходимо уже на стадии осмотра места происшествия. Без его консультации следователь рискует неверно интерпретировать картину преступления и упустить мотивационные маркеры. Например, поза трупа (намеренное поворачивание головы в сторону дома обидчика), оставление орудия преступления в ране как символа гордости за содеянное, демонстративное размещение на теле предметов, имеющих сакральное или оскорбительное значение, — все эти знаковые маркеры могут быть «прочитаны» только носителем специальных этнокультурных знаний. Получив от специалиста разъяснение о том, что конкретный характер повреждений или поза трупа является не просто особой жестокостью, а строго регламентированным обычаем ритуального «наказания», следователь получает в руки мощнейший тактический инструмент. При допросе родственников подозреваемого, выгораживающих его, демонстрация следователем понимания сакрального смысла ритуальных манипуляций зачастую колеблет установку на ложь сильнее, чем предъявление формальных улик, поскольку свидетель понимает, что следователь «в теме» и обмануть его будет сложнее.

Специалист-этнолог также может дать консультацию по вопросам, важным для планирования оперативно-розыскных мероприятий: кто из старейшин или религиозных деятелей пользуется авторитетом у подозреваемого и может быть использован для склонения его к явке с повинной; какие каналы неформальной коммуникации («чайхана», места проведения религиозных обрядов —

«молельные дома, комнаты», свадебные мероприятия — «той») используются для передачи информации и давления на свидетелей. Полученные от специалиста сведения кладутся следователем в основу конкретных поручений органу дознания на проведение ОРМ.

Использование института государственной защиты как тактического стимула

Наконец, важнейшим тактическим приемом преодоления «заговора молчания» является разъяснение свидетелям и их близким возможностей государственной защиты, предусмотренных Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Следователь не должен ограничиваться формальным упоминанием о такой возможности в протоколе. При установлении психологического контакта с допрашиваемым, испытывающим страх, необходимо предметно разъяснить, какие именно меры безопасности могут быть применены: допрос под псевдонимом (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) в условиях, исключающих визуальное наблюдение; переселение на другое место жительства; изменение внешности. Понимание того, что государство способно физически «вырвать» человека и его семью из орбиты влияния кровнородственной группы, зачастую становится единственным стимулом, разрушающим круговую поруку молчания. При этом следователь должен осознавать, что обещание защиты должно быть безусловно выполнимым, а его неисполнение полностью дискредитирует следствие в глазах местного сообщества и закроет доступ к иным источникам информации по данному и будущим делам.

Таким образом, преодоление «заговора молчания» на первоначальном этапе расследования убийств по мотиву кровной мести требует от следователя не пассивной фиксации отказов от дачи показаний, а активной наступательной тактики, основанной на многоуровневом взаимодействии. Фундаментом успеха выступает конкретизация поручений оперативным подразделениям и синхронизация гласных действий с ОРМ. Ключевым ресурсом, позволяющим разрушить информационную блокаду, является использование специальных знаний участкового уполномоченного и специалиста-этнолога, с помощью которых выявляются мотивационные маркеры и неформальные каналы влияния. Дополняет этот комплекс разъяснение реальных возможностей государственной защиты как тактического стимула к сотрудничеству. Только такой комплексный подход позволяет не только получить доказательства по конкретному преступлению, но и создать условия для разрыва порочного круга кровной вражды.

Литература:

1. Крайнова И. А. Концептуализация «заговора молчания» как аспект исследования социальных рисков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2019. — № 2. — С. 35–45.

2. Корсаков К. В. Убийство по мотиву кровной мести: особенности субъекта преступления // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 468. — С. 253–258.
3. Шолько М. А. Особенности предварительного расследования убийств, совершенных по мотиву кровной мести и кровной вражды: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2007. — 28 с.

Криминалистическая характеристика расследования преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи

Щербакова Мария Васильевна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором рассмотрены фундаментальные теоретико-правовые основы криминалистической характеристики расследования преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи, сквозь призму понятийно-категориального аппарата дефиниции криминалистической характеристики, типичного элементного состава криминалистической характеристики и, в конечном счете, предложены правоприменительные рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности следователя в рамках расследования анализируемой категории уголовно-правовых деликтов.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, элементы криминалистической характеристики, преступление, расследование, преступления против жизни и здоровья.

Вопросам сущности криминалистической характеристики в настоящее время в доктрине криминалистической науки уделяется пристальное внимание. Вместе с тем, нельзя не отметить, что криминалистическая характеристика находится в стадии поэтапной трансформации, поскольку единый понятийно-категориальный аппарат дефиниции «криминалистическая характеристика» представителями криминалистической науки не выработан, а также не сформирован целостный подход к определению конкретных элементов криминалистической характеристики, подлежащих установлению в рамках расследования уголовно-правовых деликтов.

В связи с этим, криминалистическая характеристика является одним из важнейших компонентов расследования любого преступления, поскольку способствует правоприменителям наиболее эффективно устанавливать и осуществлять процессуальную фиксацию сведений о событии преступления, личности подозреваемых, потерпевшего, свидетелей, а также иных фактов о преступном событии, путем поэтапного производства всех необходимых следственных действий. Для последующего рассмотрения сущности криминалистической характеристики необходимо рассмотреть основные доктринальные подходы к определению ее понятийно-категориального аппарата [7, с. 128].

Так, именно советским ученым А. Н. Колисниченко в своих научных трудах положено начало и впервые было применено понятие криминалистической характеристики преступлений, однако, в свою очередь, содержательная часть данного термина им не была предложена [4, с. 14].

Вместе с тем, исследованию природы криминалистической характеристики существенное внимание было уделено Л. А. Сергеевым, который впервые раскрыл

и предложил свою авторскую формулировку криминалистической характеристики преступлений, представив ее в качестве особенностей уголовно-правового деликта, установление которых оказывает существенное влияние на раскрытие и расследование преступления, отображая объективные и субъективные признаки состава преступления [5, с. 194]. Конечно, нельзя не отметить, что на этапе своего формирования криминалистическую характеристику раскрывали с точки зрения криминологической и уголовно-правовой науки, уделяя внимание не способам расследования преступления, обстоятельствам, подлежащих установлению, а элементам состава преступления.

Иной представитель советской криминалистической науки С. В. Винокуров придерживается иного подхода, раскрывая криминалистическую характеристику преступления в качестве инструмента, механизма, имеющегося в орбите следствия, применяемого в рамках расследования конкретного преступного деяния, целью которой является установление всех имеющих значения обстоятельств уголовного дела, личностных особенностей субъекта уголовно-правового деликта, способа совершения преступления, обстановки и др. [3, с. 241].

Существенным образом в контексте определения сущности данного института отличается позиция А. А. Эйсмана, который представил криминалистическую характеристику в качестве обоснованной частной научной теорией, заключающейся в необходимости следователем установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, с выделением среди них скрытых, неочевидных обстоятельств, характеризующих преступление данного вида (группы) на момент начала расследования, и служит эффективной организации расследования [6, с. 154].

Нельзя не привести мнение Р. С. Белкина, который понимал криминалистическую характеристику в качестве результата научного познания, исследования конкретных видов преступлений, представленное в едином понятии, объединяющее в себе сведения, данные, информацию о типичных элементах, признаков, особенностей конкретного вида или группы преступлений [2, с. 134]. Однако впоследствии в своих работах представитель криминалистической науки отметил о низкой правоприменительной эффективности криминалистической характеристики.

Криминалистическая характеристика включает в себя ряд централизованных элементов, которые составляют ее структуру. В доктрине криминалистической науки данные элементы дифференцируются на типичные или нетипичные. В связи с этим, нельзя не отметить, что вопросам формирования, развития и систематического дополнения элементного состава криминалистической характеристики современные ученые уделяют существенное внимание, поскольку данная научная теория тесно коррелируется с положениями ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), регулирующая перечень обстоятельств уголовно-правового деликта, требующих установления в ходе реализации стадии предварительного следствия. Именно внесение данной нормы в уголовно-процессуальное законодательство стало основанием для последующего проведения научных исследований в части расширения, унификации и адаптации типичных элементов криминалистической характеристики как под законодательно-установленный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, так и под постоянно изменяющееся уголовно-правовое законодательство [1].

Рассмотрим более детально элементы криминалистической характеристики при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи. Одним из главных элементов криминалистической характеристики выступает способ реализации преступного умысла, именно установление данного элемента позволяет определить правильно ли был выбран перечень медицинских тактик лечения пациента, способ проведения операции, наличие или отсутствие фактора «врачебной ошибки», вместе с тем, способ совершения преступления тесно коррелируется со способом сокрытия следовой картины происшествия, поскольку следователь не обладает специальным уровнем научного познания в данной области, необходимо привлекать независимых специалистов с медицинским образованием.

Еще одним ключевым элементом выступает обстановка совершения преступления, в этом случае следователь должен установить, непосредственно преступление было совершено в палате, в операционной, процедурном кабинете либо в ином другом помещении, либо вовсе за территорией медицинского учреждения, наличие или отсутствие необходимого оборудования для оказания медицинской помощи, его материально-техническое обслуживание, уровень санаторно-эпидемиологического состояния медицинского учреждения.

Следующая категория элементом представлена характеристикой личности подозреваемого, потерпевшего и свидетелей, в этом случае, следователь устанавливает всеобъемлющую информацию о каждом из участников уголовного судопроизводства, в том числе обязательные сведения, установление которых выступает требованием уголовно-процессуального законодательства.

Также в заключении о типичных элементах криминалистической характеристики при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи, включают предмет преступного посягательства, типичный механизм следообразования, возникающий при совершении преступления, а также поведенческие модели медицинских работников, начиная от административного персонала, персонала врачей, медицинских сестер либо сотрудников материально-технического обеспечения медицинского учреждения.

В заключении отметим, что видится необходимость систематического совершенствования криминалистической характеристики расследования преступлений, в частности против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи, поскольку сложность и объем расследования данной категории преступлений позволяет подозреваемым умело предпринимать действия по сокрытию следов преступных деяний в силу обладания знаниями в данной области.

А также необходимо централизовать подходы к определению понятия «криминалистическая характеристика» и определить ее в качестве совокупности сведений о совершенном уголовно-правовом деликте, корреляции установленных данных, включающих в себя механизм реализации преступного умысла, личности преступника, источника информации, имеющей значения для последующего расследования уголовного дела, с целью выполнения фундаментальных задач уголовного судопроизводства, достижение которых обуславливается использованием криминалистических методов, приемов, средств.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Белкин Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула, 2000.
3. Винокуров С. И. Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования. Методика расследования преступления (общие положения). М., 1976.

4. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Харьков, 1967.
5. Сергеев Л. А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений // Руководство для следователей. М., 1971.
6. Эйсман А. А. О содержании понятия криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.
7. Эртель Л. А., Стрижев В. А., Решетняк О. А. Институт специальных знаний в области судебной психологии и судебной психиатрии в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (629) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 8.07.2026. Дата выхода в свет: 15.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.